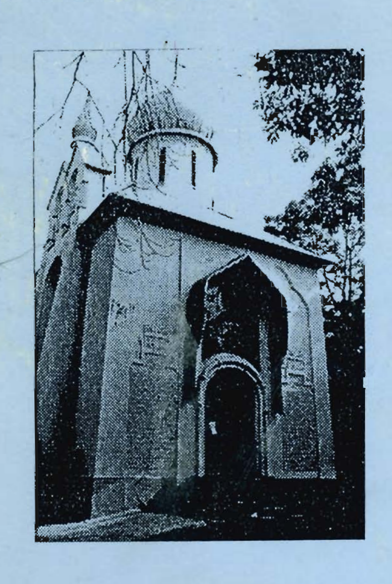

Е.П.Серапионова

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (20 - 30-е годы)

Москва 1995

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)
Российский гуманитарный научный фонд

Е.П.Серапионова

РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (20 - 30-е годы)

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
М.А.Робинсон

МОСКВА 1995

В книге рассматриваются состав, численность, материальные и правовые условия жизни российских эмигрантов в Чехословакии в 20-30-е годы XX века. Автор анализирует деятельность эмигрантских организаций, приводит данные об их личном составе, раскрывает основные задачи и направления их функционирования. В монографии представлен подробный и обстоятельный очерк истории Земгора, больше других сделавшего для обустройства россиян в ЧСР. В центре внимания автора неполитическая деятельность эмигрантских объединений, в том числе благотворительная, культурно-просветительная и научная.

Рецензенты:
доктор исторических наук **И.И.Костюшко**
доктор исторических наук **Г.Ф.Матвеев**

На обложке -
Храм Успения Пресвятой Богородицы
на Ольшанском кладбище (г. Прага)

ISBN 5-7576-0018-7

ВВЕДЕНИЕ

Российские эмигранты в советской историографии - это изгои, непримиримые враги Советского Союза, клевещущие на "самый прогрессивный" социалистический строй, идеализирующие прошлое и призывающие к его возврату , "к ужасам царской России".

В художественной литературе, кинематографе сложился более сложный образ эмигрантов - нередко это люди трудных судеб, некоторые даже не лишенные внутреннего благородства, но почти всегда очень несчастные, влачившие полунищенское существование, никому не нужные и в какой-то степени ущербные.

Достижения научной мысли российского зарубежья зачастую в СССР замалчивались или приуменьшались. Деятелей культуры и искусства, занимавших открыто враждебную советскому режиму позицию, не замечали, их творчество замалчивали, произведения не публиковали. О наиболее значительных в культурно-научных кругах фигурах, хорошо известных еще в дореволюционной России, чей успех за границей невозможно было скрыть, принято было говорить, что их таланты на родине раскрылись бы еще лучше, что самые значительные свои произведения они создали до эмиграции и т.п.

Среди советских историков эмигрантская тематика вообще не пользовалась особой популярностью. Отчасти это объяснялось политической конъюнктурой, закрытостью архивов и недоступностью литературы, находившейся в спецхранах. Однако интерес к этой проблематике существовал всегда, доказательством чего явилась лавина журнальных и газетных статей об эмиграции периода так называемой "перестройки". В настоящее время все больше профессиональных историков (как бы сменив журналистов) обращаются к изучению жизни и

деятельности своих соотечественников, изгнанных или добровольно покинувших родину в период первой мировой войны, революций и гражданской войны.

Вынужденный выезд 3 млн россиян* за границу говорит о большой трагедии, переживаемой постреволюционной Россией. Но что значит эта цифра для такой огромной страны? Казалось бы, количество эмигрантов было не столь велико. Однако большевистский переворот 1917 г. декларировался как совершаемый в интересах пролетариата, а фабрично-заводских рабочих в то время в России насчитывалось немногим более 3,5 млн. Таким образом, если сравнивать эти цифры, то число эмигрировавших представляется довольно значительным. При этом подчеркнем, что уезжали в основном люди в расцвете сил - военные и казаки, сражавшиеся с Красной Армией, и интеллигенция, среди которой были те, кто составлял цвет и гордость Отечества. В этой категории уехавших было немало лиц политически нейтральных, бежавших как от белого, так и от красного террора, от хаоса и послевоенной разрухи. Известно о насильственных мобилизациях в Белую армию, погромах и расстрелах, чинимых белогвардейцами. Но не менее страшную картину воссоздают цифры, опубликованные в газете "Воля России" (левоэсеровского направления; издавалась в Праге) в сентябре 1920 г. о репрессиях большевиков[1]. Всего в течение 1918-го и семи месяцев 1919 г. большевиками в России было подавлено 344 восстания, при этом убито более 3 тыс.человек, раскрыто 412 так называемых контрреволюционных организаций (в том числе кадетских, черносотенных, эсеровских,меньшевистских и "неопределенных"), около 9,5 тыс.человек попали в концентрационные лагеря, более 34 тыс. посажены в тюрьмы и более 13 тыс. человек содержались в качестве заложников. Число конфискаций за это время превысило две тысячи. Карательные органы расстреляли за экономические, уголовные и политические преступления (среди последних такие, как шпионаж, участие в восстаниях, членство в контрреволю-

* Это максимальное число уехавших, известное в литературе.

ционных организациях, и даже призыв к восстанию) 8 тыс. человек. Кроме того, Петроградской ЧК было расстреляно 1206 человек, Московской - 234 человека, Киевской - 825, ВЧК - 881 человек. Эти данные взяты из книги М.Я.Лациса "Два года борьбы на внутреннем фронте" и, как признавался сам автор, были далеко не полными и охватывали всего 20 центральных губерний России[2]. Вышеприведенные цифры говорят сами за себя и, если учесть еще царившую в стране послевоенную разруху, голод, грабежи, поджоги и беспредел властей, то станут очевидными причины, побуждавшие людей оставить свой дом и искать приюта, скитаясь по разным странам.

В феврале 1920 г. А.М.Горький обратился к Ленину с письмом, выражавшим протест против политики большевиков в отношении интеллигенции. Он писал: "...Арестовано несколько десятков виднейших русских ученых, в их числе: Депи, Осипов, Тепешин, Буш, Крогиус, Ольденбург, Белоголовый, Гримм и пр. ...Для меня богатство страны, сила народа выражается в количестве и качестве интеллектуальных сил. Революция имеет смысл тогда, когда это способствует росту и развитию этих сил. К людям науки следует обращаться возможно бережнее и уважительнее - особенно необходимо у нас, где 17-летние мальчишки идут в казармы и на бойню гражданской войны и где рост интеллектуальных сил будет надолго задержан. Мы, спасая свои шкуры, режем голову народу, уничтожая его мозг. Очевидно, у нас нет надежды победить и нет мужества с честью погибнуть, если мы прибегаем к такому варварскому и позорному приему, каким я считаю истребление культурных сил страны. Я решительно протестую против этой тактики, которая поражает мозг народа, и без того достаточно нищего духовно... предпочитаю арест и тюремное заключение участию, хотя бы молчаливому, в истреблении лучших, ценнейших сил русского народа"[3].

Принято считать, что история не терпит сослагательного наклонения. Но обращаясь к событиям тех лет, невольно задаешься вопосом: "Что было бы со страной, если бы не революция, не гибель и отъезд из страны ее лучших специалистов,

научных кадров?" В 1920 г. лишь в одной Москве было 55 незамещенных кафедр[4], а образовательный уровень значительной части советских служащих (более 60%) не превышал школьный (имеется в виду школа I-й ступени, т.е. начальная школа)[5]. Большевикам по сути пришлось, за редким исключением, создавать новую интеллигенцию, так называемую интеллигенцию в первом поколении, которая в силу политических требований и амбиций не могла быть носительницей традиций, а, напротив, активно отрицала их.

Изучение жизни и деятельности российского зарубежья представляется весьма перспективным, так как именно эмигранты, с одной стороны, были продолжителями общественных, научных, культурных, образовательных национальных традиций, а, с другой, - связывали Россию со всем остальным цивилизованным миром.

В Чехословацкой республике русская колония образовала своеобразный научно-образовательный центр. Историки-богемисты советского периода основное внимание уделяли исследованию советско-чехословацких отношений, которые представлялись ими как все более укреплявшиеся и расширявшиеся. Вопрос о российской эмиграции, нашедшей приют и поддержку у чехословацкого правительства, на протяжении всего межвоенного периода отягощал двусторонние отношения ЧСР и СССР, поэтому и оставался на периферии научного интереса советских исследователей. Среди работ общего характера о российской эмиграции, пожалуй, наиболее известной и выдержавшей несколько изданий была книга Л.К.Шкаренкова "Агония белой эмиграции", написанная на мемуарной литературе с привлечением архивных коллекций (в основним переписки эмигрантских деятелей), и на периодике тех лет. Книга в свое время вызвала большой интерес прежде всего из-за собранного автором фактического материала; она была издана большим тиражом. В настоящее время авторская концепция, основанная на утверждении о "бесперспективности поиска альтернатив социалистическому строю в СССР"[6], безусловно устарела. Существует также целый блок литературы о политической антисоветс-

кой деятельности эмиграции, так называемом "активизме", которая также требует пересмотра и иных оценок[7]. Культурная, просветительская, научная, благотворительная деятельность российского зарубежья оставалась в тени, по сути не была исследована вплоть до последнего времени. В 1992 г. вышла работа В.Т.Пашуто о русских историках-эмигрантах, работавших в Европе[8]. Ее основу составили главы незавершенной монографии ученого о Белградском и Пражском научных центрах эмиграции. Кроме того, в нее были включены неопубликованные ранее биографии и автобиографии крупных историков, их переписка, описи оставшихся после них архивов и воспоминания Н.Н.Алексеева. Книга является ценным источником, позволяющим судить о достижениях российской исторической науки за рубежом. Во второй главе подробно рассматривается деятельность семинара по наследию выдающегося археолога и искусствоведа, византиниста Н.П.Кондакова (созданного в 1925 г. уже после кончины ученого его учениками и последователями)*, научные труды Русского народного университета (РНУ), записки Русского исторического общества (РИО), сборник Русского института, а также судьбы русских студентов юридического факультета. Этот материал дает представление об основных направлениях исследований историков различных специальностей: русистов, славяноведов, византинистов, искусствоведов. Перечисление и анализ работ историков-эмигрантов в книге В.Т.Пашуто позволяет специалистам ввести эти ранее неизвестные в отечественной историографии труды в научный оборот. Правда, и этой работе присущ определенный критицизм в отношении трудов коллег-эмигрантов с позиций историка-марксиста.

Статья М.Ю.Досталь "Печатные источники для изучения истории славистики русского зарубежья (Чехословацкий славистический центр)"[9] продолжает эту проблематику. В 1993 г. вышел из печати сборник статей "Российские ученые и

---

* В 1931 г. семинар был преобразован в Институт Н.П.Кондакова. Руководили им А.П.Калитинский, Н.П.Толль и Н.Е.Андреев.

инженеры в эмиграции" под редакцией В.П.Борисова. В нем, в частности, содержится статья В.И.Оноприенко о выдающемся русском геологе Н.И.Андрусове, с 1922 по 1924 гг. жившем в Праге[10]. В начале 90-х годов был защищен ряд диссертаций о российской эмиграции на соискание ученых степеней кандидата исторических и философских наук, среди них особо отметим работу Е.Ю.Борисенок "Чехословацкое и русское земледельческое движение в 20-е годы"[11]. В это же время появились четыре тематических выпуска журнала "Славяноведение", практически полностью посвященные российской эмиграции в славянских странах. В них опубликованы статьи о русском земледельческом движении в ЧСР, российских славистах в Братиславе, Институте им.Н.П.Кондакова, о евразийстве и другие интересные материалы - в частности сообщения, основанные на архивных документах[12]. Необходимо констатировать тот факт, что в настоящее время ученые различных специальностей: историки, философы, литературоведы, специалисты в области культуры и естествознания активно включились в изучение наследия российского зарубежья.

Сами эмигранты издали ряд работ, непосредственно связанных с жизнью и деятельностью русской колонии в Чехословакии. В 1928 г. в Праге вышел в свет сборник "Русские в Праге 1918-1928" (изд-во "Воля России"), редактором и составителем которого был С.П.Постников. Сборник появился к 10-летию образования Чехословацкой республики и как бы подводил итоги деятельности русских эмигрантов в Праге за эту декаду. О сборнике можно говорить как о коллекции источников, так как в нем опубликованы присланные Постникову отчеты эмигрантских организаций*. В его первой части рассказывается о существовавших в Чехословакии российских общественных, культурных, студенческих, казачьих, экономических организациях, научных обществах, учебных заведениях, профессиональных и корпоративных объединениях. Во второй части

---

* В фонде Земгора (ГАРФ) хранится переписка с С.П.Постниковым по этому поводу.

помещены статьи В.Г.Архангельского, М.М.Новикова, А.В.Флоровского, С.И.Гессена, В.М.Юрасова, Н.Еленева, И.Лапшина, А.Брейя, А.А.Тескова, А.Крезе и П.Милославского, рассказывающие о вкладе русских в развитие науки и искусства в Чехословакии. Изучив эти материалы, соглашаешься с основным выводом Постникова о том, что "русские люди, даже выброшенные из своей страны и оказавшиеся в чужой для них заграничной обстановке, в тяжелых условиях эмигрантской жизни, не потерялись, но нашли в себе достаточно духа и энергии, чтобы работать во всех областях общечеловеческой культуры"[13].

В 1935 г. в Праге издательство Русского свободного университета опубликовало работу М.М.Новикова "Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую научную библиографию", посвященную деятельности основных научных учреждений в Чехословакии[14]. В ней подробно проанализированы достижения ученых естественного и технического профиля: биологов М.М.Новикова, Л.В.Черносвитова, С.А.Грабье, зоолога К.И.Гаврилова, ботаников В.С.Ильина, П.Ф.Миловидова, Н.Ю.Вагнера, Н.Н.Малышева, Г.И.Ширяева, медиков Г.Я.Трошина, Ф.Н.Досужнова, Ф.Ф.Никишина, Н.Е.Осипова, химиков И.Л.Кондакова, В.И.Исаева, А.И.Глазунова, геолога Н.Е.Андрусова, почвоведов Б.Н.Одинцова и П.В.Отоцкого, агронома В.Э.Брунста, специалиста в области кораблестроения и аэронавтики А.П.Фан дер Флита, инженера по строительству мостов Г.Г.Кривошеина, математиков Д.Ф.Селиванова, Е.Л.Буницкого, Н.Е.Подтягина, астронома В.В.Стратонова. Это издание является весьма ценным для историков науки.

В последние годы интерес к судьбам выходцев из России проявляют чешские и словацкие историки. Так, коллектив исследователей подготовил (под редакцией В.Вебера) 3 сборника статей о русской и украинской эмиграции в ЧСР в 1918-1945 гг. В сборники вошли как общие статьи об эмиграции в Чехословакии[15], так и статьи об эмигрантах в различных регионах

республики[16]. Кроме того среди материалов сборников находим и специальные статьи, посвященные деятельности отдельных эмигрантских организаций[17], а также жизни и творчеству отдельных личностей[18]. Можно сказать, что авторы отнеслись к теме эмиграции комплексно, исследуя ее на различных уровнях, что весьма интересно для читателя. Достаточно широкий хронологический охват позволяет оценить особенности положения эмигрантов в Чехословакии в различные годы. Материалы сборников свидетельствуют о серьезном подходе наших коллег к данной проблематике и большой работе, проведенной ими в чешских и словацких архивах. Заслуживает внимания также первый номер журнала "Слованский преглед" за 1993 г., полностью посвященный русской эмиграции в ЧСР. Статьи З.Сладека, Е.Чиняевой, З.Шимечка, В.Гонца, М.Г.Валдалковской, С.Тейхмановой, И.Вацека, Т.Подгаевской, К.Мартинека рассказывают об истории эмиграции в Чехословакии, ее отношениях с чехословацким правительством, русских и украинских славистах, философах, театре, периодике, библиотеках, архивах и других очагах русской культуры в ЧСР[19]. Статьи З.Сладека и Е.Чиняевой опубликованы также в журнале "Славяноведение"[20]. Все эти работы для настоящей монографии представляют особый интерес, так как в них использованы документы чешских и словацких архивов о российской эмиграции межвоенного периода, а также богатейшие фонды Славянской библиотеки в Праге.

В августе 1995 г. в Праге состоялась международная конференция "Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами". Доклады, представленные на конференции, были посвящены результатам и перспективам проведенных исследований[21]. Славянская библиотека при Национальной библиотеке Чешской республики, Славянский институт АН ЧР и Общество по изучению Восточной и Средней Европы в Чешской республике подготовили и опубликовали к конференции каталог выставки, проходившей в ее рамках, с кратким перечнем и характеристикой эмигрантских

организаций, существовавших в Чехословакии, список адресатов, путеводитель по эмигрантским фондам и собраниям в Чешской республике, путеводитель по фондам и службам Славянской библиотеки и ряд других важных для исследователей материалов.

В последние годы вышли и первые исторические исследования обобщающего характера о российской эмиграции. Одним из них является работа С.Тейхмановой "Россия в Чехословакии (Белая эмиграция в ЧСР 1917-1939)", написанная в форме очерков. В небольшой по объему книге сконцентрирован огромный фактический материал о политических организациях и культурных учреждениях русских в ЧСР[22].

Обобщающим культурное наследие русского зарубежья трудом стала книга профессора русской истории Колумбийского университета (США) М.Раева[23]. В 1994 г. она вышла в русском переводе. Значительное место в ней уделено Пражскому культурному центру, который автор считает наряду с Парижем и Берлином основным средоточием русской интеллектуальной элиты.

Монография, предлагаемая читателю, подготовлена на материалах Русского исторического заграничного архива (так называемого Пражского), переданного в 1945 г. чехословацким правительством в Москву и долгое время находившегося на спецхранений в ЦГАОРе (ныне - это Государственный архив Российской Федерации, ГАРФ). В конце 80-х годов документы Пражского архива стали доступны исследователям. Материалы, относящиеся к российской эмиграции в ЧСР, составляют обширную коллекцию - сорок один фонд. Наиболее крупными из них являются: фонд Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгор), насчитывающий 7500 единиц хранения; фонд Административной комиссии русских землевладельцев при Земледельческой едноте (союзе) Чехословацкой республики (4121 ед.хр.); фонд Русского юридического факультета (1395 ед.хр.) и фонд Объединения русских эмигрантстких студенческих организаций (ОРЭСО) - (1157 ед.хр.). Материалы перечисленных фондов

представляют собой положения, уставы, журналы заседаний эмигрантских организаций, их переписку с чехословацкими правительственными и общественными организациями и Лигой Наций, списки членов, различные меморандумы, информационные бюллетени, отдельные статьи и вырезки из эмигрантских изданий.

При подготовке монографии также использованы документы Архива Закарпатской области (г.Берегово), эмигрантская и чехословацкая периодика 20-30-х годов и мемуары.

Кроме того автором частично использованы документы и материалы фондов RUESO, KRUS, UM, PMR, хранящиеся в Государственном центральном архиве Чешской республики (SUA).

В центре внимания автора - неполитическая деятельность эмигрантских организаций, их состав, численность, анализ задач и основных направлений работы. В основном речь идет лишь об организованной части российских эмигрантов, т.е. людях, входивших в определенные объединения, прежде всего русские. Украинские и белорусские эмигрантские организации, существовавшие как самостоятельные, в книге не рассматриваются.

Примечания

1. *Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.
2. Там же, с.45-76; Воля России. 1920. 21 сент.
3. Воля России. 1920. 21 сент.
4. Там же. 28 сент.
5. Там же. 17 сент.
6. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С.211.
7. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М ., 1982; *Голинков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР (в 2-х кн.) М., 1978; *Комин В.В.* Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.
8. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
9. Славистика СССР и русского зарубежья 20-40-х годов XX века. М., 1992.
10. Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993.
11. *Борисенок Е.Ю.* Чехословацкое и русское земледельческое движение в 20-е годы. Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. ист.

наук. М., 1993.

12. Славяноведение. 1992. N 4; Славяноведение. 1993. N 4: Славяноведение. 1994. N 4; Славяноведение. 1995. N 4.

13. Русские в Праге 1918-1928 гг. Прага, 1928. С.8.

14. *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую библиографию. Прага. 1935.

15. *Tejchmanová S.* Politická činnost ruské a ukrajinské emigrace v Československu v letech 1920-1939; *Mušinka A.* První kroky ukrajinské emigrace v meziválecném Československu; *Vacek J.* Institucionalní základna ukrajinské emigrace v Československu v letech 1919-1945; *Kopřivová-Vukolová A.* Osudy ruské emigrace v ČSR po r.1945; *Bystrov V.* Zrada dlouhá přes pulstoleté // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-1) Praha, 1993; *Vacek J.* Integrace ruské a ukrajinské emigrace s českou a slovenskou vedou a kulturou v letech 1919-1945; *Činajevá J.* Česká společnost a ruská emigrace // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-2) Praha, 1994; *Veber V.* Emigranti z Ruska a 30 leta; *Bubeníková M.* Проект помощи Чехословацкой республики эмигрантам из советской России.- "Русская акция"; *Sládek Z.* O ruské pomocné akci tentokrat polemicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945... (sborník studií-3) Praha, 1995.

16. *Pospíšilová L.* Spolky ruské meziválečné emigrace v Brně // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-1); *Harbuľová L.* Ladomírova - konfesionalne stredisko ruskej emigracie na Slovensku // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-3).

17.*Veber V.* Strana eserü v moderních ruských dějinach a v Praze // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-1); *Mušinká A.* Ukrajinský výbor a jeho úloha při rozvoji ukrajinistiky; Kopřivová-*Vukolová A.* Gymnázium v Moravské Třebové // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-2); Hrochová V. Činnost Institutu N.P.Kondakova v Praze a jeho mezinárodní význam; *Vacek J.* Ruský a ukrajinský Sokol v Československu // Ruská a ukrajinská emigrace...(sborník studií-3).

18. *Picková D.* A.V.Florovskij, historik-emigrant; *Bubeníková M.* K svedectví nekterých českých archivů o A.L.Bemovi; *Morávková A.* Cestami Odyssea (Oswald Burghardt - Jurij Klen) // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-1); *Šetřilová J.* K.Kramař - otec ruské emigrace; *Veber V.* Příběh generála Brusilova // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-2). *Křest'an J.* Valentin Bulgakov a radikální pacifisté v Československu ; *Morávková A.* Oleh Olžyč básník meče a růze // Ruská a ukrajinská emigrace... (sborník studií-3).

19. *Sládek Z.* Ruská emigrace v Československu; *Čiňajeva E.* Ruská emigrace v Československu: vyvoj ruské pomocné akce; *Šimeček Z.* Rusti a ukrajinsti slaviste v mezivalečnem Československu; *Vandalkovskajá M.G.* Miljukovské dny v Praze; *Tejchmanová S.* Economický kabinet S.N.Prokopoviče v Praze; *Vacek J.* Knihy a knihovny, archivy a musea ruské emigrace v Praze; *Podháecká T.* Ruský

periodický tisk vychazejicí v Praze v meziválecném obdobi; *Martinek K.* Ruské divadlo v zahranici // Slovanský přehled. 1993. N1.

20. *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. 1991. N6. С.24-37; *Чиняева Е.* Руская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" // Славяноведение. 1993. N4. С.28-39.

21. Český týdenik. 1995. 25-28 srpna. Č.68.

22. *Tejchmanová S.* Rusko v Československu (Bílá emigrace v ČSR 1917-1939). Pr.,1993.

23. *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919-1939. New-York; Oxford,1990; *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919-1939. М., 1994.

Глава I

Изгнанники

1. Великий исход.

Одним из первых политических эмигрантов в истории России считают князя Андрея Михайловича Курбского (1528-1583), политика и военачальника, входившего в ближайшее окружение царя Ивана Грозного и бежавшего в Литву 30 апреля 1564 г.

Однако лишь к XX столетию эмиграция из Российской империи по политическим мотивам приобрела достаточно крупные масштабы. Бурные события начала века - войны, революции, перевороты, крушение политических режимов и становление новых - привели в движение массы народа. Россия стала эпицентром потрясений.

Если в XIX и в начале XX века эмиграция из России имела преимущественно экономический или религиозный характер (политическая эмиграция революционеров была временой и не массовой), то по мере разгорания пожара мировой войны первостепенными становятся причины политические. Первые эмигранты появились сразу после вступления России в войну, Февральская революция и падение монархии усугубили этот процесс. Покинули страну семьи аристократов из приближенных ко двору. Не вернулись дипломатические представители, преданные династии Романовых. Но число людей, пытавшихся переждать "смутное время" за границей, было еще весьма незначительно.

Более полноводный поток российских беженцев хлынул

непосредственно после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Покидали родину политики, бывшие государственные деятели, предприниматели, интеллигенция. За границей осталась часть российских экспедиционных корпусов, военнопленные и интернированные, не пожелавшие возвращаться в Советскую Россию. Но основная волна эмиграции из России была связана с окончанием гражданской войны. Ее составляли как подразделения белых армий, казачьих, анархистских, национальных военных формирований, так и гражданские лица, не принявшие политики новых властей. Особую группу образовали высланные за пределы Советской России в начале 20-х годов ее инакомыслящие граждане. Менее известна эмиграция россиян в Китай в конце 20 - начале 30-х годов, связанная с переходом к так называемой "сплошной" коллективизации[1].

В современной отечественной и зарубежной исторической литературе все эти потоки выходцев из России 20-х годов, которые нередко характеризуют как великий исход, принято называть первой волной российской эмиграции.

2. Основные центры российского зарубежья

Изначально существовало несколько направлений движения эмигрантских потоков: 1) Турция - Балканы, 2) Турция - Балканы - Чехословакия - Франция, 3) Прибалтийские государства - Северная Европа, 4) Китай - азиатские страны, 5) Северная, Центральная и Южная Америка, 6) Австралия.

В первый период большая часть выехавших оседала в соседних с Россией странах, надеясь на скорое возвращение домой. Крупные колонии эмигрантов образовались в Турции, Польше, Прибалтийских государствах. Затем, когда стало ясно, что надежды на скорое падение советской власти не оправдались, часть бывших российских подданных в поисках лучших условий жизни начала переезд в другие страны. Постепенно сформировались такие центры российской эмиграции в Европе, как Константинополь, София, Белград, Париж, Берлин, Стокгольм, Прага, в Азии - Шанхай, Харбин.

Вопрос об общей численности российского зарубежья до сих пор в исторической литературе остается спорным. Отчасти это объясняется тем, что регистрацией беженцев из России в принимающей стране занимались разные организации, а в некоторых государствах такого рода учета вообще не существовало, либо имелись весьма приблизительные данные. К тому же эмигранты представляли собой довольно мобильную массу людей, так как часто кочевали из одной страны в другую, и их численность с трудом поддавалась фиксации. Она менялась и с течением времени, что было связано с движением "смены вех", а также с процессом натурализации. Кроме того, следует учитывать небольшой приток новых эмигрантов из СССР и естественный прирост.

В 1921 г. Лигой Наций и Обществом Красного Креста была предпринята одна из первых попыток определения численного состава российской эмиграции. По данным этих организаций, в славянских странах, Румынии и Турции в начале 1921 г. насчитывалось 758 тыс. эмигрантов из России[2]. По сведениям Международного бюро труда в Европе в 1923 г. проживало около 1 млн. российских беженцев, 800 тыс. из которых сумели найти себе работу, а 200 тыс. не имели определенных занятий[3]. Однако эти данные нельзя считать полными, так как они охватывали лишь европейские страны и зарегистрированных эмигрантов. В 1924 г. великий князь Николай Николаевич заявил в Париже, что русская эмиграция по всем станам насчитывает около 3 млн. человек. Эта же цифра называлась в прессе[4]. В этой связи более убедительным представляется мнение некоторых историков, считающих, что численность российской эмиграции "первой волны" во всем мире в 20-е годы составляла не менее 2 млн. человек[5]. Попытки определения количественной стороны российского зарубежья предпринимались и позднее верховным комиссаром по делам беженцев при Лиге Наций д-ром Ф.Нансеном. Из 48 запрошенных им в декабре 1925 г. государств, лишь 11 правительств оказались в состоянии сообщить цифровые данные о российских эмигрантах проживающих на их территории. К числу государств, не

располагавших такими цифрами, относились как раз такие страны, как Германия, Франция, Польша, в пределах которых проживало наибольшее число бывших граждан России. В сентябре 1928 г. на 9-й сессии Лиги Наций д-р Нансен огласил следующие данные о количестве российских беженцев в разных странах:

	Беженцы из России (человек)	Беженцы из России (человек)
Страны	**1926 г.**	**1928 г.**
Австрия	2 465	2 505
Болгария	28 340	25 942
Великобритания (с колон.)	40	292
Венгрия	5 294	1 154
Германия	ок. 400 000	*
Дания	300	300
Греция	2 000	2 045
Данциг (своб. город)	-	269
Испания	-	500
Китай	76 000	88 548
Латвия	33 544	30 000
Литва	7 644	8 000
Норвегия	минимальное число**	-
Польша	ок. 68 300	ок. 100 000
Турция	5 000	1 747
Финляндия	14 314	14 314
Франция	ок. 400 000	ок. 400 000
Швеция	1 000	1 000
Чехословакия	30 000	24 000
Эстония	19 000	17 353
Югославия	38 000	27 345
Япония	-	2 356

* Данные отсутствуют. ** Так в тексте.

Т.е. в целом в указанных странах Европы и Азии в 1926 г. проживало свыше 1 млн. 131 тыс. человек, эмигрировавших из России, а в 1928 г. (при отсутствии данных по Германии) - около 748 тыс. человек.

В отчете за 1929 г. д-ра Нансена для Лиги Наций также приведены цифры о российских эмигрантах по странам: Франция - 400 тыс., Германия - 200 тыс., Польша - 100 тыс., Китай - 88 тыс., Румыния - 70 тыс., Латвия - 30 тыс., Югославия - 26 299, Болгария - 24 513, Эстония - 16 422, Финляндия - 14 314, Чехословакия - 13 640, Литва - 8 тыс, Венгрия - 4 764, Австрия - 2 402, Япония - 2 355, Швейцария - 2 226, Греция - 1 659, Турция - 1 400, Италия - 1 154, Швеция - 1 тыс., Испания - 300 человек[7]. В целом по странам - также свыше 1 млн. человек. Не имелось сведений о численности российских беженцев в Великобритании, Бельгии, Голландии и Норвегии. Сопоставляя данные Нансена за 1926, 1928 и 1929 гг., приходим к выводу, что к концу 20-х годов численность российской эмиграции в Европе уже существенно не менялась ни в сторону увеличения, ни в сторону уменьшения, однако происходили значительные ее изменения по странам.

3. Колония российских беженцев в ЧСР

В Чехословацкой рспублике эмигранты из России в большом количестве появляются в 1920-1921 гг. Значительное большинство их прибыло в Чехословакию из Константинополя и его окрестностей, где к лету 1921 г, сосредоточилось около 200 тыс. человек, эвакуированных из Новороссийска и Крыма. Большая часть этих людей - офицеры армии генерала Врангеля и гражданские лица различных социальных слоев, бежавшие из России - была размещена при содействии союзных правительств в военных лагерях Константинополя и пригорода, в Галлиполи и на острове Лемносе. Условия жизни беженцев были трудными - крайне скудное материальное снабжение и военный режим. С весны 1921 г. стали сокращаться нормы выдачи

продуктов в пайках, последовал и ряд заявлений о полном прекращении продовольственного снабжения в скором будущем. Российские общественные деятели из среды эмигрантов обратились к чехословацкому правительству с ходатайством о предоставлении нескольким тысячам русских беженцев возможности проживания в ЧСР.

В последующие два года приток русских и украинцев в ЧСР все увеличивался. В циркуляре чехословацкого министерства внутренних дел от 11 октября 1923 г. указывалось: "В последнее время постоянно возрастает число русских и украинских беженцев, переходящих границы ЧСР нелегально, без надлежащих виз чехословацких представительских органов, особенно из Болгарии, Польши, Германии и других соседних стран. Они занимают места, предназначенные для русских и украинских студентов, поступивших как в чехословацкие вузы, так и в организованные пражским Земгором, Земледельческой еднотой, Украинским громадским комитетом, Чехословацким Красным Крестом. Беженцы рассредоточиваются по деревням и ищут работу. Подавляющее большинство живет без каких-либо документов и средств к существованию. Это явление угрожает общественному порядку, увеличивает безработицу, затрудняет акцию помощи русским беженцам"[8]. Именно поэтому МИД ЧСР издал распоряжение об обязательной регистрации эмигрантов-нелегалов в течение 10 дней и выдаче удостоверений (так называемых пруказов) приехавшим в республику до 1 октября 1923 г. Те, кто прибыл позднее без визы, согласно тому же распоряжению, должны были покинуть страну.

Основная масса беженцев обосновалась в Праге и ее окрестностях. Колонии выходцев из России образовались также в Брно, Братиславе, Пльзене, Ужгороде и некоторых других городах. Точное число российских эмигрантов в ЧСР определить трудно. Согласно данным различных источников, в разные годы оно составляло от 10 до 40 тыс. человек. По сведениям, полученным д-ром Нансеном от чехословацкого правительства, в 1925-1926 гг. в Чехословакии проживало 30 тыс. "русских" (в

это число включались и лица других национальностей, эмигрировавшие из России) и 200 человек армян[9]. Что касается численности эмигрантов из России на конец 20-х годов, то цифры значительно расходятся: в чехословацкой прессе говорится о 40 тыс., в отчете Нансена - о 14 тыс., а в Бюллетене пражского Земгора - лишь о 10,5 тыс. человек[10]. Более достоверными следует, вероятно, считать данные Нансена, так как в этот период в условиях начавшегося экономического кризиса чехословацкая печать вела кампанию против предоставления работы эмигрантам, преувеличивая их число, тогда как эмигрантские издания, наоборот, сознательно преуменьшали его.

Сравнивая численность колонии российских эмигрантов в ЧСР и в других странах, приходишь к выводу, что она была не столь уж велика, и Чехословакия занимала лишь 11-е место в списке из 20 стран.

В конце 20-х годов в связи с увеличившейся безработицей около 7 600 бывших россиян покинули Чехословакию, выехав во Францию, Америку, Африканские колонии, Бельгию. Часть русских беженцев приняла чехословацкое гражданство[11].

Как уже говорилось, основная масса переселенцев появилась в Чехословакии в начале 20-х. В дальнейшем рост численности как легальной, так и нелегальной эмиграции шел уже не так интенсивно.

4. "Русская акция" чехословацких властей

Сами эмигранты вспоминают, что отношение к ним как в странах, бывших неприятелями России в войне, так и в некоторых союзнических, а также во вновь образованных государствах оставляло желать лучшего. В одних случаях - терпимость и безразличие, в других - холод и скрытое раздражение, в третьих - явная неприязнь и враждебность - встречали выходцы из России. Но в славянских странах, таких как Сербия, Болгария, Чехословакия, отношение к российским беженцам было иным -

перед ними широко и, можно сказать, гостеприимно распахнули двери. Но совершенно исключительное отношение к российским беженцам продемонстрировало чехословацкое правительство, о чем свидетельствуют как формы, так и размеры оказываемой им помощи. Так, например, в 1923 г. чехословацкое правительство ежемесячно выделяло российским эмигрантам по 5 млн. чехословацких крон (кр.ч.), что приблизительно равнялось 2,5 млн. франков, а правительства Королевства сербов, хорватов и словенцев (СХС) и Болгарии, где колонии российских беженцев были многочисленнее, субсидировали соответственно - 1,2 млн. франков и 80 тыс. франков[12]. Объективности ради заметим, что разоренная войной Сербия и испытывавшая большие экономические трудности Болгария и не могли выделить бóльшие средства на нужды эмигрировавших россиян. К концу 1924 г. сумма ежемесячных расходов чехословацкого правительства на "русскую акцию" достигла 7 млн. кр.ч., и при весьма благоприятном курсе кроны в отношении франка, превысила по своим размерам расходы на беженцев из России всех европейских государств, вместе взятых[13]. Вышеприведенные цифры содержатся в одном из отчетов Земгора. По оценкам чехословацких кабинетов, годовые расходы, прямые и косвенные, Чехословакии в связи с пребыванием в стране российских эмигрантов, приблизительно составляли в чешских кронах: в 1921 г. - 11 млн., в 1922 г. - 50 млн., в 1923 г. - 66 млн., в 1924 - 83 млн., в 1925 - 73 млн.[14] Эти цифры лишь немного расходятся с данными Земгора, что свидетельствует об их относительной достоверности. Всего же с 1921 по 1925 гг. чехословацким правительством было израсходовано на проведение "русской акции" 283 млн. чешских крон (кр.ч.)[15]. А общая сумма за 1921-1931 гг. превысила 1/2 млрд. кр.ч.[16]

Чем же объясняется такая щедрость чехословацких властей и их заинтересованность в делах российской эмиграции? Дело в том, что правительственная коалиция Чехословацкой республики в своей внешнеполитической доктрине учитывала возможность будущих изменений в России и ориентировалась на сотрудничество с "новой Россией", Россией без

большевиков*. Признав Советскую Россию де-факто, правительственные круги республики вплоть до 1934 г. оттягивали признание СССР де-юре и установление с ним дипломатических отношений. В 1923 г. представитель РСФСР в Чехословакии П.Н.Мостовенко жаловался корреспонденту газеты "Ди Виртшафт", что чехословацкое министерство иностранных дел "почти совсем не имеет контактов с советским торговым представительством, но постянно направляет своих представителей на различные конгрессы русской эмиграции"[17].

Кроме того, по некоторым сведениям, по пути с Волги на восток чехословацкие легионеры в Казани нашли часть золотого запаса российского казначейства (якобы целый вагон золота), который и прихватили с собой в Прагу. К тому же они увезли и немало другого российского имущества, которое, по слухам, и послужило фондом для образования чешского Легиобанка. А потому, писал в своих воспоминаниях Н.Н.Алексеев, чехословацкие власти "считали, что у них есть моральная обязанность по отношению к русским как-то возместить свой русский долг"[18]. Правда, Е.Чиняева оспаривает достоверность этой версии, ссылаясь на официальные разъяснения чехословацкой стороны: транспорт с русским золотом действительно охранялся чехословацкими легионерами, но был передан представителям большевиков в Иркутске 1 марта 1920 г. Обнаруженная при этом пропажа 13 ящиков с золотыми слитками произошла якобы в тот день, когда у разграбленного вагона находился русский караул[19].

Президент ЧСР Т.Г.Масарик крайне негативно относился к большевистскому перевороту в России и его последствиям. Ему было ясно, что с монархией в России покончено. Поэтому

---

* Чешский историк З.Сладек оспаривает версию о том, что чехословацкие власти рассчитывали на какой-то результат "русской акции" для Чехословакии в будущем. См. Z.Sládek. O ruské pomocné akci tentokrát polimicky // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-3) Pr. 1995. S.20-23.

он избегал общения с правыми консервативными кругами российской эмиграции, контактов с генералом Врангелем и его штабом[20]. Масарик не был уверен в скором падении большевиков, но при этом надеялся, что все-таки более умеренные политические силы придут им на смену. В этом случае левым элементам российской эмиграции могло бы удасться найти общий язык с советами. Таким образом эта часть эмиграции из объекта помощи могла бы превратиться в субъективный фактор политического значения. Несмотря на прозападную политическую ориентацию, Масарик выступил инициатором "русской акции", связывая вопрос о поддержке эмиграции с гуманитарной помощью голодающим на Украине и в Поволжье в 1921-1922 гг[21]. Без его покровительства "русская акция" никогда не приобрела бы таких размеров. Через Масарика шла материальная помощь видным представителям эмигрантской интеллигенции, жившим как в Чехословакии, так и в других странах. Сподвижник Масарика и неизменный министр иностранных дел ЧСР до 1935 г. (когда стал президентом) Э.Бенеш занимал гибкую позицию в отношении выходцев из России: он весьма осторожно вступал в контакты с ее отдельными кругами, так как не хотел лишать себя возможности урегулировать отношения с СССР. Бенеш, так же как и Масарик, подчеркивал гуманитарный характер "русской акции" как отношения всего чехословацкого государства к русскому народу, вне зависимости от партийной принадлежности эмигрантов, так как, по его словам, "правительство ЧСР ни в коей мере не хотело бы вмешиваться во внутрипартийные российские дела"[22]. В одной из бесед с представителем СССР в Чехословакии К.К.Юреневым 3 января 1924 г. Э.Бенеш заявил: "Есть одна очень тяжелая проблема для меня, связанная с признанием России де-юре, - это вопрос о русской эмиграции в ЧСР. Мы не можем махнуть рукой на этих людей, со многими из коих мы связаны весьма тесными узами и по отношению к которым мы чувствуем себя морально обязанными". Вместе с тем в той же беседе он отметил, что эмиграция все же должна быть ликвидирована, и одним из способов ее ликвидации, по его словам, могла бы стать

прокламированная советским правительством амнистия[23].

С правым крылом эмиграции поддерживал связи видный чешский предприниматель, лидер партии национальных демократов, первый премьер чехословацкого правительства, инициатор движения неославизма К.Крамарж[24]. Он был женат на русской, урожденной Н.Н.Хлудовой (в первом браке - Абрикосова), происходившей из семьи богатых московских купцов[25]. За политическую деятельность и ориентацию на Россию в 1915 г. Крамарж был арестован и судим австрийскими властями. Именно этот человек был ярым сторонником белого движения и интервенции в Советскую Россию. Он активно поддерживал эмигрантов в Чехословакии и щедро финансировал их (в том числе и из своих личных средств).

Проведение "русской акции" было бы невозможно и без поддержки одной из наиболее влиятельных партий того времени - аграрной. Ее лидер А.Швегла установил связь с близкой ему в идейном отношении эмигрантской организацией Крестьянская Россия*, возлавляемой С.С.Масловым и А.А.Аргуновым, в прошлом эсерами[26]. По некоторым сведениям, именно К.Крамарж и А.Швегла были авторами проекта проведения "русской акции"[27]. Одним из организаторов акции помощи российским эмигрантам был также Земледельческий союз (общественно-политическая организация чешского аграрного движения, возникшая в 1919 г. и руководимая А.Прокупеком)[28].

Непосредственно руководил проведением "русской акции" заместитель министра иностранных дел, ближайший помощник Э.Бенеша д-р В.Гирса, хорошо знавший Россию** Помощь российским эмигрантам в Чехословакии начала поступать в 1921 г. и до 1926 г. осуществлялась в широких масштабах, будучи более щедрой, чем ожидали эмигранты. Однако

---

* В 1927 г. она была преобразована в Трудовую крестьянскую партию.

** В.Гирса - чехословацкий дипломат, в годы I мировой войны один из лидеров чехословацкого сопротивления в России, в 1919-1920 гг. представитель чехословацкого правительства во Владивостоке, в 1921 -1927 гг. заместитель министра иностранных дел ЧСР.

уже в 1927 г. дотации русской эмиграции через министерства и ведомства сократились до 37 млн. кр.ч. А к концу 20-х годов лишь небольшая часть эмигрантов (около 500 студентов и 300 профессоров, ученых, писателей, общественных деятелей) продолжали получать правительственные пособия. Остальные эмигранты уже жили своим трудом[29].

В министерстве социального обеспечения Чехословакии был создан специальный отдел по эмиграции. Правительство проводило своеобразный отбор среди русских беженцев, предпочитая сосредоточить у себя лишь некоторые их категории: студенчество, ученых, писателей и других деятелей культуры, а также казаков-земледельцев. Оно не просто "фильтровало" поток эмигрантов, но и само активно способствовало переселению этих групп в ЧСР. В начале 20-х годов из Константинополя в Чехословацкую республику через Балканы были перевезены около 4 тыс. казаков и 5 тыс. студентов, не закончивших своего образования в России. Чуть позднее для их обучения были приглашены профессора. Деньги на переезд выделило чехословацкое правительство[30]. Кроме того, оно отпускало средства на необходимую помощь временного благотворительного характера, снабжая через эмигрантские организации нуждающихся в пище, крове, одежде и т.п. Но главное значение оно придавало предоставлению беженцам возможности продолжить ранее начатое образование, получить практические знания, приобрести профессию. Вопрос ставился не только об обучении детей и юношества, создании условий для научных занятий российским ученым, но и о предоставлении работы всему взрослому трудоспособному населению. При этом, как заявил МИД ЧСР, единственной целью чехословацкого правительства являлась помощь будущему "обновлению народного хозяйства России и поднятию ее культуры". Предполагалось, что эта помощь в полной мере окупится по возвращении эмигрантов на родину в качестве ценных работников науки, деятелей культуры и искусства, опытных хозяйственников. Бенеш вполне отдавал себя отчет в том, что русская эмиграция не будет играть политическую роль и видел ее задачи прежде

всего в культурной области. Он надеялся, что русская эмиграция правильно оценит большие политические, экономические и культурные изменения в Европе, и в частности в Чехословакии, вернется в обновленную Россию, Россию без большевиков, которой будет руководить новое поколение людей с иными взглядами, идеалами, целями и стремлениями[31].

Благодаря такой политике чехословацких властей Прага вскоре сделалась одним из крупнейших научных, культурных и просветительских центров российского зарубежья. Вместе с тем хлынувший сюда поток беженцев был настолько велик, что правительству пришлось принять меры к его ограничению. В распоряжении от 9 мая 1924 г. министерство внутренних дел ЧСР приказывало пограничным органам не пропускать на территорию страны русских беженцев из Румынии и Польши[32].

5. Состав и материальное положение российской эмиграции в ЧСР

Эмигранты из России представляли собой весьма пеструю массу людей, различных по возрасту, социальному происхождению, материальному благосостоянию, а также политическим взглядам и убеждениям. Наряду с теми, кто сознательно оставил родину для организации активной борьбы с большевиками, либо понимал опасность и невозможность своего дальнейшего пребывания в Советской России, были и такие, кто не совсем сознавал, как и почему оказался за границей. И.Г.Эренбург отмечал определенную стихийность этого процесса: "Одни убежали в припадке страха, другие от голода, третьи потому, что уезжали соседи", таким образом "судьбы миллионов людей решила простая случайность"[33].

Из-за отсутствия точных данных трудно проанализировать состав российских эмигрантов в Чехословацкой республике по образованию и роду занятий. Однако в тезисах доклада Комитета Земгора, опубликованного по случаю его десятилетия (1931 г.), приведены некоторые цифры: из 22 тыс. официально

зарегистрированных в ЧСР "русских" эмигрантов около 8 тыс. были земледельцами или частично связанными с сельскохозяйственным трудом. Сюда же можно отнести и 1 тыс. бывших российских военнопленных, которые еще во время войны были расселены среди чешских и словацких крестьян. Студенчество высших и средних специальных учебных заведений насчитывало 7 тыс. человек, служащие и представители различных интеллигентских профессий - 2 тыс., общественные и политические деятели эмигрантской среды - около 1 тыс., писатели, журналисты, ученые, деятели искусства - 600 человек. Кроме того в Чехословакии проживало около 1 тыс. детей школьного возраста, 300 дошкольников, около 600 инвалидов и некоторые другие категории[34]. Следовательно, две наиболее крупные категории в ЧСР составляли, с одной стороны, казаки-земледельцы, а с другой, - интеллигенция и студенчество.

Первая группа казаков-земледельцев в количестве 80 человек приехала в Чехословакию в июне 1921 г., вторая - в количестве 42 человек - в августе того же года. К этому времени Земледельческой едноте ЧСР удалось получить от правительства разрешение на въезд в республику значительного числа русских земледельцев. После этого в Константинополь была направлена комиссия в составе представителя МИД Парала и представителей Земледельческой едноты Прокеша и Витека. Первый транспорт казаков (884 человека) был набран из беженцев лагеря Кабаджи, на пароходе они прибыли в Триест, а оттуда по железной дороге - в Чехословакию 21 ноября 1921 г. Второй транспорт (1092 чел.) формировался из земледельцев в самом Константинополе и пригородном лагере в Селимье и тем же путем прибыл в Чехословакию 9 января 1922 г. Перевозка морским путем и довольствие во время дороги контролировались Комитетом Лиги Наций. Прибывшие в Чехословацкую республику российские земледельцы по отбытии 21 дневного карантина и выполнения необходимых формальностей были распределены Земледельческой еднотой по чешским и словацким хозяйствам, причем нуждавшихся снабжали одеждой и обувью.

К 1924 г. под покровительством Земледельческой едноты находились 2849 российских земледельцев, из них: донских, кубанских и терских казаков было 1681, украинцев - 593, жителей других российских губерний - 575. Возрастные категории прибывших были следующими: до 20 лет - 58 человек, от 21 до 25 лет - 666, от 26 до 30 лет - 998, от 31 до 35 лет - 498, от 36 до 40 лет - 273, от 41 до 45 лет - 145, от 46 до 50 лет - 147, от 51 до 60 лет - 61, старше 60 лет - 3 человека. Таким образом основную массу составляли молодые люди от 20 до 40 лет - 86%. Холостяков было 63%, женатых 32%, вдовцов 5%. Среди вдовцов и женатых 74% имели детей и 26% были бездетными. До отъезда из России сельским хозяйством занимались 94% и 6% были мелкими торговцами, ремесленниками и проч. Что касается их образованности, то 48% из них имели начальное образование, малограмотных и неграмотных было 29%, окончивших 2-классные училища - 10%, городские училища - 8%, с незаконченным средним образованием среди них было 3%, с низшим специальным образованием - 3%[35].

Большинство этих людей по прибытии в ЧСР при содействии Земледельческой едноты и российских общественных организаций поступали в различные профессиональные, в основном сельскохозяйственные, школы. В период обучения (обычно около 1 года) каждый учащийся получал правительственную стипендию (в среднем 450 кр.ч. в месяц). В результате уже в 1922-1924 гг. появились многочисленные специалисты в различных отраслях сельского хозяйства и отчасти промышленности: огородники, садоводы, птицеводы, маслоделы, сыровары, а также плотники, столяры и квалифицированные рабочие других специальностей.

С 1923 г. началась активная миграция сельскохозяйственных и промышленных рабочих-эмигрантов внутри Чехословакии в поисках лучших условий труда и большего заработка. В этом им оказывал помощь Земгор.

В начале 30-х годов эта категория эмигрантов в профессиональном отношении представлялась такой: 1) рабочие промышленных предприятий (шоферы, столяры, плотники,

маляры, пекари) - около 700 человек; 2) строительные рабочие - 600; 3) ремесленники (портные, сапожники, кузнецы) - 200; 4) специалисты сельского хозяйства (садоводы, огородники, маслоделы, инструктора) - около 1000; 5) сельскохозяйственные рабочие - 1300; 6) безработные в сельском хозяйстве - 300. Всего - 4100 человек[36]. Рабочие-эмигранты из России редко входили в профсоюзные организации. Их положение было непрочным, перед ними постоянно маячила угроза сокращения. Уже с середины 20-х годов эта категория российских эмигрантов не получала никакой правительственной помощи.

Вряд ли можно согласиться с употребляемым Е.Ю.Борисенок термином "крестьяне" по отношению к казакам-земледельцам. Они не были только крестьянами в России, так как несли еще и военную службу. Не стали они крестьянами в собственном смысле этого слова и в Чехословакии, так как, не имея собственной земли, оставались на положении сельскохозяйственных рабочих. Несмотря на то, что правительственными и общественными организациями и эмигрантскими учреждениями было сделано немало для повышения профессионального и образовательного уровня российских земледельцев в ЧСР, с оценкой их положения как "вполне благополучного" (так утверждает Е.Ю.Борисенок)[37], трудно согласиться. На протяжении всего межвоенного периода материальное и правовое положение этой категории беженцев представляется как достаточно тяжелое: заработная плата была фиксированной, передвижения внутри страны ограничивались, для вступления в брак необходимо было получать удостоверения[38].

И в целом материальное положение бывших российских граждан за границей оставляло желать лучшего. Если в начале 20-х годов условия жизни эмигрантов в Чехословакии были лучше в сравнении с другими странами из-за большей правительственной помощи и существовавшей возможности найти работу, то к середине 20-х годов ситуация стала меняться. Газета "Наше листы" писала: "Судьба русских беглецов от большевистского террора незавидна. Есть, правда, среди них люди не-

бедные после 5 лет жизни в чужой стране, но в массе - наоборот"[39]. В ответе на опросный лист, разосланный Ф.Нансеном в декабре 1925 г., чехословацкая сторона указывала, что из 30 тыс. русских беженцев 12-15% (в это число не входили студенты и женщины) не имели работы или имели временный, непостоянный заработок, около 5% были нетрудоспособны из-за болезни, по старости или инвалидности и около 10% составляли дети до 15 лет.

Наибольшие трудности с устройством на работу испытывали люди с высшим образованием, занимавшиеся прежде умственным трудом. Около 80% тех, кто к этому времени уже получили высшее образование в ЧСР (500-600 человек), не могли устроиться на работу, в то время как еще 6,5 тыс. студентов продолжали свое образование в Чехословакии[40]. Дело в том, что российские беженцы, обучавшиеся в различных учебных заведениях на средства чехословацкого правительства, с самого начала не рассчитывали, что приобретенные ими знания найдут применение за границей, надеясь в скором времени вернуться на родину. В 1925 г. в Чехословацкой республике появились первые среди русских эмигрантов выпускники вузов - инженеры, агрономы и другие. Но найти работу по специальности смогли лишь единицы. Особенно в тяжелом положении оказались лица, получившие гуманитарное образование - юристы, философы, кооператоры, коммерсанты и т.п.

Эмигрантские общественные организации при поддержке МИД ЧСР предприняли ряд мер, чтобы облегчить положение окончивших вузы: были организованы профессиональные курсы, учитывавшие требования местного и заграничного рынков труда, изыскивались возможности выезда из Чехословакии во Францию и ее колонии (на льготных условиях ЧСР покинули около 3 тыс. человек), создавались организации взаимопомощи выпускников вузов, складывались профсоюзные объединения с целью самостоятельного решения материальных проблем своих членов без обращения за благотворительной помощью.

К концу 20-х годов ситуация еще более обострилась. Сотрудник отдела Земгора по трудоустройству беженцев

И.П.Нестеров в письме от 6 сентября 1927 г. отмечал значительное ухудшение положения россиян в ЧСР: "...Тяга в другие страны все растет и растет, и теперь думают о выезде из ЧСР такие люди, кто в 1922-23 гг. ни о каких Америках и не думали. Особенно тяжело положение людей, заканчивающих здесь ВУЗ. Не имея возможности выехать куда-либо, люди берутся теперь за всякие дела, и часто занятие, раньше бывшее любительским, теперь является источником заработка"[41].

Очень трудно было найти работу женщинам, а в случае удачи они получали мизерное вознаграждение за свой труд. Уровень жизни инвалидов к концу 20-х годов граничил с нищенским. С 1926 г. Земгор прекратил идивидуальную материальную помощь, что было связано со значительным сокращением средств, выделяемых правительством Чехословакии на проведение "русской акции" в силу начавшегося в стране экономического спада, повлекшего за собой безработицу, а также общего ослабления интереса к российской эмиграции.

13 марта 1928 г. под давлением чехословацкой общественности парламент одобрил закон об охране национального рынка труда. Согласно закону, вводились ограничения в приеме на работу иностранцев (в том числе и русских), прибывших в ЧСР после 1 мая 1923 г. Периодически повторялись студенческие демонстрации с требованием перераспределения средств в пользу чехословацкого студенчества за счет студентов-эмигрантов[42]. В 1931 г. было объявлено о прекращении выплаты стипендий русским студентам. Около 200 обучающихся на старших и выпускных курсах остались без средств к существованию. Срочно был создан фонд помощи студентам, позволивший 50 наиболее способным из них окончить вузы[43].

В связи с этими трудностями в эмигрантской среде стал заметен рост стремления покинуть Чехословакию. При Земгоре была создана специальная комиссия по переселению русских в другие страны: Францию, Бельгию, Голландию, Аргентину и Канаду[44]. Но переселение также было связано с изысканием необходимых средств. Только въездные визы для русских в мае 1930 г. стоили (в кр.ч.): в Америку - 300, Англию - 75,

Аргентину - 105, Бельгию - 75, Австрию - 55, Болгарию - 69, Венгрию - 75, Грецию - 80, Голландию - 108, Бразилию - 105, Данию - 100, Италию - 33, Латвию - 109, Литву - 300, Польшу - 350, Румынию - 99, Сербию - 40, Германию - 60, Финляндию - 80, Францию - 80, Эстонию - 84, Швейцарию - 35, Турцию - 98. Причем для чехословацких граждан по взаимному соглашению сторон визы во многие страны были отменены или выдавались бесплатно[45]. Финансовая помощь Беженской секции Лиги Наций для переселения и устройства русских эмигрантов, вынужденных покинуть ЧСР, не покрывала полностью потребностей и была связана с обременительными условиями[46].

Экономический кризис 30-х годов резко ухудшил положение россиян в Чехословакии. Их увольняли с работы целыми группами. Почти сразу без работы остались 2 тыс. человек. Положение по сравнению с другими эмигрантами усугублялось тем, что они не могли вернуться в Россию, а переезд в другие страны был затруднен как недостатком средств, так и охранительными мерами, принятыми большинством стран в отношении национальных рынков труда.

Некоторое ухудшение в положении русских произошло и в связи с признанием СССР де-юре в 1934 г. и установлением между чехословацким и советским правительствами дипломатических отношений. Дело в том, что этот акт официально ликвидировал бывшие российские представительства и выдвинул на первый план вопрос о правовом статусе эмигрантов. Однако, несмотря на признание и подписанное в 1935 г. советско-чехословацкое соглашение, и в середине 30-х годов "русская акция" продолжалась (хотя и в более скромных размерах). Летом 1935 г. начал действовать закон об обязательной новой регистрации иностранцев, проживавших в ЧСР[47]. Регистрации подлежали все без исключения лица, не способные доказать чехословацкого гражданства.Это создавало новые трудности для эмигрантов. Но несмотря на все сложности жизни на чужбине, русские за границей проявляли большую выдержку и жизнестойкость. Эмигрантов, получивших высшее образование в ЧСР в 30-е годы, по роду фактически выполняемой работы

можно объединить в следующие группы: 1) устроившиеся по специальности (инженеры-строители, механики, электромеханики, железнодорожники, землемеры, лесники, учителя, юристы, химики) - около 500 человек; 2) работавшие не по специальности - а) занятые умственным трудом (служащие в канцеляриях, агенты в торговых предприятиях) - около 1000 человек, б) занятые физическим трудом (квалифицированные рабочие, шоферы, маляры, декораторы, монтеры) - 150 человек; 3) имевшие самостоятельные коммерческие предприятия - 100 человек; 4) имевшие случайный заработок - 300 человек и 5) безработные - 300 человек. Всего к этой категории в начале 30-х принадлежало 2350 человек[48]. Количество лиц, устроившихся по специальности, увеличивалось медленно. Правда, некоторые возможности предоставлялись русским юристам в Подкарпатской Руси и в Словакии. Лица, не нашедшие работы по специальности, приспосабливались к существовавшим условиям труда: так, инженеры-химики после краткосрочных дорожно-строительных курсов работали дорожными рабочими, кооператоры, изучив малярное дело, шли в отделочные мастерские, инженеры-электротехники и монтеры, окончив курсы вождения, поступали на службу в качестве шоферов и механиков. Однако в условиях спада производства и безработицы эта группа трудовой интеллигенции становилась наименее обеспеченной.

Группа профессоров, врачей, юристов, педагогов, инженеров, получивших образование еще в дореволюционной России и имевших там практику, в силу возрастных и психологических причин была еще менее приспособлена к местным условиям труда. Поэтому большинство из этой группы и в 30-е годы продолжало получать правительственные пособия. В связи с резким сокращением средств на "русскую акцию" наиболее сильные и молодые становились рабочими, небольшая часть продолжала служить в чехословацких и русских учреждениях и организациях. Профессора и преподаватели, стремясь сохранить квалификацию, не прерывали своей научной деятельности в ЧСР. Кроме того, они принимали активное участие в

эмигрантской жизни, оказывали организационную и академическую поддержку российскому студенчеству, молодым научным кадрам, способствовали установлению самых тесных связей и контактов с чехами и словаками.

Группа российских общественных и политических деятелей была тесно связана с предыдущей. Эмигрантские общественные организации в меру сил и возможностей оказывали своим согражданам материальную, культурную, правовую и медицинскую помощь. Были созданы необходимые и полезные для эмигрантов учреждения: библиотеки, издательства, здравницы, учебные заведения и др. С начала 30-х годов российские общественные организации и другие объединения приступили к созданию квартирных товариществ, строительству домов, открывали кассы взаимопомощи. Значительное число лиц, занятых общественной деятельностью, не получали правительственных субсидий, а жили на небольшую зарплату эмигрантских учреждений[49].

Состав и положение российских беженцев в разных частях Чехословакии имели свои особенности. В одном из номеров Бюллетеня пражского Земгора за 1929 г. сообщались интересные сведения о жизни российских эмигрантов в Подкарпатской Руси (ныне - Закарпатская область Украины). В то время там проживало около 500 выходцев из России. В их числе земледельцы, рабочие, учителя, медсестры, врачи, студенты, служащие, торговцы, писари, строители, парикмахеры, журналисты. Лучше всего были устроены инженеры, которые имели постоянную, прилично оплачиваемую работу в Ужгороде и в провинции. Приблизительно на том же уровне было и положение землемеров. Труднее приходилось врачам. Русские медики не имели возможности ни устроиться на службу, ни получить практику в городах. Зато в провинции значительная часть так называемых участковых врачей были русскими. Частную практику они не имели, так как население Подкарпатской Руси в своей массе было бедным. Но в среднем практикующие врачи из числа беженцев зарабатывали от 1 500 до 2 000 крон в месяц. На эти деньги можно было прожить и многосемейным.

В начале 20-х годов в Подкарпатской Руси было много учителей-эмигрантов, которых принимали на временную работу в основном в сельские школы. К концу 20-х годов их осталось всего несколько человек, все остальные были уволены и заменены на граждан Чехословакии. В городах (Ужгороде, Мукачево, Хусте) проживали беженцы, занимавшиеся торговлей, посредничеством, коммивояжерством, а также лица свободных профессий. В сельских местностях районов Белок, Долгаго и Севлюша молодые русские агрономы осваивали маслоделие.

Кроме интеллигентов в Подкарпатской Руси обосновались многие рабочие (бывшие казаки), в основном на казенных подрядах (регуляция реки Уж в районе Ужгорода - Каменица), на лесных заготовках и в имениях. Рабочих из России весьма ценили, и они редко оставались без работы. Однако заработная плата в Подкарпатской Руси была невелика, намного ниже, чем в Чешских землях и в Словакии. В некоторых сельских местностях рабочий получал лишь 12 крон в день "на своих харчах", а поденщик на строительных работах, трудившийся по 12 часов в сутки с часовым перерывом на обед, имел лишь 15 крон в день. Этих денег с трудом хватало на жизнь одиноким, семейным на эту сумму прожить было очень тяжело. Положение бывших военнопленных, осевших в Закарпатье, было несколько лучше, так как большинство из них были женаты на местных уроженках и имели хорошо оплачиваемую работу. Российские беженцы в значительном числе появились в Подкарпатской Руси в 1922-1923 гг. В Ужгороде даже было открыто представительство пражского Земгора. В 1925 г. многие из них, отчаявшись найти работу, разъехались, оставшиеся же - осели довольно прочно. Отношение к беженцам как со стороны властей, так и со стороны местного населения этой части страны было вполне доброжелательным[50].

Анализ изученного архивного материала позволяет сделать вывод о том, что основная часть российских эмигрантов в ЧСР нуждалась в материальной поддержке ввиду почти полного отсутствия средств к существованию и вела трудовой образ жизни. В конце 20-х годов прожиточный минимум на 1 человека

определялся в 800-1000 кр.ч. в месяц. Заработок сельскохозяйственного рабочего составлял 150-200 кр.ч. (с бесплатным проживанием и столом). Интеллигентский труд оплачивался в среднем от 900 до 1200 кр.ч. Лица, прибывшие в ЧСР до 1923 года, находили работу на сельскохозяйственных предприятиях, в технических конторах, в торговых фирмах, на заводах, в строительстве (в связи с временным оживлением этой отрасли в Праге). Отдельные лица за небольшое вознаграждение получали работу как вольнонаемные по межевому делу, судебному ведомству в Подкарпатской Руси, место врача в глухой провинции, куда неохотно ехали чехи и словаки. Однако все эти занятия были таковы, что не давали уверенности в завтрашнем дне. Кроме того, часто эти занятия не соответствовали ни специальности, ни диплому работающего[51].

Однако среди российских эмигрантов были и те, кому судьба улыбнулась за границей.Этот, достаточно узкий, слой людей сумел не только сохранить, но зачастую и приумножить свое состояние в Чехословакии. Бюллетень Земгора за 1929 г. сообщает о существовании в ЧСР 60 русских предприятий, большая часть из которых являлась производственными[52]. Выходцы из России имели маслобойни в Подкарпатской Руси, владели кожевенными заводами в Северной Чехии, им принадлежали рудники в Восточной Словакии. Назовем имена некоторых российских предпринимателей. Работали фабрики по производству шляп и фуражек М.Козина, кондитерские Сапожникова (бывшего владельца конфетной фабрики "Ориент" в Киеве) - по изготовлению халвы и восточных сладостей, сапожная мастерская Шершнева, несколько мелких типографий Колесникова, переплетные и игрушечные матерские, русский универсальный "базар" И.Гликинова, пражский "Русский кооператив", часовой магазин В.И.Маха. В окрестностях Праги, в Новой Сибжине, находилась образцовая птицефабрика Архангельской.

Одним из крупнейших торговых домов в Праге, занимавшихся оптовой торговлей консервированными продуктами и деликатесами, было заведение М.С.Ильяшевича, генерального

представителя рижского общества "Гегингер". Достаточно крупным предприятием являлась фирма "Восторусс" - оптовая колониальная и чайная торговля Губкина и Кузнецова. Оптово-розничной торговлей чаями занимались также Крыжановский, Свачковский и Рафалович (он распространял фирменный чай марки "Боярин"). А.Я.Друян поставлял заграничные коньяки, шампанские, десертные и столовые вина. Г-жа Корби и Д.Темерев держали парфюмерные магазины. Популярностью пользовались русские рестораны "Взаимность" и "Тайга".

В Кошицах действовало торговое общество "Харбин" Воскобойникова и Ко, занимавшееся колониальными закупками, в Мукачево и Ужгороде существовало несколько небольших мелочных и колониальных лавок. Российские эмигранты занимались и книготорговлей, держали собственные магазины и ларьки: "Русская старина" - антикварное книжное дело Климушкина в Праге, "Наша родная речь - в Мукачево, "Оборот" - в Ужгороде и "Русский терем" - в Братиславе. Существование многочисленных торговых предприятий объяснялось тем, что получить разрешение на торговлю в Чехословакии было относительно легко, труднее достать кредиты, а еще труднее - товарный кредит. Завести собственное дело могли себе позволить лишь те, кто уже владел достаточным капиталом.

Труднее всего судить о национальном составе российской эмиграции, данные о котором почти полностью отсутствуют. "Русский" - так назывались все выходцы из России вне зависимости от национальной принадлежности: русские, евреи, белорусы, грузины, калмыки и проч. В некоторых случаях отдельно упоминаются лица армянской национальности, которых в Чехословакии в начале 20-х годов насчитывалось около 200 человек. Вторую, после русских, по численности группу в российской эмиграции составляли украинцы. Лига Наций официально не выделяла категорию украинских эмигрантов, поэтому даже приблизительных данных о численности их в различных странах, в том числе и в Чехословакии, в литературе нет. Чехословацкие власти стремились учитывать различия между русской и украинской эмиграцией, в отличие от таких стран, как

Болгария и Югославия, где не допускалось никакого формального их разделения, и все выходцы из России считались русскими[53]. Поэтому в ЧСР возникли условия для создания украинских организаций как политических, так и культурно-просветительных. В межвоенной Чехословакии существовали многочисленные украинские научные и учебные институты, студенческие, молодежные, культурные, спортивные, профессиональные, благотворительные общества, общественно-политические объединения[54]. Практически представители всех политических направлений в среде российской эмиграции решали проблему Украины однозначно: ее союз с Россией понимался ими как "безусловная историческая необходимость"[55]. Именно это, вероятно, являлось камнем преткновения во взаимоотношениях русских и украинских эмигрантов. Однако в отдельных случаях в интересах дела происходило объединение русских и украинских организаций - так был создан Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов в Чехословакии[56]. Иногда украинцы входили и в состав "русских" объединений, поэтому под определением "русский" нередко подразумевались и представители этой национальности.

В ЧСР существовал и ряд белорусских эмигрантских организаций.

6. Правовой статус беженцев из России

Трудным и неясным было правовое положение бывших российских подданных. Не имея гражданства, они были лишены всякой государственной и юридической защиты. В 1921 г. по предложению Международного комитета Красного Креста Совет Лиги Наций назначил комиссаром по делам русских беженцев известного полярного исследователя и общественного деятеля норвежца Ф.Нансена. Он выдвинул проект создания временных удостоверений личности для выходцев из России. В 1926 г. более 30 государств согласились на выдачу нансеновского паспорта. До этого российскому беженцу в Чехословакии

выдавалось удостоверение, так называемый "пруказ", а при выезде из страны, так же как и гражданам ЧСР, - "цестовни пас". В январе 1930 г. МИД ЧСР распространил циркуляр о замене "пруказов" нансеновскими паспортами. Однако, если для российских эмигрантов, обосновавшихся в других странах, нансеновский паспорт облегчал их правовое положение, то для русских в Чехословакии обмен докуменов был даже невыгоден. Нансеновский сертификат по своему правовому достоинству оказался ниже документов, которыми пользовались российские эмигранты в Чехословацкой республике до этого. Находясь за границами ЧСР с "цестовним пасом", они, как и граждане республики, пользовались покровительством чехословацких представителей, имевшихся в стране пребывания, в то время как обладание нансеновским документом давало право обращаться лишь к специальным уполномоченным представителям верховного комиссара по делам беженцев, которые были отнюдь не во всех странах. Кроме того нансеновский паспорт не облегчал эмигрантам получение виз при пересечении границ и обретение вида на жительство в той или иной стране. В связи с этим правление Совещания русских эмигрантских организаций в ЧСР даже обращалось в чехословацкий МИД с прошениями не лишать российских эмигрантов чехословацких документов[57].

Статус беженцев выходцы из России получили лишь в 1926 г., когда на межправительственной конференции в Женеве было дано следующее определение "русскому беженцу": "Русский беженец - это всякое лицо русского происхождения, не пользующееся или переставшее пользоваться покровительством СССР и не принявшее иного подданства"[58]. В общую категорию беженцев были включены как собственно беженцы, так и эмигранты, кадровый состав эвакуированных в ходе или после гражданской войны армий, бывшие военнопленные, солдаты и офицеры экспедиционных русских корпусов и отказавшиеся от советского подданства после выезда за границу бывшие граждане СССР.

Согласно декрету Совнаркома от 15 декабря 1921 г.

советского гражданства лишались: а) лица, пробывшие за границей беспрерывно свыше 5 лет и не получившие от советских представительств заграничных паспортов или соответствующих документов до 1 июня 1922.; б) лица, выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения советской власти; в) лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против советской власти или состоявшие в контрреволюционных организациях; г) лица, имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения таковой; д) лица, не подпадающие под пункт "а", но находящиеся за границей и не зарегистировавшиеся в представительствах РСФСР до 1 июня 1922 г. В декрете предусматривалась возможность для лиц, указанных в пунктах "б" и "в", до 1 июня 1922 г. подать заявления в адрес ВЦИК о восстановлении в своих гражданских правах. В основном декрет был направлен против трех категорий российских граждан: 1) собственно беженцев и эмигрантов (пункт "б"), 2) лиц, боровшихся с советской властью (пункт "в"), 3) всех прочих россиян, проживавших за границей и до определенного срока не изъявивших желания признать советскую власть (пункт "д").

Реальным следствием этого декрета стало лишение всей эмигрантской массы защиты со стороны правительства РСФСР в системе международных правовых отношений, утрата беженцами защиты и покровительства законов своей страны, а также потеря формальной и фактической возможности возвращения на родину. Предоставляемое этим документом право на восстановление подданства на практике, по свидетельству самих эмигрантов, представляло собой чистейшую фикцию[58]. От желающих вернуться требовалось не только заявление о принятии подданства РСФСР, но и целая исповедь в действительных или мнимых прегрешениях и преступлениях против советской власти, а также чуть ли не клятвенное заверение о согласии со всеми принципами и порядками советского строя. Но даже для тех людей, кто решился пройти все эти унижения и формальности, возможность возвращения на родину советской административной практикой была сведена почти к нулю. Изданные в

конце 1925 г. Комиссариатом внутренних дел СССР правила о порядке возвращения в СССР гласили: "...Виду того, что экономическое положение СССР стало улучшаться только в последние годы, въезд названнных лиц может быть отсрочен в целях предотвращения увеличения числа безработных. Лицам, имеющим намерение тотчас после оформления гражданства или амнистии возвратиться в СССР, рекомендуется прилагать к заявлению документы, удостоверяющие, что проситель не пополнит кадры безработных"[59]. Власть, разорившая ранее этих людей, цинично требовала подтверждения, что возвращенцы смогут жить, не занимаясь трудовой деятельностью и не нуждаясь в трудовом заработке. Таким образом своими распоряжениями советская власть фактически лишила беженцев родины и поставила их во внегосударственное положение, практически отняв саму возможность возврата назад. В сравнении с эмигрантами из других стран российские беженцы находились в значительно худших правовых, а следовательно и социально-экономических условиях. Они часто становились дешевой добычей для работодателей, невольно составляя конкуренцию местным рабочим.

Несмотря на все ограничения и сложности, "сменовеховское" движение затронуло Чехословакию, на некоторое время там был открыт репатриационный лагерь. В 1922 г. на родину вернулось около 4 тыс. амнистированных казаков[60].

На межправительственной Женевской конференции 1926 года были приняты положения, облегчившие порядок получения беженцами паспортов и виз, впоследствии одобренные сессией Лиги Наций. Общие вопросы правового положения беженцев рассматривались также на сессии Лиги Наций в сентябре 1927 г. и на II межправительственной конференции в мае 1928 г. Постановления последней сводились к следующему: 1) Ввиду отсутствия у беженцев консульской защиты, верховному комиссару при Лиге Наций было предложено взять на себя выполнение различных функций в отношении русских беженцев (удостоверять личность и звание беженцев, констатировать их семейное положение и гражданское состояние, подтверждать

правильность, силу актов и их соответствие прежним законам страны, где эти акты были заключены, заверять подписи беженцев, копии и переводы документов, удостоверять благонадежность, прошлое служебное положение, профессиональную квалификацию и образовательный уровень беженцев, рекомендовать их властям по вопросам выдачи виз и видов на жительство); 2) Не имевшие гражданства русские и армянские беженцы должны были подчиняться законам страны проживания (а при отсутствии таковой, - страны местопребывания); 3) Беженцы, проживавшие в стране, находившейся под протекторатом или мандатом, в отношении их личного состояния должны были подчиняться законам страны-протектора или мандатодателя; 4) Права, вытекавшие из актов о браках, заключенных в соответствии с национальным законом беженца, должны были быть признаваемы, а супружеские стороны имели право договариваться о том, что их брак будет основан на полном разделении имущества; 5) Не имевшим подданства русским и армянским беженцам предоставлялись определенные права и преимущества, которыми пользовались другие иностранцы на принципах "взаимности" (т.е. на основе двусторонних договоров); 6) На русских и армянских беженцев распространялась система правовой помощи и они освобождались от предварительного судебного залога; 7) При разводе русских и армянских беженцев руководствоваться законом страны их проживания (или местонахождения); Решено было: 8) Не применять во всей полноте ограничительные правила в отношении иностранных рабочих к русским и армянским бженцам; 9) Не приводить в исполнение меры высылки за границу до тех пор, пока беженец не будет иметь возможность легально переехать в другую страну; 10) Взимать государственные налоги с русских и армянских беженцев по тем же правилам, как и с уроженцев страны, в которой они находятся; 11) В вопросах о визах предъявители беженских удостоверений личности должны были подчиняться тем же законам, что и обладатели национальных паспортов. При передвижениях внутри страны проживания - руководствоваться теми же правилами, что и граждане страны; 12) В

беженских удостоверениях слова "настоящее удостоверение недействительно для возвращения..." следовало заменить словами "настоящее удостоверение действительно для возвращения в страну, которая его выдала". Эти удостоверения могли действовать и продлеваться за границей консульством страны, которая их выдала.

Приняв эти положения, общее собрание Лиги Наций вместе с тем высказалось за необходимость репатриации или натурализации беженцев. Это явилось одной из причин, почему ряд стран не ратифицировал постановления Международного совещания от 28-30 июня 1928 г.[61].

15 сентября 1929 г. при верховном комиссаре была создана Межправительственная совещательная комиссия, в которую в качестве экспертов вошли и российские представители. На ее I сессии, состоявшейся 16-18 октября 1929 г., представители правительств всех стран участниц высказались в том смысле, что ни р е п а т р и а ц и я, ни н а т у р а л и з а ц и я не являются способами радикального решения беженской проблемы. Правовой статут в отношении российских эмигрантов был окончательно выработан и принят Лигой Наций в 1929 г. Согласно ему назначались особые представители для разных стран, которые по своим функциям приближались к российским консулам и занимались выдачей паспортов, разного рода удостоверений и свидетельств.

Чехословацкое правительство в циркуляре министерства внутренних дел от 11 декабря 1929 г. специально оговаривало, что будет применять принципы международных соглашений только к тем лицам, которые имели действительное российское или турецкое (для армян) подданство и утеряли его до 1 января 1923 г., не приобретя нового[62].

Правительство Чехословакии, придя к выводу, что проблему российской эмиграции нельзя решить ни репатриацией, ни денационализацией пошло третьим путем, создавая организации эмигрантов для удовлетворения всех их насущных нужд и потребностей[63].

7. Политические направления и идейные течения в среде российских эмигрантов в Чехословакии

Российская колония в Чехословацкой республике представляла собой весь спектр политических цветов и оттенков, существовавший в России на рубеже 10 - 20-х годов.

Условно политические направления, к которым принадлежали эмигранты, можно разделить на монархические, демократические и социалистические.

Большинство монархистов составляли офицеры и солдаты армии Врангеля. Многие из них приехали в Чехословакию в качестве студентов. В основном монархисты были сосредоточены в Общевоинском союзе, Галлиполийском землячестве, студенческих союзах. В Чехословакии, как и в других странах, они делились на сторонников самодержавия, т.е. реставрации дореволюционного российского строя с властью законного наследника из династии Романовых, и конституционных монархистов. Спор, возникший между наследниками престола, разделил первых на сторонников вел. кн. Николая Николаевича (дяди последнего императора) и приверженцев вел. кн. Кирилла Владимировича (кузена Николая II). П.Н.Врангель и его военные организации поддержали верховного главнокомандующего русскими войсками в отдельные периоды первой мировой войны Николая Николаевича. Программа вел. кн. Кирилла Владимировича, напротив, нашла отклик у членов Союза русских студентов в ЧСР. Идею обновленной конституционной монархии отстаивали правые кадеты, группировавшиеся вокруг пражского отделения Русского национального союза (центр его находился в Париже). Многие из них, как, например, князь П.Д.Долгоруков, входили позднее в руководство ОРЭО[64]. Часть монархистов ориентировалась на Францию, часть на Германию. Монархисты установили контакты со своими староониками

в Королевстве СХС, Болгарии, Польше. Правое крыло эмиграции, как упоминалось выше, находило поддержку у К.Крамаржа, основавшего в 1920 г. Русский и Крымский вспомогательный комитет[65].

Центр партии кадетов в Чехословакии был представлен И.И.Петрункевичем и С.В.Паниной. Левые кадеты во главе с П.Н.Милюковым, жившим в Париже, но часто посещавшим ЧСР, придерживались так называемой "новой тактики". Она основывалась на отказе от монархии в пользу республики и от крупного и среднего землевладения, а также критике наиболее реакционных кругов эмиграции[66].

Демократический центр русской эмиграции в ЧСР объединял казачьи, аграрные и некоторые студенческие организации. Общеказачий сельскохозяйственный союз, Союз возрождения казачества, Общеказачья студенческая станица выступали за демократическую республику, которая бы создавалась на принципах федерации, социальной справедливости с сильным местным самоуправлением земель. Частично эти организации вошли в конце 1925 г. в Российскую земледельческую партию (РЗП). Руководство партии составляли: И.В.Емельянов, Г.П.Долгопятов, а также К.Т.Дондик, Ф.С.Гапонов, Н.В.Пуме, Е.Титов, К.П.Бельговский, А.Г.Винничук[67]. Основанная в 1922 г. бывшими правыми эсерами С.С.Масловым и А.А.Аргуновым организация "Крестьянская Россия" выступала за создание буржуазно-демократической республики с федеративным устройством, служащей интересам основной массы населения - крестьян.

Печатными органами партии была газета "Крестьянская Россия", а после переименования партии в Трудовую крестьянскую партию в 1928 г., газета "Знамя России". Название "Крестьянская Россия" носило и издательство партии. Члены Общерусского земледельческого союза во главе с В.А.Харламовым также придерживались республиканско-демократических взглядов. С существованием демократического государства в форме республики связывал будущее России и Русский демократический студенческий союз. Демократическому движе-

нию не удалось создать единое постоянно действующее объединение, хотя попытки организации "левого блока" предпринимались[68].

Социалистическое направление российских эмигрантов в Чехословакии было представлено прежде всего эсерами. Правые эсеры (И.М.Брушвит, В.М.Зензинов, В.Я.Гуревич) заняли сильные позиции в руководстве Земгора. Лидер партии В.М.Чернов, в 1920 г. нелегально оставивший Советскую Россию, представлял так называемый "партийный центр". Центральным органом партии эсеров был ежемесячник "Революционная Россия", издаваемый и редактируемый С.П.Постниковым.

Левые эсеры, выступавшие с идеей "конструктивного социализма", группировались вокруг журнала "Воля России" (Е.Е.Лазарев, В.И.Лебедев, М.Л.Слоним, В.В.Сухомлин). Правые эсеры всегда выступали против большевиков, активно поддерживали Белое движение и нередко участвовали в нем, тогда как левые - временами сотрудничали с большевиками, а в эмиграции частично выступали за контакты с СССР. Пражская группа эсеров организационно оформилась в конце ноября 1922 г., а в 1923 г. к ней присоединилось руководство заграничной делегации, переехавшее из Берлина[69]. В Праге были созданы благоприятные условия для деятельности эсеров. В апреле 1923 г. там состоялся I съезд представителей эсеровской партии за границей, а в следующем году левые эсеры провели конференцию по идейным вопросам. В 1925 г. эсеровская группа в Праге насчитывала более 40 человек. В 1927 г. возникло новое объединение - Социалистическая лига нового востока, в которую вошли представители русских, украинских, белорусских эсеров и армянских дашнаков. В эту организацию входили: В.М.Чернов, В.Я.Гуревич, Г.И.Шрейдер, Ф.С.Мансветов, М.Шаповал, Н.Григорьев, М.Мандрыка, С.Довгал, Б.Залевский, Н.Никогсян, А.Акинян, В.Захарка, П.Кречевский. В своей пограмме лига выдвигала требование подлинной независимости каждой из советских республик[70].

Ближе всего в идейном отношении к левым эсерам

стояли меньшевики. Меньшевистский центр располагался в Берлине и насчитывал около 100 человек. Пражская группа была представлена 10-15 членами. Они выступали за демократический путь к социализму, против политической диктатуры, за действительное право наций на самоопределение. Меньшевики сотрудничали с эсерами в основанном в 1924 г. Социалистическом клубе, в руководство которого входили С.П.Постников, В.Г.Архангельский и др.[71].

В Чехословацкой республике обосновались также народные социалисты, социал-демократы группы "Единство". Идейная консолидация российских эмигрантов в той или иной стране в какой-то степени обусловливалась существовавшим там режимом. Если монархисты сосредоточились преимущественно в Париже и Берлине, а также в Болгарии и Королевстве СХС, где были в основном размещены остатки армий Деникина и Врангеля, то в Чехословакии, в соответствии с уже упоминавшейся политикой официальных властей по отбору беженцев, оседали в основном лица, либерально и демократически настроенные.

Из эмигрантских политических группировок и движений, возникших после большевистского переворота, отметим сменовеховское движение, названное по выходившему в Праге и Берлине в начале 20-х годов сборнику "Смена вех". Во главе движения стал бывший кадет Н.В.Устрялов. Сменовеховцы исходили из необходимости признания советской власти и сотрудничества с большевиками, веря в демократическую эволюцию советского режима. Они выступали за единое и великое Российское государство, общую для всех "русскую культуру"[72]. В движении участвовали представители различных политических партий от октябристов до меньшевиков[73].

Достаточно популярным в Чехословакии было и евразийство. Система взглядов евразийцев зиждилась на понимании России как целостного мира - Евразии, отличного от Западной Европы как по своему географическому положению, историческому развитию, экономическим основам, так и по религиозно-философским, духовным истокам. Политическая программа ев-

разийцев отрицала классический капитализм, но, вместе с тем, она отвергала и социализм. Идеи евразийства развивали ученые различных специальностей: географы, экономисты, философы, историки, лингвисты, правоведы[74]. К этому идейному направлению принадлежали П.Н.Савицкий*, издававший периодическое издание "Евразийскую хронику", Г.В.Флоровский**,Н.С.Трубецкой***, Г.В.Вернадский****,Н.Н.Алексеев***** и др. Со временем движение распалось на три группы. Первая, во главе с князем Д.П.Святополк-Мирским, примкнула к движению "смены вех" и "возвращенства", вторая, возглавляемая П.Н.Савицким, оставалась на позициях эмиграции, придавая евразийству сильный православноцерковный акцент, третья была ближе к традиционным эмигрантским установкам и вскоре порвала с евразийством[75].

В начале 30-х годов большую активность в ЧСР развила группа малороссов. В 1932 г. в Праге состоялся съезд малоросского движения в Чехословакии. Малороссы видели будущее России в соединении монархии и советов. Движение возглавлял Б.И.Чернавин. В рамках движения действовал Казацкий центральный союз малороссов, выступавший за восстановление на престоле вел. кн. Кирилла Владимировича[76]. Председателем союза был Г.И.Чапчиков, заместителем И.С.Борчевский. Им издавался журнал "Казачий набат".

Наиболее острые споры среди эмигрантов вызывал

---

* П.Н.Савицкий (псевд. П.Востоков) (1895-1968) - Преподаватель экономического фак-та Политехнического ин-та в Петрограде. С 1922 г. доцент Русского Юридического факультета (РЮФ) и преподаватель Русского народного университета (РНУ) в Праге.

** Г.В.Флоровский (1893-1979) - Приват-доцент Новороссийского ун-та, в 1920 г. эмигрировал в Прагу. Философ-богослов, религиозный деятель, историк, священник.

*** Н.С.Трубецкой (1890-1938) - Филолог, мыслитель, проф. Московского, Ростовского, Софийского и Венского ун-тов.

**** Г.В.Вернадский (1887-1973) - Проф. Пермского, Таврического ун-тов. В 1922-1927 гг. проф. Юридического ф-та Карлова ун-та в Праге. Историк.

***** Н.Н.Алексеев(1879-1964) - Проф. Московского ун-та. Юрист. В 1922-1931 гг. проф. в вузах Праги и Берлина.

вопрос об "активизме" (стремлении к активной борьбе с советским строем всеми средствами и с любыми союзниками). Политическим идеологом "активизма" стал П.Б.Струве. В Праге ярым сторонником "активизма" был Н.А.Цуриков. Основной резерв "активизма" составляли члены военных организаций, объединявших бывших офицеров и солдат белых армий. Приверженцы этого направления опирались на различные военные разведки. Некоторое время подрывной деятельностью против Советской России руководил в Париже генерал Кутепов[77]. Одним из центров "активизма" стала Международная антикоммунистическая лига, при которой была создана русская секция с постоянным секретариатом. В 1930 г. она опубликовала тезисы "О русском зарубежном активизме", разъясняющие, что активизм - это не только вооруженная борьба с коммунизмом на территории России. "Всякая борьба с коммунистами, как мировой организацией, всякое активное противодействие коммунистам, срывающее их усилия и умаляющее их успехи, является проявлением активизма", - говорилось в документе. Борьба против коммунизма за рубежом носила название "зарубежный активизм", внутри России - "подъяремный активизм". В пределах России борьба должна была вестись тайно. Зарубежный активизм предполагал работу как среди иностранцев, так и в русской эмигрантской среде. Основная задача работы среди иностранцев состояла в создании в общественном мнении наиболее сильных стран мира течений, направленных как против коммунистов вообще, так и против коммунистов в России, с тем, чтобы изолировать последних. В этот период вопрос о военной интервенции в Россию иностранных держав уже не подлежал обсуждению как политически нереальный. Для проведения этой пропагандистской работы особо вредной и нежелательной считалась односторонняя внешнеполитическая ориентация эмигрантов на Францию, Англию, Германию, Польшу либо Японию. В тезисах подчеркивалось: "Мы должны бороться за Россию как самостоятельную дипломатически несвязанную великую державу"[78]. По мнению авторов тезисов, недопустимо было и принятие гражданства страны проживания. "Кто имеет

вторую родину, тот утратил первую", - отмечалось по этому поводу в документе[79].

Столь же вредным активисты считали деление эмиграции на политические партии, так как она, по их мысли, должна была представлять единый антикоммунистический лагерь. Этой работе не должны были мешать ни национальные, ни религиозные различия. "Сохраняя свое русское сердце и свою верность России, наша задача влиять, не поддаваясь влиянию", - указывалось в тезисах[80]. Далее излагались конкретные рекомендации, как вести антикоммунистическую пропаганду. Интересно, например, указание избегать сенсаций и преувеличений и быть предельно достоверным и точным в изображении коммунистического строя, давая лишь общий прогноз, что коммунизм рухнет, а Россия возродится. Рекомендовалось подчеркивать единство России и остального мира. Этот тезис звучал так: "В борьбе за Россию мы отстаиваем мир, веру, культуру и экономическое благополучие всего мира"[81].

Первой задачей пропагандиста было показать реальную опасность коммунизма. Для этого необходимо было дать точное описание революционного процесса, который представлял собой всеобщее изъятие собственности, причем буржуазия экспроприировалась сразу, а крестьянство постепенно; всеобщую пролетаризацию, превращение советской власти в монопольного работодателя; установление террора, введение всеобщего, взаимного, принудительного шпионажа; осуществление "социализации" при помощи новой коммунистической бюрократии. Конечной целью пропаганды являлось создание антикоммунистических форпостов в газетах, журналах, среди профессуры, в парламентах, клубах, политических партиях, церковных центрах, объединениях, сообществах, торгово-промышленных, офицерских, женских, педагогических, социально-благотворительных, научно-философских организациях. В качестве главных средств для осуществления поставленной цели предлагалось распространение антикоммунистической литературы и выступления в печати.

Работа среди русской эмиграции состояла, с одной стороны, в агитации против политической индифферентности, пассивности, ухода в обывательщину и мещанство, а с другой - против разъединяющей эмиграцию партийности. Учитывая тщетность многочисленных попыток всеобъемлющего объединения эмиграции, авторы документа выдвинули лозунг - включаться в борьбу, а затем объединяться уже на основе реального дела.

Проводником идей активизма стало созданное в начале 30-х годов общественно-политическое движение "Второе поколение", возглавляемое Н.В.Быстровым, М.С.Ильяшевичем и А.А.Воеводиным. Представители движения издавали газету с таким же названием. Ядро течения составляла так называемая "молодежь": участники мировой войны, революции, гражданской войны, не занимавшиеся активно общественной и политической деятельностью в дореволюционной России. В программной статье, опубликованной в первом номере газеты, указывалось, что тем единственным, что может объединить эмиграцию, является современность. Сплотить эмиграцию сторонники этого направления стремились на платформе российского патриотизма и русского национализма. В отношении активизма говорилось, что это не психология и не метод, а "моральная необходимость"[82]. Кроме того в газете провозглашался отказ от каких-либо компромиссов с коммунистической властью.

В 30-е годы, когда в Европе стала все явственнее ощущаться угроза новой войны, перед русскими эмигрантами встала проблема выбора - с кем быть: с Россией против внешнего врага, или с врагом против коммунистической России. Споры об этом особо разгорелись с приходом к власти Гитлера в Германии в 1933 г. К началу войны эмиграция раскололась на два непримиримых лагеря: оборонцев и пораженцев. Первых, занимавших безоговорочно патриотические позиции, было подавляющее большинство. Деникин выступил за победу Красной Армии над гитлеровцами, надеясь, что после окончания войны она ликвидирует и большевизм. Как свидетельствовал Д.И.Мейснер, за такую "двойную" задачу выступало

большинство эсеров, близок к такому же пониманию был и Керенский[83]. Оборонческих взглядов придерживался Милюков, евразийцы, большая часть младороссов.

За союз с немцами против большевиков выступил бывший донской атаман, казачий генерал и писатель П.Н.Краснов. Среди пораженцев была часть монархистов, некоторые малороссы, а в основном - сторонники Национально-трудового союза (НТС) нового поколения. Они считали необходимым использовать немцев против большевиков, так как военное поражение СССР привело бы к падению строя. Затем планировалось избавиться и от немцев. Весной 1936 г. чехословацкое правительство даже запретило НТС[84], пользовавшийся финансовой поддержкой нацистов.

Глубокие идейно-политические расхождения между представителями различных эмигрантских партий и группировок, выразившиеся во взглядах на будущее России, а также в вопросе о средствах, темпах и союзниках в борьбе с советской властью, помешали российским эмигрантам создать единый антикоммунистический блок. Однако резкая критика эмигрантами большевистского строя в 20-е - 30-е годы, способствовала негативному восприятию общественным мнением Запада "советского опыта". Чрезвычайно актуализировалась эта критика через 60 с лишним лет на рубеже 80-х и 90-х годов при падении коммунистического режима в России и во всей Восточной Европе.

* * *

"Первая" волна российской эмиграции была наиболее многочисленной в истории нашего Отечества. Молодая Чехословацкая республика, благодаря политике ее властей, щедро поддерживавших бывших российских граждан, вскоре стала местом паломничества эмигрантов. Не столь значительная по численности российская колония в Чехословакии сумела стать крупным культурно-просветительским центром российского зарубежья. Судьбы россиян на новом месте складывались по-

разному - кому-то везло - но положение большинства эмигрантов в ЧСР в материальном и правовом отношении оставалось тяжелым. Это вероятно и явилось причиной того, что политическая по своей сути эмиграция в Чехословакии (да и в целом за рубежом) была не столь политически активна, сколько боролась за выживание.

Примечания

1. В 1930 г. дальневосточные газеты сообщали о новых беженцах из СССР, прибывавших в Китай (См. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.137.Л.4).

2. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.137.Л.4.

3. Там же.

4. Карпаторуский вестник. 1924. 9 мая; См. также Хозяин. 1931. 4 сент.

5. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987. С.23.

6. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.89.Л.5.

7. Там же. Д.258.Л.20 об.

8. Государственный архив Закарпатской области (ЗОА). Ф.13. Оп.I. Д.951.Л.46.

9. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.140.Л.2.

10. Там же. Д.258.Л.1,4.

11. Там же. Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.96.

12. Там же. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.24.

13. Там же..

14. Там же. Д.140.Л.6.

15. Там же.

16. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.,1977.Т.2.С.119.

17. Там же. С.32.

18. *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.С.211-212.

19. *Чиняева Е.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" // Славяноведение. 1993.№4.С.37.

20. *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Славяноведение.1991.№6.С.25.

21. Там же. С.30-31; См. также письма Т.Масарика Э.Бенешу от 28 июля 1921 г. о помощи России и российской эмиграции // Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze. Katalog vystavy. Pr.1995.

22. См. ответ министра инстранных дел Э.Бенеша на запрос депутата А.Гайна о помощи русской эмиграции // Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace...

23. Документы и материалы...Т.2.С.78.

24. *Шмераль Я.Ю.* Образование Чехословацкой республики в 1918 г. М.,1967.С.8; Šetřilová J. Karel Kramař - Otec ruské emigrace // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-2). Pr.1994.S.74.

25. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность. М.,1966.С.129.

26. *Мейснер Д.И.* Указ.соч.С.136.

27. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I. Д.71.Л.6.

28. *Борисенок Е.Ю.* Русское земледельческое движение в Чехословакии в 1920-е годы // Славяноведение. 1992.№4.С.46.

29. ГАРФ.Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.56.

30. Там же.Д.71.Л.8; См.также телеграмму МИД чехословацкому представительству в Стамбуле относительно транспортировки русских студентов в ЧСР // Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace...

31. Там же. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.24; См.также дискуссию Э.Бенеша с К.Крамаржем о роли русской эмиграции после возвращения в Россию 1926-1927 // Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace...

32. ЗОА. Ф.13. Оп.I. Д.951.Л.47.

33. *Эренбург И.Г.* Собр.соч. (В 9-ти тт.) М.,1966.Т.8.Кн.3.С.409.

34. ГАРФ.Ф.5764. Оп.I. Д.125.Л.216.

35.*Правдин П.* Жизнь русской земледельческой эмиграции, находящейся под протекторатом Земледельческой Едноты ЧСР. Прага.,1924.С.6-7.

36.ГАРФ.Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.168.

37. *Борисенок Е.Ю.* Указ.соч.С.51.

38. ГАРФ.Ф.6348. Оп.I. Д.61; Д.1082.Л.55.

39. Naše listy.1925.26 červen.

40. ГАРФ.Ф.5764. Оп.I. Д.140.Л.4; Д.135.Л.136.

41. Там же. Д.122.Л.58.

42. ГАРФ.Ф.5764. Оп.I. Д.258.Л.19; Rejman P. Ve dvadcátých letech Vzpomínky. Pr.,1966.S.91.

43. ГАРФ.Ф.5888. Оп.I. Д.42.Л.20.

44. Там же. Ф.5764. Оп.I. Д.122.Л.106-107, 169, 197, 207, 231, 267, 377.

45. Там же. Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.103.

46. Там же. Л.97.

47. Chinyaeva E. Russian emigrantes and czechoslovak society: uneasy relations // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-2). Pr.1994.S.51-52.

48.ГАРФ.Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.160-170.

49. Там же.

50. ГАРФ.Ф.5764. Оп.I. Д.258.Л.47.; ЗОА. Ф.13. Оп.3 Д.1678.Л.7-9; Ф.49с/13. Ф.13. Оп.5. Д.166.Л.1-8; Ф.12. Оп.3. Д.1250.Л.1-17.

51. ГАРФ.Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.98.

52. Там же.Ф.5764. Оп.I. Д.258.Л.47 об.

53. *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии... С.35.

54. Там же. С.9.

55. *Замойски Я.* Отношение "белой" русской эмиграции к украинским

вопросам (1919-1939) // Славяноведение.1993.№4.С.46.

56. Русские в Праге 1918-1928. (Ред.-изд.С.П.Постников. Прага, 1928. С.69).

57. ГАРФ.Ф.5888. Оп.І. Д.132.Л.126.

58. Там же.Ф.5764. Оп.І. Д.258.Л.47.

59. Там же. Д.89.Л.9.

60. *Шкаренков Л.К.* Указ.соч.С.78.

61. ГАРФ.Ф.5764. Оп.І. Д.258.Л.47а.

62. Там же. Д.4.Л.34.

63. *Архангельский В.* Русское дело в Чехословакии // Русские в Праге. С.248.

64. *Мейснер Д.И.* Указ.соч.С.158.

65. *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии... С.24.

66. *Мейснер Д.И.* Указ.соч.С.162-163; Vandalkovská M.G. Miljukovské dny v Praze // Slovanský přehled. 1993. №1. S.45-54.

67. *Борисенок Е.Ю.* Указ.соч.С.53.

68. *Tejchmanová S.* Rusko v Československu... S.24.

69. Ibid. S.14.

70. *Veber V.* Strana eserů v moderních ryských dějinách a v Praze // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945. Pr.1993.S.25; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze. Katalog vystavy. Pr.1995.S.9-10.

71. Ibid. S.17.

72. *Tejchmanová S.* Politická činnost ruské a ukrajinské emigrace v Československu v letech 1920-1939 // Ruská, a ukrajinská emigrace... S.8.

73. Ibid.

74. *Горизонтов Л.Е.* Евразийство, 1921-1931 гг.: взгляд изнутри // Славяноведение.1992.№4.С.86-104.

75. *Мейснер Д.И.* Указ.соч.С.188; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze... S.12.

76. *Tejchmanová S.* Politická činnost ruské a ukrajinské emigrace v Československu ...S.9.

77. *Шкаренков Л.К.* Указ.соч. С.125.

78. О русском зарубежном активизме. Тезисы. Прага, 1930. С.8.

79. Там же. С.9.

80. Там же. С.11.

81. Там же. С.14

82. Второе поколение. 1931. 4 апр.

83. *Мейснер Д.И.* Указ.соч.С.234.

84. *Tejchmanová S.* Rusko v Československu... S.19.

Глава II

Пражский Земгор

1. Из истории возникновения

К началу 1921 г. в Чехословакии уже сосредоточилась значительная масса российских беженцев. Рассчитывать на полное попечение о них чехословацких правительственных и общественных организаций не приходилось, так как правительство и общественность молодой Чехословацкой республики были заняты решением своих нелегких проблем по преодолению последствий мировой войны, внутренним обустройством, заботами о нуждах своего народа. Вопросы помощи российским беженцам, естественно, отходили на второй план. К тому времени, когда с окончанием гражданской войны в России основная масса эмигрантов появилась за границей, там уже находились представители антибольшевистских окраинных режимов или национальных государственных образований, возникших на территории бывшей Российской империи. С падением их правительств они действовали самостоятельно на свой страх и риск и кроме того яростно боролись друг с другом за право на исключительное представительство России и ее "законных" властей. Но надо признать, что они уже не имели прежнего веса и авторитета у европейских правительств и большей части беженцев и к тому же не могли организовать и удовлетворить нужды все увеличивающегося числа российских эмигрантов. Разобщенность выходцев из России усугублялась фактом признания того или иного представителя бывших старых и новых российских властей. Бежав от режима большевиков, эмигранты не желали признавать представителей советской власти за границей. В результате они оказались без организационного центра и руководства, без какой-либо защиты.

Работники прежних российских земских и городских самоуправлений решили создать организацию помощи беженцам из России, которой придавали бы авторитет не официальные

полномочия, а доверие к ней самих беженцев. Они поставили своей целью - обратить внимание мировой общественности и правительств разных стран на положение беженцев, изыскать средства для оказания им помощи, организовать эмигрантские массы с тем, чтобы "сохранить их для будущей России и сколько-нибудь сносно устроить их в настоящем"[1]. Так по частной инициативе отдельных деятелей земско-городских самоуправлений России 17 марта 1921 г. в Праге возникло Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (сокращенно Земгор).

2. Устав Объединения и его структура

Устав Земгора, принятый на учредительном собрании, декларировал учреждение общества под названием "Объединение земских и городских деятелей в Чехословацкой республике" с местонахождением в городе Праге. Далее в уставе излагалась цель Земгора, состоявшая в оказании всех видов помощи бывшим российским гражданам, находившимся в ЧСР. Для осуществления этой важной задачи Объединение на добровольных и безвозмездных началах брало на себя учет российских беженцев, проживавших в Чехословакии, изучение условий их жизни, изыскание способов их улучшения, защиту правовых интересов своих сограждан. Земгор намеревался оказывать помощь в предоставлении работы эмигрантам, организуя трудовые артели, ремесленные мастерские, земледельческие колонии, кооперативы, заниматься обучением эмигрантов на торгово-промышленных предприятиях и в специальных учебных заведениях. Земгор обязывался устраивать концерты и спектакли, учреждать (с соблюдением законов страны пребывания) школы, курсы, библиотеки, читальни, детские летние колонии, сады и т.п., а также содействовать приобретению жилья, открывать общежития, столовые, организовывать информационную службу, оказывать юридическую и медицинскую помощь, выдавать ссуды и безвозвратные пособия, приобретать движимое и недвижимое имущество, заключать договоры,

займы, в том числе и под векселя.

В уставе отмечалось, что Общество открывает отделы в других городах республики и в других странах, а также может объединяться в союз или вступать в соглашения с иными однородными обществами.

Членами Общества могли стать лица, участвовавшие с правом решающего голоса в работе уездных и губернских земских собраний и городских дум, члены руководящих органов Объединений земств и городов, местного и краевого самоуправления, казачьих войсковых кругов и т.п., и кроме того, лица "по своему знанию и опыту могущие оказаться для деятельности Общества особо полезными"[2]. В члены Общества предполагалось избирать на общем собрании абсолютным большинством голосов его участников, а последнюю категорию - двумя третями присутствующих на собрании членов Общества.

Средства Объединения складывались из членских взносов, которые имели символический характер и составляли 24 кроны в год, из ассигнований организаций и учреждений, оказывающих помощь российским гражданам, находившимся в ЧСР (главным из них был МИД ЧСР), а также специальных сборов, доходов от предприятий, организованных Земгором, и прочих поступлений.

Высшим органом Объединения признавалось общее собрание, а в перерывах между его работой - комитет. Общие собрания могли быть годичными, очередными (проводившимися не реже 1 раза в 4 месяца) и чрезвычайными. Общее собрание должно было руководить деятельностью Объединения и контролировать ее, принимать и исключать его членов, избирать председателя и членов комитета, ревизионной и иных комиссий, рассматривать жалобы на постановления и работу комитета и комиссий, утверждать годовой отчет и смету, принимать постановления об изменениях и дополнениях устава, приобретении и отчуждении недвижимого имущества и о закрытии Общества, а также рассматривать любой иной вопрос, выносимый на его обсуждение. Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовало не менее половины членов Обще-

ства. Обычно решение считалось принятым, если за него проголосовало более половины участвовавших в голосовании. Комитет Земгора избирался на 1 год в составе трех или более человек для текущей работы. При комитете существовал аппарат служащих. Он делился на отделы: материальной помощи, во главе которого в разные годы стояли В.Т.Васильев и Г.Ф.Фальчиков; трудовой - возглавлялся И.П.Нестеровым; медицинский, под руководством М.П.Полосина; культурно-просветительный (заведующий - И.И.Калюжный) и общий, которым заведовал секретарь комитета (сначала Б.Н.Рабинович, затем Ф.И.Колесов, Ф.С.Мансветов, С.Н.Николаев). Должности членов комитета и председателя оплачивались. Размер вознаграждения служащих Земгора в основном соответствовал окладам, выплачиваемым в чехословацких правительственных учреждениях. Высший оклад, председателя комитета Земгора, составлял в 1931 г. 2000 кр.ч., низший оклад служащего равнялся 800 кр.ч. Рабочий день длился 6 часов. Выходными считались воскресенья, первые дни православных праздников Рождества, Пасхи, Страстной субботы и все официальные чехословацкие праздники. Проработавшие не менее 5 с половиной месяцев имели право на двухнедельный отпуск, не менее 11 месяцев - на месячный отпуск. Жалованье выдавалось 2 раза в месяц. Женский и мужской труд при одинаковом количестве и характере оплачивался одинаково. В случае длительной болезни должность сохранялась в течение 9 месяцев, содержание за два первых месяца выдавалось в полном размере, а за следующий - в половинном. Заболевшие служащие Земгора могли пользоваться амбулаторной и стационарной медицинской помощью за счет Объединения. Перевод на другие должности и командирование были возможны лишь с согласия самого служащего. Размер командировочного вознаграждения был одинаков независимо от занимаемой должности и оклада[3].

В уставе Общества специально было выделено положение о том, что Объединение <u>не является политической организацией и не имеет права ни заниматься политической деятельностью, ни участвовать в ней[4].</u>

Учредителями Земгора, подписавшими его первоначальный устав, были: Б.Ф.Соколов, В.М.Зензинов, Е.Е.Лазарев, В.М.Вершинин, П.Д.Климушкин, А.Г.Ковтун, Л.В.Рассель, М.П.Полосин, Ф.И.Колесов[5]. - члены администрации газеты "Воля России". По замыслу учредителей Объединения Земгор не должен ставить себе никаких политических задач и не должен предъявлять претензий на какое-либо политическое или официальное представительство и руководство русским народом или русским беженством. Они рассчитывали сохранить для будущей России массы русских людей, накормить их, одеть, обеспечить им сносное существование, и в то же самое время познакомить беженцев с жизнью Центральной Европы, ее культурой, техникой и технологиями, как промышленной, так и аграрной. Членом Земгора, как уже говорилось, мог стать любой бывший деятель земского или городского самоуправления вне зависимости от его политических убеждений. В 1925 г. в состав Объединения входили 63 человека, в том числе 29 социалистов-революционеров, 3 народных социалиста, 1 социал-демократ группы "Единство", 2 члена конституционно-демократической партии, 3 - из группы "Крестьянская Россия", 15 членов Союза возрождения казачества и 10 беспартийных. 46 человек из этого числа были в свое время гласными земств и городских дум, 4 - практическими работниками земско-городского самоуправления, 11 - членами Законодательных войсковых кругов и рад и 2 - лицами, признанными особо полезными для деятельности Объединения[6]. Первым председателем Комитета стал В.М.Зензинов (март-сентябрь 1921 г.), вторым - В.Я.Гуревич (сентябрь 1921 г. - март 1922 г.) и третьим - И.М.Брушвит (с марта 1922 г. по 1934 г.).

3. Основные принципы деятельности

Отличительной чертой Земгора был гласный, открытый характер его деятельности: пожалуй, это была единственная российская организация за границей, высший орган которой (общее собрание) заседал открыто в присутствии представи-

телей чехословацкой и российской общественности, российской и иностранной печати, не исключая коммунистическую и монархическую. Например, в списке учреждений и организаций, которым предполагалось послать приглашение на общее собрание Земгора от 3 декабря 1922 г. указывалось пять чехословацких министерств (иностранных дел, земледелия, народного просвещения, труда, внутренних дел), руководство 9-ти чехословацких политических партий (а именно: социал-демократов, национальных социалистов, народных демократов, аграриев, клерикалов, коммунистов, "модрачковцев", немецкого парламентского союза, немецких социал-демократов), 16 редакций чехословацких и эмигрантских газет и журналов, 32 эмигрантские и чехословацкие общественные организации[7].

С конца 20-х годов Земгор издавал специальный бюллетень для информации проживавших в Чехословацкой республике беженцев о деятельности общественных эмигрантских учреждений, о положении эмигрантов, о работе Лиги Наций и верховного комиссара по беженским делам, о всех законодательных актах и правительственных распоряжениях, относившихся к беженцам (закон о праве на труд, о замене "пруказов" и др.), распространял его постоянным подписчикам. Бюллетень Земгора не являлся политическим изданием, он преследовал чисто информационные цели. Материал был сгруппирован в нем, как правило, в четыре больших блока: 1) сведения о том, где и как продлить срок паспорта, получить визу и загранпаспорт, как определить сына в гимназию; 2) сообщения с рынков труда; 3) разъяснения по правовым вопросам и 4) рассказы о жизни русской эмиграции, деятельности общественных эмигрантских организаций и адреса этих учреждений[8].

Когда вопрос о правовом положении российских эмигрантов оставался еще не решенным, Земгор вынужден был заниматься и такого рода деятельностью, как выдача всякого рода удостоверений, необходимых беженцам для оформления их социального и правового положения, ходатайствования о разрешении на выезд, въезд и проживание беженцев в Чехосло-

вацкой республике, получение виз на въезд российских эмигрантов во Францию, Германию, США и другие страны, выдача российским и чехословацким общественным и правительственным учреждениям, а также частным лицам всякого рода справок, помощь беженцам в получении или продлении удостоверений личности, нансеновских паспортов и т.п.[9] В одном из распоряжений министерства внутренних дел ЧСР отмечалось, что "с целью сосредоточения регистрации русских беженцев в Чехословацкой республике был организован регистрационный отдел при Земгоре"[10]. Однако Земгору не удалось провести полную регистрацию русских беженцев, так как такого рода деятельностью занималось и бывшее российское представительство во главе с В.Рафальским*, которое также выдавало бывшим российским гражданам удостоверения и паспорта, признаваемые полицейским управлением в Праге. Далее в том же распоряжении министерства внутренних дел рекомендовалось, во избежание пребывания в ЧСР лиц нежелательных**, полицейским органам требовать от русских беженцев документов, выданных МИД через посредство Земгора[12]. Подобная деятельность Земгора и других российских эмигрантских организаций не раз вызывала протесты со стороны советского правительства. Так в ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР Министерству иностранных дел Чехословакии от 17 марта 1923 г. отмечалось, что Земгор позволил себе присвоить некоторые консульские функции, его адрес как официального российского представительства полицейское управление сообщало всем заинтересованным лицам г.Праги также, как и адрес В.Рафальского, именовавшего себя "российским послом". В ноте

---

* "Российская миссия" во главе с В.Рафальским как представителем Временного Сибирского правительства была учреждена и официально признана чехословацким правительством летом 1919 г. Она получала финансовую поддержку от правительства ЧСР.

** К ним относились лица, проповедовавшие монархизм, занимавшиеся финансовыми и торговыми спекуляциями и, кроме того, общественно опасные[11].

подчеркивалось, что приведенные факты "являются прямым нарушением отдельных статей Временного договора между РСФСР и Чехословацкой республикой от 5 июня 1922 г."[13]

Что касается отношений Земгора с различными российскими эмигрантскими организациями, то здесь надо отметить стремление первого к установлению делового сотрудничества со всеми гуманитарными и культурными организациями, возникшими среди русских граждан за границей (как в Чехословакии, так и во Франции, Югославии, Турции, Болгарии). Был установлен тесный идейный и деловой контакт Земгора с Главным российским земско-городским комитетом помощи российским гражданам в Париже. Удалось заключить соглашение между Земгором и представителями Согора (Союза городов) в Праге о разграничении сфер деятельности в отношении воспитания и обучения российских беженцев. По соглашению, Согор ведал в Чехословакии проблемами дошкольного и внешкольного воспитания, развития детей, обучения в начальной и средней школе (за исключением Пражской русской реальной гимназии, оставшейся в ведении Земгора), а Земгор взял на себя все остальные стороны образования российских беженцев в Чехословакии и всесторонней помощи им.

С некоторыми однотипными эмигрантскими организациями (например, с Временным главным комитетом Всероссийского земского союза), действовавшими преимущественно в Балканских странах, в силу различного рода трений прямых деловых отношений Земгору установить не удалось.

4. Средства Объединения

Финансовые средства Земгора складывались из членских взносов, пожертвований, доходов от собственных предприятий, займов и ассигнований МИД, министерства народного просвещения ЧСР и комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии.

Финансовой основой деятельности Земгора были субсидии от МИД ЧСР. Возникнув как общественная организация, без формальной санкции со стороны уже имевшихся за границей российских официальных учреждений и их представителей (отдельных послов и посланников, а также их объединений, как, например, советов послов), имевших в своем распоряжении значительные средства, Земгор оказался без их поддержки. Не могло быть и речи о помощи со стороны советской власти, рассматривавшей эмиграцию как своего естественного врага. Руководство Земгора не обольщалось надеждой на постоянную помощь со стороны богатых эмигрантов или групп, процветавших за рубежом бывших российских граждан, поступления от которых были произвольны, единичны и имели характер одноразовых пожертвований и дарений. Членские взносы деятелей Земгора имели исключительно формальное значение, не покрывая и малой части расходов. Нельзя было возлагать особых надежд и на кредиты, займы зарубежных официальных инстанций и на пожертвования со стороны иностранных общественных кругов в условиях тяжелого послевоенного времени. Доходы от создаваемых Земгором предприятий были невелики в силу целого ряда причин, главными из которых были неподготовленность беженской массы к специфическим условиям труда за рубежом, неумение быстро ориентироваться на местном рынке, жесткая конкуренция, отсутствие спроса на изделия русского производства в обстановке общего экономического и торгового спада. Опыт организации подобного рода предприятий вызвал даже сомнения в их целесообразности вообще. Земгор был вынужден со временем ликвидировать целый ряд созданных им в 20-е годы организаций и предприятий. Именно поэтому оставались две возможности: брать долгосрочные займы и обращаться к чехословацкому правительству с просьбами и ходатайствами об отпуске средств на нужды российских эмигрантов.

Уже 19 апреля 1921 г. (буквально через месяц после возникновения) комитет Земгора обратился к правлению Легио-

банка с просьбой о предоставлении Объединению долгосрочной ссуды. Вскоре, 27 мая, был заключен договор о долгосрочном займе на сумму в 1 млн. кр.ч. под 6% годовых. Срок погашения займа определялся по факту возобовления нормальной деятельности Всероссийского союза земств и городов на территории России. Заем предоставлялся с целью "единой и централизованной помощи русским гражданам, проживающим в Чехословакии"[14]. По этому договору Земгор освобождался от выплат ежегодных процентных ставок и надеялся в будущем исключить из договора условие о процентах.

В апреле 1922 г. была предоставлена бессрочная ссуда Земгору Главным земско-городским комитетом помощи российским гражданам за границей в Париже на сумму 4 тыс. французских франков (что равнялось по курсу 19 тыс. кр.ч.). Эта ссуда погашалась Земгором частями и была выплачена полностью в 1924 г.[15].

Легиобанк предоставил также заем на сумму в 90 тыс. кр.ч. Русскому трудовому обществу, после ликвидации которого его обязательства со всем активом и пассивом взял на себя Земгор[16].

Первоначально помощь со стороны МИД ЧСР российским беженцам была значительной, но не вполне планомерной. В 1922 г. комитет Земгора разработал и предоставил МИД расходную смету Объединения, согласно которой с 1922 г. по октябрь 1924 г. МИД отпускал Земгору на общие нужды по 200 тыс. кр.ч. ежемесячно. С октября 1924 г. ежемесячные ассигнования были сокращены до 120 тыс. кр.ч. Однако, кроме того, Земгору отпускались средства по специальным сметам, и они к 1924 г. превысили общие ассигнования более, чем в 3 раза[17].

За 1921-1925 гг. членские взносы составили 3 117 кр.ч., пожертвования, разовые дарения от чехословацких, иностранных, эмигрантских правительственных и общественных организаций и частных лиц (Союза чешских легионеров "Дружина", американского и чехословацкого обществ Красного Креста, Русского кружка, Земледельческой едноты, Синдиката словенских банков, Стокгольмского Русского общества и др.) -

61419,40 кр.ч., доходы от собственных предприятий (в том числе от эксплуатации помещений Русского дома - 43211,90 кр.ч.), займы - 1109000 кр.ч., субсидии чехословацкого правительства на общую деятельность Земгора - 7235947,50 кр.ч. Кроме того, поступали специальные ассигнования: от МИД ЧСР на учреждения и предприятия Земгора, от министерства народного просвещения и комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии, а также материальные дарения (например, одежда от чехословацкого правительства на сумму 272170 кр.ч.). Всего на 1925 г. имущество Земгора оценивалось в 1771 437,60 кр.ч. (не считая недвижимости)[18].

Некоторые эмигрантские круги, в основном правого толка, были недовольны тем, что Земгору удалось сосредоточить в своих руках средства, щедро отпускаемые чехословацким правительством на поддержку российских беженцев. Они заняли крайне враждебную позицию в отношении Земгора, обвиняя его в финансовых злоупотреблениях и махинациях. Дело доходило даже до судебного разбирательства, как в случае с публикацией заметок в газете "Руль"* за 1927-1928 гг. В этих заметках утверждалось, что члены правления Земгора замешаны в спекуляциях с имением Малые Прилепы, стоимостью в 500 тыс. кр.ч., Земгор также обвинялся в том, что является чисто эсеровской организацией, куда не допускаются лица иной политической ориентации[19]. В Земгор действительно входило немало эсеров, но большинство его членов представляло другие политические партии или группы, были и не состоявшие ни в каких партиях. В письме Земгора в редакцию газеты "Руль" приведена справка о членском составе Объединения: в 1927 г. из 74 членов 32 являлись эсерами, 19 казаков входили в различные казачьи объединения, 3 принадлежали к группе "Крестьянская Россия" и 20 остальных были членами других политических партий или беспартийными[20]. Финансовые злоупотребления документально не подтвердились, хотя в

* "Руль" - ежедневная газета. Основана И.В.Гессеном, А.И.Каминкой и В.Д.Набоковым. Издавалась в Берлине.

самом Земгоре произошел крупный скандал: обвиннный в махинациях М.В.Красновым некий член правления Д.* вызвал обидчика на дуэль.

Чехословацкие коммунисты, явно инспирированные Москвой**, также не раз выдвигали подобные обвинения в адрес Земгора и даже сделали запрос о его деятельности правительству ЧСР. Чехословацкое правительство ответило на запрос следующее: "...Деятельность русских эмигрантских организаций в Чехословацкой республике ограничивается исключительно культурно-просветительской работой и делом вспомоществования нуждающимся, русским и украинцам. Что же касается деятельности Земгора и иных организаций, оказывающих вспомоществования, то она находится под строгим наблюдением МИД. Все отчеты и счета строго проверяются канцелярией министерства и использование отпускаемых средств на какие бы то ни было цели, помимо культурно-просветительских и на дело оказания помощи, совершенно исключено"[22]. Об этом сообщала газета "Дни" от 4 июля 1923 г.***

Первоначально правительство Чехословацкой республики предоставило Земгору широкую свободу и самостоятельность в расходовании отпускаемых средств. Тем не менее Объединение признало целесообразным контроль за своей финансовой деятельностью со стороны ответственных органов правительства. В отчете "Земгора" за 1921-1925 гг. утверждалось, что "все результаты ревизии, как со стороны МИД, так и со стороны государственного контроля, не обнаружили никаких дефектов, как в порядке расходования сумм, так и в ведении

---

* Полная фамилия не сообщалась.

** В телеграмме народного комиссара иностранных дел СССР Г.В.Чичерина представителю СССР в Чехословакии В.В.Антонову-Овсеенко от 20 октября 1924 г. указывалось, что Бенеш и Масарик "кормят и обучают государственных преступников, содержат притон таковых"[21]. Советские представители заявляли, что средства, отпускаемые правительством ЧСР, расходуются эмигрантскими организациями, в том числе Земгором, бесконтрольно.

*** "Дни" - газета правоэсеровского направления. Издавалась А.Ф.Керенским в Берлине и Париже.

отчетности"[23]. Расходование средств комитетом Земгора производилось по годовым сметам. Однако в виду часто менявшихся обстоятельств (возникали новые учреждения, изменялся размер получаемых от правительства ЧСР субсидий и т.п.), которые нельзя было предвидеть заранее, неизбежны были некоторые отклонения от годовых смет. Но это делалось с согласия общего собрания Объединения и при условии отсутствия возражений со стороны чехословацкого правительства. При этом составлялись расходные месячные и квартальные сметы.

Финансовые злоупотребления Земгора, если и имели место, то не были столь крупными, как это утверждали его противники, движимые политической враждебностью либо просто завистью. Во всяком случае, ни одна из официальных проверок и ревизий не выявила махинаций с денежными средствами.

5. Направления деятельности Земгора и его учреждений

Земгор с момента своего основания и до ликвидации осуществлял весьма обширную деятельность по трем основным направлениям: материальная помощь, содействие в трудоустройстве и культурно-просветительная работа. Кроме этого, он оказывал беженцам медицинскую и юридическую помощь.

а) Материальная помощь

Беженцы получали ее продовольствием, вещами, деньгами и жильем. В 1921 г. такого рода помощь была, как правило, спорадической и единовременной. С начала 1922 г., когда в Чехословакию хлынул основной поток беженцев, размер материальной помощи значительно увеличился, но уже к 1924 г. появилась тенденция к его сокращению. Если ежемесячные расходы Земгора на материальную помощь в 1924 г. в среднем составляли 40 тыс. кр.ч., то к концу года они снизились до 19 тыс. кр.ч.[24]. Это было связано с самим составом российской

эмиграции в Чехословакии. Она, как уже говорилось, в основном делилась на две большие категории: казачество и молодежь из семей интеллигенции. Первых привлекали в Чехословакии большие возможности трудоустройства и лучшие условия труда, вторых - возможность поступления в высшие и средние учебные заведения. Если представители первой категории находили работу, то они уже не нуждались в материальной помощи, а студенты и учащиеся, поступив в учебные заведения, получали полное материальное обеспечение от чехословацкого правительства. Газета "Наше листы" не без гордости заявляла, что учащиеся российские эмигранты Парижа завидуют своим коллегам в Чехословакии[25]. Правда, с октября 1923 г. были предприняты меры по сокращению приема в учебные заведения с обеспечением от правительства в связи со слишком большим количеством желающих (в среднем ежемесячно в 1922 и 1923 гг. по 1 тыс. прошений). Около 40% обращений правительство не имело возможности удовлетворить, а поток желающих учиться все возрастал. Поэтому правительство пошло на временное ограничение помощи российским студентам-эмигрантам и прекращение выплаты стипендий. Немало тех, кто уже учился, в связи с этим оказалось в крайне затруднительном положении. Комитет Земгора ходатайствовал перед чехословацким правительством об облегчении положения этих лиц и добился разрешения на оказание им всяческого рода помощи. До октября 1923 г. материальная помощь оказывалась всем нуждающимся беженцам без различия целей их пребывания в ЧСР, а с этого времени она стала направляться преимущественно учащимся, не находившимся на содержании у правительства. Если в 1922 г. около 30% от всего количества лиц, пользовавшихся продовольственной помощью, составляли учащиеся, то в 1923 г. этот процент увеличился до 40% (около 300 человек в месяц)[26].

Материальная помощь оказывалась при предъявлении "пруказа" (вида на жительство), выданного чехословацкими властями, и личной регистрационной карточки (так называемой "легитимации"), выдаваемой беженцу различными российскими

эмигрантскими и чехословацкими общественными организациями, такими как Земгор, Общеказачий сельскохозяйственный союз, Земледельческая еднота, Чехословацкое общество Красного Креста. Эта помощь могла быть оказана лишь при отсутствии так называемого "черного штемпеля" в виде на жительство (его наличие свидетельствовало о лишении права беженца на помощь как со стороны российских, так и чехословацких правительственных и общественных организаций). В личной карточке отмечался вид и размер оказываемой помощи. Комитет Земгора обратился в МИД ЧСР с ходатайством о допущении исключений из этого правила и добился разрешения на оказание помощи и этой категории лиц в случае их отъезда на работы, выезда из страны, болезни и для студентов, не состоявших на обеспечении у правительства.

Продовольственная помощь состояла в выдаче бесплатных или дешевых обедов и ужинов в столовых Земгора, а в первые годы в предоставлении также бесплатного кипятка и хлеба в общежитиях Земгора. В начале 1922 г. количество бесплатных обедов, которыми пользовались нуждающиеся эмигранты, составляло 75 в день, а к концу года увеличилось до 200 в день. В 1921 г. продовольственная помощь была оказана 574 эмигрантам, а в 1923 г. ее получили уже 5908 человек. На продовольственную помощь Земгором было затрачено соответственно в 1921 г. 11363 кр.ч., а в 1923 г. - 222660 кр.ч.[27].

Вещевая помощь выражалась в снабжении нуждавшихся беженцев предметами одежды, включая верхнее платье, белье, головные уборы, и обувью. Все это Земгор получал от чехословацкого МИД. В основном вещевая помощь выдавалась для снабжения беженцев-сезонников, отправлявшихся на работы (как правило, сельскохозяйственные в весенне-летний период). В 1922 г. за такого рода помощью к Земгору обратилось около 2500 эмигрантов, и лишь около половины смогли ее получить. В последующие два года число удовлетворенных ходатайств составляло в среднем около 1 тысячи. Однако общая сумма расходов на вещевую помощь только за три года составила более 307000 кр.ч.[28].

Очень тяжелым для эмигрантов был жилищный вопрос, в том числе из-за высоких цен на жилье, особенно в крупных городах - Праге, Братиславе, Ужгороде. Необычайно остро эта проблема стояла в самом начале 20-х годов. В 1921 г. комитет Земгора обратился к военному ведомству с просьбой о предоставлении беженцам бараков, выстроенных в Праге для военнопленных. С августа того же года Земгор уже располагал помещениями для двух маленьких общежитий в Праге на Катержинской улице и на Погоржельцах. В 1922-1923 гг. было организовано также общежитие в Бржёнове. Имелись небольшие общежития Земгора в Братиславе и Ужгороде.

В исключительных случаях Земгор выдавал деньги на оплату квртиры за 7-10 дней. Пребывание в общежитиях подразумевалось кратковременное (одну-две недели), однако около 40% проживающих были вынуждены оставаться в них на несколько месяцев, а в Братиславе были случаи проживания в общежитии и до двух лет. Если в 1921 г. пражскими общежитиями пользовались 377 человек, то в 1923 г - уже 2129 эмигрантов[29].

Денежную помощь Земгор оказывал при отправке на работы, при выезде из Чехословацкой республики или транзите через нее, в случае исключительных обстоятельств (единовременные пособия). Кроме того, Земгором предоставлялись краткосрочные ссуды и оплачивались расходы по фотографированию на документы. Всего в 1921 г. Земгор выдал в качестве денежной помощи 8727 кр.ч., а в 1922 г. - 204681 кр.ч. Однако и эта сумма была явно недостаточной, и многие обращения за денежой помощью оставались неудовлетворенными[30]. Индивидуальная помощь эмигрантам деньгами была прекращена с 1926 г. из-за резкого сокращения средств, выделяемых Земору в рамках проведения "русской акции".

б) Помощь в трудоустройстве

Трудовая помощь Земгора российским эмигрантам осу-

ществлялась двумя способами. Первый - это предоставление беженцу работы на организованных Земгором предприятиях. Второй - посредничество в поисках рабочих мест у третьих лиц. В начале своей деятельности Земгор в большей степени ориентировался на первый способ, организуя артели и мастерские, а затем - на второй, создав Бюро труда.

Помощь в получении работы оказывалась в различных формах: путем организации производственных предприятий средствами Земгора либо силами самих беженцев, предоставлением беженцам для личных или групповых работ инвентаря, выдачей ремесленных пособий лицам, занимавшимся определенным ремеслом, выплатой стипендий во время прохождения теоретического или практического курса в профессионально-технических заведениях, ремесленных или промышленных предприятиях (мастерских, заводах, фабриках), широкой посреднической деятельностью через специальную службу - Бюро труда.

Как показал опыт, организация мастерских в целом не оправдала себя. Причем переход к аренде на артельных началах тоже не улучшил положения, и предприятия оставались убыточными. Лишь сдача их в аренду отдельным арендаторам-предпринимателям из беженцев положительно изменила ситуацию. Однако и после этого одни мастерские выдерживали конкуренцию и продолжали работать, другие, просуществовав 3-4 года, распадались или были вынуждены закрываться. К числу первых относились переплетные мастерские в Праге и Брно, брошюровочная мастерская, швейная и парикмахерская при Русском доме. К числу вторых - сапожная, столярная, игрушечная (кустарно-художественная), а также рыболовная артель на Дунае из казаков - уральцев.Убыточной оказалась и столовая, отпускавшая обеды по себестоимости. Кроме вышеперечисленных маленьких мастерских в Праге (в них работали от нескольких человек до нескольких десятков), Трудовое общество и представительство Земгора организовали в Братиславе мастерскую по изготовлению чемоданов и несколько лесозаготовительных артелей, в которых трудилось около 200 человек.

Однако создание даже прибыльных, но слишком мелких предприятий не могло удовлетворить потребности эмигрантов в трудоустройстве. Поэтому уже летом 1921 г. было создано Бюро труда, которое занималось поиском работы для безработных беженцев, обследованием положения на рынке труда, а также выяснением условий труда как в Чехословакии, так и в других странах. Бюро труда публиковало в русской и чехословацкой периодической печати информацию, касавшуюся спроса и предложения рабочей силы. В 1925 г. Земгор установил контакты и с Международным бюро труда в Женеве[31].

Российские эмигранты встречались с большими трудностями при устройстве на работу. Это было обусловлено как составом беженства (очень большой процент в нем составляла интеллигенция), так и положением на чехословацком рынке труда. Экономический спад начала 20-х годов в самой Чехословацкой республике и, как одно из его проявлений, безработица усугубляли ситуацию. Кроме того, в Чехословакии существовали ограничения, предложенные профсоюзами. Не будучи членом профсоюза, трудно было отыскать работу на промышленном предприятии. Практически единственной доступной областью применения труда оставалось сельское хозяйство. Из 1424 случаев получения работы в 1922 г. 888 приходилось как раз на сельское хозяйство, а в 1923 г. соответственно из 1757 - 1205 и в 1924 г. из 11095 - 779[32]. Мужчин брали на работу охотнее, женщинам устроиться было гораздо труднее.

В данных Бюро труда обращают на себя внимание следующие цифры: на 31 декабря 1924 г. было зарегистрировано 3414 случаев предложения труда, а случаев спроса на труд - 7289[33]. Спрос на труд превышал предложение более , чем в два раза! Для сельского хозяйства почти всегда требовались рабочие руки[34]. Вначале так называемая земледельческая группа эмигрантов была распределена между чешскими и словацкими крестьянами в качестве рабочих-практикантов. Эти люди испытывали ряд ограничений. Заработная плата была фиксированной по усмотрению Земледельческой едноты (союза чехословацких земледельцев). Передвижение с одного мес-

места на другое в поисках работы было возможно лишь с разрешения этой организации. Размер заработной платы не превышал 150 кр.ч. плюс бесплатное проживание и питание, что приблизительно соответствовало условиям труда местных сельскохозяйственных рабочих. Но так как многие эмигранты были чрезвычайно плохо одеты и обуты и условия их проживания трудно назвать комфортными, многие из них, во всяком случае в первое время, нуждались в благотворительной помощи, которую и оказывал им пражский Земгор. Вместе с тем Земледельческая еднота вместе с эмигрантскими общественными организациями, такими как Земгор и Общеказачий сельскохозяйственный союз, оказала этой категории эмигрантов большое содействие в повышении квалификации и образовательного уровня, предоставив возможность желающим обучаться в профессиональных, ремесленных школах, обеспечив их при этом правительственными стипендиями[35].

Трудности с получением работы в основном испытывали ремесленники и интеллигенция. Особенно сложно было с трудоустройством последней.

В 1924 г., когда на чехословацком рынке труда, в том числе и в сельском хозяйстве, наметился избыток рабочих рук, Земгор стал изыскивать возможности устройства значительного числа российских эмигрантов на сельскохозяйственные работы во Францию. Среди беженцев в то время усилилось стремление попасть в эту страну, ставшую основным центром российской эмиграции. Объединение земских и городских деятелей в Праге установило прямые контакты с французским министерством земледелия. Была создана единая комиссия, в состав которой вошли представители земско-городского объединения во Франции, Общеказачьего сельскохозяйственного союза, Объединенного совета Дона, Кубани и Терека и пражского Земгора. Газета "Дни" в мае 1925 г. опубликовала объявление о том, что Земгор оказывает содействие всем желающим выехать на сельскохозяйственные работы во Францию[36].

В конце 20-х годов, когда в Чехословакии стал ощутимым приближающийся экономический кризис, парламент принял за-

кон об охране национального рынка труда. Этот закон непосредственно затрагивал интересы российских эмигрантов. Согласно ему, последние делились на две категории: имевшие законное право на работу, и не имевшие такого права. К первой категории относились все эмигранты, прибывшие в Чехословацкую республику до 1 мая 1923 г. и получившие до этого времени "пруказ". Тем, кто приехал в Чехословакию до указанного срока, но не получил своевременно документов, трудно было доказать свою принадлежность к первой категории.

Закон также требовал предоставления документов о постоянном проживании в ЧСР. Выезд за границу на срок свыше трех недель или пребывание за границей в общей сложности более шести недель в году, переводили эмигранта в разряд лиц, не имевших права на работу. Непрерывность пребывания в стране должна была подтверждаться справкой из полицейского участка или удостоверением учреждений, приравненных к государственно-правовым. Получить такой документ можно было лишь подав прошение и уплатив так называемый гербовый сбор.

Но даже имевший право на труд эмигрант часто не мог найти работу по специальности, так как почти все виды занятий лимитировались специальным законом (так называемым "живностенковским ржадом") и многочисленными инструкциями местной администрации. Так, например, в дипломе врача обязательно было наличие особого разрешительного штемпеля. "Живностенковский ржад" различал три вида профессий: концессионерские, ремесленные и свободные. К первому виду принадлежали 23 профессии (такие, как уничтожение насекомых, работа в кузницах, ресторанах). По многим специальностям выдача концессий была приостановлена, и вообще их получение было делом нелегким. Ремесленными считались 101 профессия, практически по всем видам человеческой деятельности. Однако, чтобы получить место или открыть мастерскую, надо было иметь свидетельство о прохождении обучения. Причем и лицам с дипломом высшего учебного заведения необходимо было дополнительно обучаться 2-3 года, а лицам с

аттестатами, дипломами и справками других типов учебных заведений предстояло более длительное обучение (иногда до 5 лет).

По закону иностранцы, в том числе и эмигранты (иностранцем считался всякий, не имевший чехословацкого гражданства), имели право открывать ремесленные заведения. Для этого требовалось: наличие соответственного двустороннего соглашения, так называемой "реципроциты", свидетельство об обучении (учитывались и вывезенные из России, однако их имели не многие, а затребовать документы из СССР было нельзя, так как эмигрантам никаких свидетельств не выдавалось)[37], а также благоприятный отзыв профсоюза или торговой палаты.

Люди, относившиеся ко второй категории, т.е. приехавшие в Чехословакию после 1 мая 1923 г., могли получить работу только по просьбе работодателя. Сами же они не имели права подавать никаких прошений, так как считались в правовом отношении недееспособными. Решение принять на работу иностранца, в том числе и российского эмигранта, выдавалось лишь в исключительных случаях каждому нанимателю на каждого работника отдельно на срок не более 1 года. За это разрешение помимо гербового сбора взимался еще особый сбор в размере от 20 до 1 тыс. кр.ч. В среднем, с шоферов, например, брали по 200 кр.ч., что соответствовало их недельному заработку[38]. Могло оно быть выдано и бесплатно.

Вначале, после выхода закона, эмигрантов принимали на работу, а лишь потом ходатайствовали о получении разрешения. Но в дальнейшем лицам, не имевшим свидетельства о праве на работу, стали просто отказывать в приеме или даже увольнять с работы, так как при проверках штрафовали хозяина. Причем размер штрафа мог достигать 10 тыс. кр.ч. Кроме штрафов, нарушение закона об охране национального рынка труда от 26 марта 1928 г. наказывалось месячным тюремным заключением[39].

По данным одного лишь Земгора, с 1923 по 1928 г. в Чехословакию прибыло свыше 2 500 российских эмигрантов. Не

меньшее их количество было зарегистрировано и другими российскими и иностранными организациями. Таким образом, ограничительному действию закона должны были подлежать не менее 5 тыс. бывших россиян. Деятелей Земгора не могла не обеспокоить их судьба. Поэтому они обратились к чехословацкому правительству с просьбой не распространять закон на российских беженцев, прибывших в ЧСР до дня обнародования этого закона (т.е. до 26 марта 1928 г.), а также не применять в отношении русских строгого определения рода занятий и профессий ввиду трудностей с получением работы по специальности[40].

Одновременно Земгор направил меморандум в Международное бюро труда. В нем отмечалось, что "большинство эмигрантов живет в ЧСР безвыездно в среднем не менее 5 лет, и как бы ни были тяжелы условия жизни эмиграции, пятилетний срок существования в одном государстве настолько связывает разнообразными нитями беженца с местной жизнью, что переезд в другую страну при этих условиях в настоящее время является не только нежелательным, но во многих случаях чрезвычайно затруднительным и даже тягостным"[41]. Поэтому, имея в виду принятые чехословацким парламентом закон об охране национального рынка труда, Земгор просил Международное бюро труда срочно выделить особый ссудный фонд для Чехословакии в размере 500 тыс кр.ч. как необходимый начальный оборотный капитал[42].

в) Культурно-просветительная работа

Основная задача культурно-просветительной работы Земгора сводилась к поддержанию и сохранению связи русского человека с культурой, языком, традициями его родины. А так как речь шла об эмигрантах, т.е. людях силою обстоятельств оторванных от родной страны, то значение этой деятельности трудно переоценить. При этом Земгор стремился, повышая культурно-образовательный уровень беженцев, принести пользу не только им, но и России, нуждавшейся в опытных, хорошо

подготовленных специалистах.

Земгор стремился сделать эту свою деятельность доступной для наибольшего числа эмигрантов, поэтому все его культурно-просветительные мероприятия были бесплатны и максимально приближены к местам проживания беженцев (в противном случае часть эмигрантов, жившая в провинции, была бы лишена возможности пользоваться услугами Объединения).

Культурно-просветительная работа велась в основном по 4 направлениям: 1) удовлетворение духовных потребностей путем создания учреждений и проведения мероприятий, доступных для всех желающих (организация лекций, докладов, курсов,экскурсий, выставок, библиотек, читален, театра, Народного университета); 2) создание сети образовательных учреждений для подрастающего поколения; 3) содействие повышению профессионально-технического уровня эмигрантов; 4) организация учреждений, имеющих специальное теоретическое и практическое значение, таких как Институт изучения России, Экономический кабинет и Русский заграничный исторический архив. В большинстве случаев культурно-просветительские учреждения Земгора были построены на принципах автономности, объединение осуществляло лишь общее руководство, контроль и надзор.

Вначале такие мероприятия, как проведение лекций, докладов, организация курсов осуществлялись непосредственно культурно-просветительским отделом комитета, от которого часть из них перешла к открывшемуся Народному университету (в октябре 1923 г.). Лишь за два с небольшим года (август 1921 - декабрь 1923) было прочитано 113 лекций и докладов с общим числом присутствовавших 15670 человек, в среднем по 130 слушателей на лекции. Нередко аудитория составляла 400-500 человек, и тогда большой зал Русского дома не мог вместить всех желающих. Лекции охватывали самый широкий круг общественно-политических, литературно-художественных, исторических тем. Особым интересом пользовались доклады о современном положении в России. Цикл лекций был прочитан в таких городах, как Брно, Ужгород, Пшибрам.

Со второй половины 1922 г. стали проводиться систематические занятия на курсах и циклы лекций по социологии, кооперации, истории русской общественной мысли, новейшей русской литературе, внешней политике России и международным отношениям, истории русской музыки, гигиене детей. Существовал даже специальный курс лекций о сущности марксизма. Всего насчитывалось 8 основных курсов лекций с числом слушателей от 30 до 150 человек. Особой популярностью пользовались курсы по социологии и современной русской литературе.

К практическим и прикладным относились языковые курсы (чешского, русского, французского, английского и немецкого) и курсы стенографии. В языковые группы набирали в среднем по 13 человек. Всего же занятия проходили в 23 группах. Общее количество обучающихся иностранным языкам превышало 300 человек. Курсы стенографии были немногочисленны: всего записалось 72 человека, были приняты - 30, а окончили их лишь 17 человек. Нехватка средств не позволяла развить в должной степени сеть учреждений, дающих прикладные знания.

В 1922 Земгор организовал семинар по изучению Чехословакии. В его рамках читались лекции о конституции ЧСР, чехословацкой промышленности, государственных финансах, органах местного самоуправления, земельном вопросе и аграрной реформе, уголовном кодексе республики, системе социального обеспечения, рабочем вопросе и рабочем законодательстве, о Подкарпатской Руси, международном положении Чехословакии, истории Праги. В качестве лекторов выступали профессора и доценты как из числа эмигрантов, так и приглашенные чехословацкие специалисты. Всего было прочитано 22 двухчасовые лекции, каждая из которых была застенографирована. Впоследствии на основе этих материалов был подготовлен для печати специальный сборник[43].

Устройство экскурсий и выставок преследовало две цели: ознакомить российских эмигрантов, с одной стороны, с историческими и культурными достопримечательностями Чехословакии, а с другой - с различными сторонами хозяйственной жизни

ЧСР. Лишь в 1922 г. было организовано 20 экскурсий, в которых участвовало около 500 человек. Экскурсанты ознакомились с Национальным и Техническим музеями, Страховским монастырем, собором св.Вита и другими памятными местами Праги, а также посетили муниципальные предприятия чехословацкой столицы (метеорологическую станцию, психиатрическую лечебницу, городскую скотобойню). Побывали россияне и на небольших частных предприятиях, таких как хлебопекарни. При содействии Земгора можно было посетить и принять участие в ежегодных сельскохозяйственных выставках в Праге и Братиславе. Земгор выделял средства для экспонирования своих изделий и распространял бесплатные билеты[44].

Библиотека Земгора открылась осенью 1921 г. Пользуясь ею, эмигранты читали книги на родном языке, следя за новинками русской литературы, она обеспечивала учащихся дорогими и редкими учебниками и учебными пособиями, помогала русским и чешским ученым заниматься исследовательской работой. Книжный фонд библиотеки так и формировался по трем основным разделам: художественная, учебная и специальная литература. В самом начале библиотека располагала всего навсего 120 книгами и несколькими газетами, полученными в дар, в первый месяц ее работы количество посетителей равнялось 50. Однако книжный фонд библиотеки рос и пополнялся с невероятной быстротой: уже через год он насчитывал 2 тыс. томов на русском языке и несколько сотен книг на иностранных языках, а еще через два года в библиотеке было уже 25 тыс.книг. К 1931 г. библиотечный фонд Земгора составляли 34 тыс.книг, а включая отделения в Брно, Ужгороде и Братиславе - 53 тыс. томов.

Вначале Земгор приобретал книги на собственные средства, но уже с 1923 г. МИД ЧСР стал выделять средства на библиотеку отдельно. Кроме того, библиотека принимала в дар или на хранение библиотечные фонды частных лиц и учреждений на основе особых договоров. Так, начиная с 1922 г., ее пополнили библиотеки В.В.Сухомлина (около 500 томов), В.М.Чернова (более 1 500 томов), В.Н.Тукалевского (около 10

тыс. томов), редакции газеты "Воля России" (более 300 наименований), а также книжные коллекции Е.Е.Лаврова, А.Р.Гоца и др. Многие из переданных библиотек имели редкие экземпляры, представлявшие собой библиографическую ценность. В 30-е годы при пополнении книжного фонда особое внимание было обращено на приобретение антикварных изданий, появлявшихся на книжном рынке в России и распродаваемым обществом "Международная книга" в Москве[45].

Книги из библиотеки Земгора выдавались всем русским, живущим в Праге и окрестностях, но ими могли пользоваться и жители других районов Чехословакии с письменного разрешения заведующего культурно-просветительским отделом Земгора. Кроме отделений в Братиславе, Ужгороде и Кошицах библиотека располагала отделением и при представительстве Земгора в Белграде. Относительно последнего белградская газета "Время" писала: "Русские за три месяца создали библиотеку, тогда как наша народная библиотека еще не успела за пять лет сорганизоваться и начать служение народу"[46].

Пользование библиотекой Земгора было бесплатным. Читатели, бравшие книги на дом, вносили незначительный залог, который мог быть заменен поручительством. К середине 20-х годов число постоянных абонентов библиотеки превышало 3 тысячи, а количество ежемесячно выдаваемых книг - 6 тысяч. При библиотеке имелся читальный зал, в котором можно было ознакомиться с периодическими изданиями - это 65 наименований газет и 31 журналов. К концу 1924 г. число пользователей читальным залом достигало почти 5 тыс. человек в месяц. К началу 30-х годов стоимость книжного фонда библиотеки оценивалась в 67 тыс. кр.ч., в том числе антиквариата на 25 тыс кр.ч. Штат работников библиотеки насчитывал 9 человек[47]. В библиотеке устраивались литературные вечера. В 1930 г. прошел Чеховский вечер, был проведен диспут на тему "Русские предшественники Ремарка". (В.М.Гаршин и другие)", состоялся доклад М.Л.Слонима "Леонид Леонов и его творчество"[48]. После парижской это была крупнейшая русская библиотека за рубежом. И хотя "русский Париж" был гораздо

многочисленнее "русской Праги" Прага читала больше и интенсивнее. Статистика библиотеки Земгора в начале 30-х годов фиксировала от 100 до 300 ежедневных посетителей. Самым "читаемым" автором был Ф.М.Достоевский. Л.Н.Толстой занимал второе место по популярности у пражских русских читателей. Из писателей русского зарубежья особым спросом пользовались произведения М.А.Алданова* и В.В.Сирина**. Что касается советской литературы, то "нарасхват" шли Л.Леонов и А.Н.Толстой. Среди иностранных авторов большой интерес вызывали Т.Драйзер, Д.Голсуорси, Т.Манн и Синклер Льюис. Неизменным успехом у русских эмигрантов в Праге пользовались и детективные романы Уэллса. В 20-е годы советские журналы вызывали живой интерес, но в дальнейшем этот интерес несколько притупился. Среди зарубежных русских периодических изданий прочные симпатии завоевали "Современные записки". Отметим, что хотя в 30-е годы русская студенческая Прага заметно уменьшилась, однако научная литература составляла все еще около 30% общей выдачи книг[49].

Русский камерный театр в Праге просуществовал недолго, всего около двух лет. Литературно-артистический художественный кружок в ноябре 1921 г. обратился в комитет

---

* М.А.Алданов (Ландау) - писатель, журналист. Большую часть своих произведений написал в эмиграции. Автор исторических романов. Создал образы Екатерины и ее фаворитов, Наполеона и его маршалов, а также портреты современных ему политических и государственных деятелей: Ллойд Джорджа, Черчилля, Сталина, Пилсудского, Муссолини.

** В.В.Набоков (Сирин) - писатель молодого поколения эмиграции. Автор романов, в том числе нашумевшего "Лолита", рассказов, повестей, пьес, стихов. С 1919 г. в эмиграции. Закончил Кембридж. Владел несколькими европейскими языками. Сын известного русского политического деятеля В.Д.Набокова, убитого в 1922 г. в Берлине монархистами во время их покушения на П.Н.Милюкова.

Земгора с просьбой о разрешении воспользоваться помещением Русского дома для постановки трех спектаклей, представив одновременно докладную записку об образовании в Праге Русского театра. Земгор выразил готовность предоставить бесплатно помещение и поддержал ходатайство артистов в МИД ЧСР о выделении средств на подготовку спектаклей. После положительного решения МИДа 7 февраля 1922 г. Русский камерный театр в Праге распахнул свои двери. Первый сезон длился четыре с половиной месяца. Всего за это время было поставлено 19 спектаклей и артисты труппы совершили две гастрольные поездки по Подкарпатской Руси . В Праге спектакли проходили в помещении Швандова театра. МИД ЧСР через Земгор выделил на покрытие расходов более 100 тыс.кр.ч., однако уже первый сезон обнаружил убыточность театра. В июле 1922 г. представители труппы обратились в комитет Земгора с просьбой принять театр в его ведение. Согласие было получено, появилась возможность открыть второй сезон, длившийся с сентября 1922 по май 1923 г. Труппа состояла из 19 артистов, включая режиссера И.Д.Сургучева. За второй сезон была осуществлена постановка 22 спектаклей. Репертуар состоял в основном из драматических произведений русских классиков: Н.В.Гоголя, А.С.Грибоедова, Л.Н.Толстого, А.Н.Островского, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Андреева и др. Театральная аудитория насчитывала в среднем 300 человек. Расходы на театр предполагалось покрывать за счет правительственных субсидий. В 1922 г. министерство народного просвещения выделило театру единовременное пособие в размере 28 тыс. кр.ч., с марта 1923 г. МИД ЧСР возобновил выплаты в размере 30 тыс.кр.ч. в месяц на театральную деятельность. Между тем расходы по театру составляли не менее 40 тыс. кр.ч., а сборы со спектаклей не более 6 тыс.кр.ч. Поэтому Земгор был вынужден частично покрывать расходы труппы за счет собственных средств.

Театральная труппа формировалась достаточно стихийно, из случайно оказавшихся в Праге актеров. Подбору более сильного состава мешало отсутствие средств, а также неболь-

шое количество русских драматических актеров за рубежом, сложности с визами и их переездом в Чехословакию. Однако несмотря на это, отзывы о творческой, художественной деятельности театра в русской и чехословацкой печати были довольно лестными. К началу второго сезона правлению театра удалось пополнить и усилить труппу вновь приглашенными известными артистами. Кроме того, театр стал привлекать для участия в спектаклях гастролеров. Прага получила возможность увидеть выступления талантливых актеров - Мурского, Полевицкой, Рощиной-Инсаровой,Коваленской.

Заработная плата артистов была достаточно скромной и составляла от 500 до 1 500 кр.ч. в месяц. Тем не менее средств на покрытие расходов по театру не хватало, и комитет Земгора осенью 1923 г. принял решение о закрытии Русского камерного театра.

Практически одновременно с этим в Прагу перебралась труппа Московского Художественного театра во главе с Массалитиновым, почти в полном составе отказавшаяся возвращаться в Россию после зарубежной гастрольной поездки[50]. В состав пражской группы МХАТ входили такие актеры, как А.Н.Богданов, Н.В.Дидерихсен-Токарская, В.Л.Зелицкий, Н.Г.Сикевич и В .И.Сикевич, О.А.Полуектова, П.А.Алексев и др.

Позднее в Праге был создан Русский театр, в котором выступали в основном любители, но было и несколько профессиональных актеров. Во второй половине 20-х годов театр сумел завоевать популярность и приобрести свою публику. Его директором стал В.Х.Владимиров, который одновременно занимался и постановками спектаклей. Кроме него режиссерами театра были А.А.Брей и Г.Зарич. В 1925-1926 гг. спектакли шли по понедельникам в зале "Мещанской беседы". На сцене ставились веселые комедии и водевили. Планировались постановки некоторых чешских пьес в русском переводе и гастроли в провинции. Артистическая молодежь оттачивала мастерство, участвуя в спектаклях с опытными актерами[51]. Одним из лучших спектаклей 1933 г. стала постановка пьесы Е.Н.Чирикова "Лесные тайны", в которой были заняты Богданова-Владимирова,

Арбатов, Щербо, Тимашева и сам Владимиров[52].

Земгор оказывал поддержку и концерно-театральному агентству "АМЕ" М.Бичурина, которое неоднократно устраивало гастроли в Праге корифеев сцены - певцов Ф.И.Шаляпина, Н.А.Малько, Н.Орлова, балерины А.Павловой, композитора А.К.Глазунова и др. В 1926 - 1928 гг. М.Бичурин был директором Чешской филармонии и имел обширные связи с русским театральным миром[53].

16 октября 1923 г. при активном участии группы профессоров во главе с П.Н.Новгородцевым* открылся Русский народный университет в Праге. Университет ставил своей целью предоставить всем желающим возможность знакомства с различными отаслями фундаментальной и прикладной науки и брал на себя обязательства организовывать чтение систематических общедоступных курсов и отдельных лекций по различным отраслям науки, практические занятия и семинары, преподавание по специальным отраслям знаний, устраивать различного рода экскурсии, посещения музеев и выставок с научно-образовательными целями. Кроме того, Русский народный университет планировал издавать научные труды и организовывать научные общества[53] Его задача состояла также в координации и систематическом проведении культурно-просветительной и образовательной работы в рамках Земгора. Однако вскоре университет стал практически самостоятельным учреждением, одним из основных очагов русского образования за границей, занимаясь подготовкой культурных и образованных кадров для будущей России и способствуя духовному обогащению и сближению славянских народов. Вместе с тем он продолжал опираться на поддержку Земгора, целиком финансировавшего в 1923 г. деятельность университета. В середине 1924 г. министерство народного просвещения ЧСР

---

* П.Н.Новгородцев (1869-1924) - проф. Московского ун-та директор Московского коммерческого ин-та, декан Русского юридического фак-та в Праге. Специалист в области государственного права.

приняло решение отпускать по 100 тыс.кр.ч. на учебный год. Однако первое время эти средства поступали нерегулярно, и Земгор продолжал оказывать денежную помощь Русскому народному университету.

В 1923-1924 гг. в рамках университета действовало 7 отделений: общественных наук, историко-филологическое, естественных наук, прикладных знаний, по изучению Чехословакии, специальных курсов (иностранные языки и стенография) и начальных школ. У каждого отделения была соответствующая программа. Правление университета ведало организацией общедоступых лекций в Праге и в провинции. Общеобразовательная деятельность университета строилась в форме курсов, тематических лекций и семинаров, практических и лабораторных работ, экскурсий и даже концертов-лекций по истории русской музыки.

На лекции С.В.Завадского "Наш долг перед русским языком" возникла мысль о создании при университете кружка ревнителей русского слова. К концу 1923 г. этот кружок начал развивать интенсивную деятельность.

Для изучавших иностранные языки были организованы практические занятия, на которых слушатели могли усовершенствовать свои знания, приобретенные на уроках. Университет устраивал и летние языковые школы.

Большое внимание уделялось элементарному обазованию взрослых: для них были открыты начальные школы в Праге, Ужгороде и в Кошицах.

В 1923/24 учебном году было прочитано 190 академических лекций на общеобразовательные темы, которые посетили более 8 тыс. человек. Кроме того, лекции и занятия проводились отделениями университета. Всего за указанный период суммарная нагрузка университета составила 3087 учебных часов, а количество постоянных слушателей - 880.

Управлял университетом совет, а между его заседаниями - правление. Председателем правления был избран проф.

М.М.Новиков*, его заместителем стал Е.А.Ляцкий**, секретарем - приват-доцент М.А.Циммерман***, управляющим делами - П.Д.Климушкин. Кроме того, в правление входили представитель министерства народного просвещения ЧСР проф.И.Урбан и представитель МИД ЧСР посланник П.Макса, а также заведующий культурно-просветительским отделом Земгора И.И.Калюжный. Председательствовал в совете инженер проф. Чешской высшей технической школы З.Бажант. В состав совета кроме членов правления входили проф. А.А.Кизеветтер**** (глава историко-филологического отделения), а также возглавлявший отделение общественных наук проф. М.С.Тимашев и такие видные ученые, как проф. С.В.Завадский, акад. П.Б.Струве*****, проф. Г.А.Острогорский и др. В университете работали 64 преподавателя, из них 33 имели звание профессора. Среди профессуры были известные

---

* М.М.Новиков (1876 -?) - проф. и ректор Московского ун-та, проф. Карлова ун-та в Праге. Биолог.

** Е.А.Ляцкий (1868-1942) - преподаватель Московского ун-та, проф. Карлова ун-та в Праге. Историк и литературовед.

*** М.А.Циммерман (1887-1935) - выпускник Русского юридического ф-та, преподаватель ун-та в Брно. Специалист по международному праву.

**** А.А.Кизеветтер (1866-1938) - проф. Московского ун-та. Выслан из России, с 1922 г. в Праге. В 1927-1933 гг. преподаватель философского ф-та Карлова ун-та, Русского юридического ф-та, сотрудник Славянского института. Крупный специалист по отечественной истории.

***** П.Б.Струве (1870-1944) - действительный член Российской АН, проф. Петроградского политехнического ин-та, в 1919 г. выехал из России в Париж, в 1928-1940 гг. глава Русского научного ин-та в Белграде. В 1940 г. вернулся в Париж. Экономист, философ, историк, публицист, политик.

специалисты А.Н.Фатеев*, Н.О.Лосский**, Д.И.Чижевский***, А.А.Вилков****,А.Л.Бем*****, А.В.Флоровский******, П.А.Остроухов*******.

Кружок по изучению мировой войны вел проф. М.А.Иностранцев, семинар "Новое в экономической жизни" - проф. Д.Н.Иванцов.

Почти сразу же после своего образования университет столкнулся с финансовыми трудностями. Для нормального функционирования ему требовалось ежегодно около 500 тыс. кр.ч. Субсидии от министерства народного просвещения и МИД покрывали лишь половину этой суммы[55]. В предисловиях к

---

* А.Н.Фатеев (1872-?) - проф. Харьковского ун-та, с 1922 г. проф. Русского юридического ф-та и Русского свободного ун-та в Праге. Историк, юрист.

** Н.О.Лосский (1870-1965) - доктор философии Московского ун-та, проф. философии Петроградского ун-та, выслан из России, с 1922 по 1945 г. в Праге и Братиславе, в 1947-1950 гг. проф. Русской духовной академии в Нью-Йорке.

*** Д.И.Чижевский (1874 - 1977) - историк, литературовед.

**** А.А.Вилков - проф. Донского ун-та, с 1922 г. проф. Русского юридического ф-та в Праге, позднее работал в Варшавском ун-те.Экономист.

***** А.Л.Бем (1886-1945) - библиотекарь Петербургской академии, доктор философии, проф. русской литературы Карлова ун-та в Праге, сотрудник Института Кондакова; арестован при занятии Красной Армией Праги, погиб в заключении.

****** А.В.Флоровский (1884-1968) - проф. Новороссийского ун-та, выслан из России, с 1923 г. проф. Русского юридического ф-та и Русского народного ун-та в Праге, с 1945 г. проф. Карлова ун-та. Историк. (См. о нем: Л.П.Лаптева. Русский историк-эмигрант А.В.Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. №1. С.55-63)

******* П.А.Остроухов (1885-1965) - преподаватель Петроградского политехнического ин-та, выехал из России в 1918 г., с 1921 г. преподаватель Русского юридического ф-та в Праге, затем д-р философии Карлова ун-та. Историк, экономист.

научным трудам университета говорилось об этих трудностях, ими объяснялся малый объем статей и пестрота содержания сборников[56]. К тому же за 10 лет правительственные дотации сократились в 3-4 раза. Пришлось отказаться от деления на отделения. В 1931 г. в университете обучался лишь 251 студент. От чтения курсов лекций по специальностям университет постепенно переходит к лекциям на актуальные темы. Языковые курсы становятся платными, причем от обучения русских чешскому языку университет переходит к обучению чехов русскому. Чтобы выжить, университетские преподаватели читают платные лекции во многих городах страны, доход приносит библиотека и празднования "Татьянина дня"[57], а также различные курсы (так, в 30-е годы два десятка слушателей закончили землемерные курсы при университете). В 1930 г. русские академические круги зарубежья отмечали 175-летие Московского университета. Во время празднования путем сбора пожертвований при университете был создан юбилейный фонд для поддержки русских студентов, обучавшихся в чехословацких высших школах, и научной работы.

Некоторый поворот в деятельности повлек за собой изменение в названии университета: с 1933 г. он был переименован в Русский свободный университет (РСУ). До 1939 г. ректором университета оставался М.М.Новиков, в период немецкой оккупации - В.С.Ильин. При университете работали 2 ученых общества (философское и педагогическое) и целый ряд различных семинаров и научных кружков. С середины 30-х годов в его составе стало действовать Русское научно-исследовательское объдинение с секциями гуманитарных, математических и естественных наук. Подавляющая часть научных работ университета стала издаваться на иностранных языках. С 1928 по 1942 г. вышли 16 томов трудов университета. При РСУ работал созданный по инициативе В.Ф.Булгакова Русский культурно-исторический музей, располагавшийся в Збраславе (1935-1948). Кроме сбора и экспонирования материалов о жизни русской эмиграции, предметов русской старины музей занимался составлением библиографии работ русских ученых зару-

бежья. Особую ценность среди экспонатов музея представляла коллекция предметов изобразительного искусства. После второй мировой войны музейные экспонаты были вывезены в СССР[58].

Университет пережил Земгор. Официально он просуществовал до марта 1949 г., но его фактическая деятельность была прекращена еще в июне 1944 г., когда он был закрыт немецкой полицией[59].

В сентябре 1921 г. Земгор образовал прогимназию, в которой первоначально обучалось лишь 15 детей. Правда, к концу учебного года их число выросло до 37. Финансовую поддержку при создании прогимназии Земгору оказали министерство народного просвещения и Главный земско-городской комитет в Париже, выделив сответственно 30 тыс. кр.ч. и 14 тыс. кр.ч.[60]. В августе 1923 г. общим собранием Земгора в Праге была основана Русская смешанная реформированная реальная гимназия. Она находилась в ведении министерства народного просвещения и МИД Чехословакии, относилась к типу реальных реформированных гимназий и действовала на основе учебного плана и программ такого рода гимназий. В гимназии было 8 основных и 2 подготовительных класса с двумя отделениями в каждом, а также пансион для сирот и детей из бедных семей. Языком обучения являлся русский. Гимназия была открыта как для детей российских эмигрантов, так и для граждан Чехословакии и иных государств. Перевод учащихся из класса в класс, выпускные экзамены и выдача аттестатов по окончании гимназического курса осуществлялись согласно нормам, существовавшим в средних учебных заведениях Чехословацкой республики. Окончившие полный курс пользовались всеми правами окончивших курс чехословацких гимназий подобого типа.

Гимназия номинально подчинялась Земгору, но в вопросах организации учебного процесса жила по своему уставу внутренней жизни. Общее руководство гимназией осуществлялось педагогическим советом, хозяйственным и родительским комитетами, а текущее - директором, избираемым педсоветом на 3 года. Последний имел право вести уроки по своей

специальности, но не более 8 часов в неделю. Кандидатам в преподаватели гимназии предстояло успешно выдержать 1 год испытательного срока для зачисления в штат. В гимназии были классные наставники, свой врач, делопроизводитель, счетовод, заведующий хозяйственной частью и пансионом. В хозяйственный комитет гимназии входили по одному представителю от министрства иностранных дел и народного просвещения ЧСР. Штат гимназии и пансиона состоял из директора, 26 преподавателей и воспитателей, 5 служащих по административно-хозяйственной части и 20 человек обслуживающего персонала. Ежемесячная расходная смета гимназии составляла в среднем 44000 кр.ч., пансиона - 11400 кр.ч.[61]. Бюджет гимназии складывался из средств, отпускаемых Земгором, и специальных средств, предоставляемых правительственными и общественными учреждениями, а также частными лицами. Поступающие (после подготовительных классов) в 1 класс гимназии должны были владеть основами русского языка, арифметики: предусматривалось беглое сознательное чтение, пересказ, знание басен и стихотворений, знакомство с частями речи и членами предложения, письмо под диктовку и письменное изложение небольшого повествовательного отрывка, устные вычисления в пределах 1000, письменное сложение, вычитание, умножение и деление многозначных чисел, знакомство с таблицей русских мер, письменное решение задач на все 4 действия.

В первом классе изучались следующие предметы: закон божий, русский и чешский языки , история (краткий курс русской истории, начиная с расселения славян и кончая приходом к царствованию династии Романовых), география, математика, рисование и природоведение. Во 2-м классе, кроме уже перечисленных выше предметов, вводился еще французский язык и черчение. В 3-м классе начиналось изучение физики, в 4-м - немецкого языка. С 5-го класса математика делилась на алгебру и геометрию, а среди изучаемых иностранных языков появляется латынь. В 6-м классе прекращалось изучение закона божьего, в 7-м - отменялось рисование, а вместо черчения вводилась начертательная геометрия (предмет, в настоящее

время изучаемый в России в технических вузах). Из так называемых новых языков (иностранных европейских) в гимазии был обязателен один (французский или немецкий), второй изучался по желанию .Обязателен был также чешский язык, изучаемый с первого класса. Таким образом выпускник гимназии по окончании курса владел кроме родного еще двумя-тремя, а с латынью - тремя-четырьмя языками[62].

В 1923 г. в гимназию поступило 60 детей. В 1924 г. число ее учащихся увеличилось до 300. В зависимости от материального положения гимназисты делились на 5 групп. В первую входили дети, находившиеся на полном пансионе у Земгора, в 1925 г. их было 178. Учащиеся второй группы получали по 450 кр.ч. в месяц, бесплатное белье и одежду, в зимнее время им выдавали еще по 20 кр.ч. на оплату отопления, оплачивалось также и проживание на частных квартирах. Таких учеников было 26. Принадлежавшие к третьей группе получали бесплатные обеды, белье и форму, оплаченный проезд на трамвае и небольшие пособия на частичную оплату квартиры. Таких гимназистов насчитывалось 53. К четвертой группе принадлежало 20 человек, которые пользовались бесплатными обедами. Наиболее обеспеченных было 17 (пятая группа). Им лишь бесплатно выдавались учебные пособия и письменные принадлежности.

С самого начала занятий в гимназии преподаватели встретились с некоторыми трудностями, связанными с различным уровнем подготовки учащихся из различных частей бывшей Российской империи - Архангельска и Закавказья, Привисленского края и Владивостока. Комплектовать классы пришлось учениками разного возраста.

При гимназии существовала амбулатория, где заболевшие дети могли получить медицинскую помощь, была и своя библиотека, насчитывающая 10 тыс. томов. С 1923 г. силами учащихся издавался ученический журнал, гимназисты могли заниматься в хоре и ансамбле балалаечников. В первое время гимназия располагалась в здании начальной школы на Гофенштаковой улице, а затем - в здании мещанской школы в Страшнице. При гимназии было создано родительское объединение,

которое заботилось о высоком уровне образования своих детей, устраивало музыкальные и театральные вечера[63].

Среди российского беженства за рубежом оказались десятки тысяч детей школьного возраста. В разных странах для них были созданы школы различных типов. Ощущалась большая потребность в педагогической литературе. В начале 1923 г. группа русских ученых-педагогов во главе с С.О.Гессеном* взяла на себя инициативу издания педагогического журнала. За помощью они обратились к Земгору. С сентября 1923 г. журнал стал изданием Земгора, который в свою очередь ходатайствовал перед чехословацким правительством о субсидиях для него. С июня 1924 г. МИД ЧСР предоставил их в размере 6 тыс.кр.ч. ежемесячно, но большую часть расходов покрывал из своих средств Земгор. Основные органы русской эмигрантской печати самых разных политических направлений (такие, как "Руль", "Последние новости", "Дни", "Сегодня", "За свободу", "Современные записки", "Педагогическое обозрение", "Воля России" и др.), а также некоторые органы иностранной печати помещали весьма лестные отзывы о педагогическом журнале. За 1923-1925 гг. вышло в свет 11 номеров в 8 книжках. Журнальные книжки выходили как одинарные, полуторные и двойные, объемом от 7 до 14 печатных листов, тиражом в 1 тыс. экз. Журнал был периодическим - 650 его постоянных подписчиков получали очередной номер через 3-4 месяца - и назывался "Русская школа за рубежом"[64]. Земгор оказывал помощь и в получении эмигрантами специального образования. В августе 1921 г. для них были открыты курсы вождения, рассчитанные на обучение ежеквартально по 25 человек. Занятия продолжались два с половиной - три месяца. Военное министерство предоставило для нужд учащихся во временное пользование два легковых автомобиля. После трех выпусков (около 90 человек) было решено расширить курсы,

---

* С.О.Гессен (1887-1950) - проф. Томского ун-та, с 1917 г. проф. Русского научного ин-та в Берлине, с 1934 г. редактор журнала "Русская школа за рубежом" в Праге, с 1939 г. жил в Польше.

придать им тракторное отделение и механическую мастерскую для подготовки специалистов по ремонту автомобилей и тракторов, в надежде, что подобные специалисты будут безусловно востребованы в будущей России. Большую материальную поддержку в организации автомобильно-тракторной школы оказали чешские предприниматели. Заводы Шкода, Чешско-Моравский, Кольбен и другие предоставили бесплатно почти все необходимые материалы и механизмы для оборудования мастерской. С этой же целью чехословацкое правительство выделило школе единовременный кредит на сумму 60 тыс. кр.ч. В августе 1922 г. автотракторная школа начала набор учащихся. Рассчитана она была на 100 человек, которые обучались за счет правительства республики. Школа имела два отделения - водительское (с обучением в течение пяти с половиной месяцев), выпускавшее водителей и трактористов, и водительско-механическое, за 11 месяцев готовившее шоферов-механиков. Выпускники этого отделения должны были знать кузнечное и слесарное дело, уметь производить сложный ремонт автомобилей и тракторов, управлять ими и получали право работать инструкторами по этой специальности. Все слушатели автотракторной школы получали стипендию в размере 500 кр.ч. в месяц, пользовались льготами при проезде на городском транспорте и по железной дороге. В первые годы школа располагала общежитием на 80 человек. В 1929 г. насчитывалось уже около 800 выпускников[65]. Для организованной защиты своих профессиональных интересов окончившие школу создали в Праге Союз русских шоферов, которому чехословацкое правительство также оказывало материальную поддержку. Правительственные ассигнования на школу в 1922 г. составляли 395000 кр.ч., а в 1924 г. - уже 1153500 кр.ч. Школа располагала 3 автомобилями и 1 трактором[66].

Материальная поддержка оказывалась Земгором и высшей школе. В декабре 1922 г. совместно с Обществом русских инженеров и техников в ЧСР Земгор открыл Русское высшее училище техников путей сообщения. Первоначально оно носило название "Русское железнодорожное техническое училище".

Первым директором училища стал инженер С.И.Панченко, а с 1924 г. училище возглавил инженер А.Ф.Новицкий. Задачей училища являлась подготовка техников по строительству и эксплуатации железных дорог. Студентами его могли стать выходцы из России, мужского пола, не старше 35 лет, имевшие образование не ниже 6 классов и успешно выдержавшие вступительные экзамены по математике, физике и русскому языку. Курс обучения был двухгодичным и предусматривал теоретическую и практическую подготовку. Число слушателей ежегодно определялось чехословацким МИД, так как он финансировал училище. Преподавание велось на русском языке. Студентам выплачивались ежемесячные стипендии, размером в 500 кр.ч. Учащиеся пользовались льготами на проезд и обеспечивались бесплатными учебниками и учебными пособиями. В среднем на курсе обучалось по 90 студентов. Надзор и контроль за учебно-административной работой в училище принадлежал Обществу русских инженеров и техников, а за финансово-хозяйственной частью - Земгору. Управление училищем осуществлялось директором, учебным и хозяйственным советами и наблюдательным комитетом, куда входило по два представителя от Общества русских инженеров и техников и Земгора. Обучение было бесплатным. Лекторы и руководители училища избирались учебным советом из лиц с высшим техническим образованием. Училище существовало до 1933 г.[67]. По окончании курса студент получал диплом техника путей сообщения. На нужды училища МИД ЧСР ежемесячно отчислял в среднем по 60 тыс кр.ч.[68] .

Кроме культурно-просветительной и образовательной деятельности Земгор содействовал и ведению российскими эмигрантами научной работы в ЧСР. В апреле 1924 г. в Праге был образован Русский научный институт сельской культуры. Предполагалось, что в него войдут 8 отделов: экономический, социальный, правовой, культурный, политехнический, исторический, заграничный и общих проблем. Но из-за недостатка средств вначале открылись 3 отдела: экономический, под руководством профессора А.Н.Челинцева, заграничный, во главе с

С.С.Масловым, и социальный, который возглавил К.Р.Кочаровский. Очень скоро возникла потребность повышения статуса этого научного учреждения. С октября 1924 г. институт был преобразован в Институт изучения России, тем самым были созданы условия для продолжения в Чехословакии работы русских ученых и привлечения к ней молодых исследовательских сил. Для организации исследований планировалось использовать все доступные средства. Институт изучения России являлся автономным учреждением Земгора, имел собственные органы управления, которые подлежали надзору и контролю со стороны Земгора, но без его вмешательства в научно-исследовательскую деятельность. Руководил институтом совет из 10 человек и ученая коллегия. Текущее руководство осуществлял управляющий делами, который избирался советом из числа членов ученой коллегии сроком на 1 год. В 1924-1925 гг. институт возглавлял А.В.Пешехонов, затем Н.Ф.Новожилов. Для проведения научной работы институт делился на кабинеты по изучению отдельных сторон российской жизни. В свою очередь кабинеты, помимо чисто научных целей, видели свою задачу в организации лекторской работы, курсов, исследовательских кружков, устройстве публичных чтений, докладов и диспутов по конкретным проблемам, участии в съездах, научных обществах, публикации трудов института[69]. Социальный кабинет, под руководством К.Р.Кочаровского, занимался изучением социальных форм жизни на селе, акцентируя внимание на таких, как двор, община, кооперация, деревенский быт. Аграрный кабинет, руководимый А.В.Пешехоновым, ставил своей задачей исследование земельных отношений и земельного законодательства в России. Кабинет сельскохозяйственной экономики, возглавляемый А.Н.Челинцевым, выяснял основы организации сельского хозяйства в России, стоящие в этой области задачи и мероприятия, необходимые для более быстрого развития отрасли. Г.И.Шрейдер руководил кабинетом местного самоуправления, который занимался исследованием организации и деятельности системы местного самоуправления. И, наконец, так называемый кабинет практических проблем сельской

жизни, под руководством С.С.Маслова, изучал заграничный опыт и возможность его применения к нуждам сельского хозяйства России. За два первых месяца работы сотрудники института подготовили к печати около 10 работ (30 печатных листов), не считая работ меньшего объема (менее 1 п.л.). Помимо самостоятельных исследователей в институте работали в общей сложности 29 научно-технических сотрудников, получавших сдельную или почасовую оплату и не считавшихся служащими Земгора. Библиотека института располагала специальной литературой, насчитывавшей около 250 наименований. При кабинетах были созданы кружки и семинары: по изучению общих социальных условий жизни в России, сельскохозяйственной кооперации, политике в области сельского хозяйства и экономическим процессам в этой отрасли хозяйства. Вместе с экономическим кабинетом С.Н.Прокоповича сотрудники института устраивали беседы и обсуждали доклады, нередко приглашая на эти мероприятия чехословацких коллег. За первый год работы в институте было проведено 6 научных собраний, обсуждено 8 докладов. Сразу после организации институт получал на свои нужды по 30 тыс. кр.ч. ежемесячно, однако вскоре эта сумма была сокращена до 24 тыс.кр.ч.[70].

Экономический кабинет проф. С.Н.Прокоповича, упоминавшийся выше, возник в конце 1922 г. в Берлине, а затем в марте 1924 г. – переведен в Прагу. Задача кабинета состояла в сборе, систематизации и критическом обзоре сведений о народном хозяйстве Советской России. Для этого кабинет комплектовал библиотеку специальной литературой по всем отраслям экономической и торговой жизни СССР. В 1925 г. она насчитывала свыше 2 тыс. томов. Пользоваться ею мог любой интересующийся данной проблематикой. Всего за первые полгода работы 110 русских и иностранных читателей использовали ее материалы. Кабинет выпускал бюллетени с систематической выборкой экономических сведений из советских и иностранных источников о состоянии отдельных отраслей народного хозяйства и экономических процессах в современной России. Все эти материалы сопровождались примечаниями с кри-

тическим анализом излагаемых сведений. Кабинет устраивал семинары для студентов, где излагались основы методологии научных исследований. Совместно с Институтом изучения России систематически (как правило, дважды в месяц) зачитывались доклады на экономические темы. Научные труды кабинета публиковались как в форме периодических изданий, так и в виде отдельных сборников, брошюр, монографий. В мае 1924 г. вышел первый бюллетень, а затем в течение года еще 14 с 83 сообщениями о различных сторонах экономической жизни в СССР. В самом начале бюллетени не печатались в типографии, а распространялись в машинописной рукописи. Кроме того, продолжающимся изданием был и Русский экономический сборник. Кабинет содержался на средства Земгора, выдаваемые ему правительственными, общественными организациями и частными лицами[71]. На расходы кабинета ежемесячно выделялось сначала по 14 тыс. кр.ч., а затем по 12 тыс. кр.ч.[72]. Бывший министр Временного правительства С.Н.Прокопович в начале 20-х годов был выслан из России вместе с женой Е.Д.Кусковой. Д.И.Мейснер вспоминал, что это был человек необыкновенно "ершистый", очень уверенный в себе и своих знаниях экономики и социологии, с достаточно безапелляционными суждениями. Но вместе с тем С.Н.Прокопович умел много и упорно работать, был человеком настойчивым и дисциплинированным[73]. Он поставил перед собой трудную и потиворечивую задачу: будучи принципиальным противником экономической политики СССР, пытался все же давать беспристрастные и объективные характеристики удач и ошибок, достижений и провалов советской экономики. Собранные и обобщенные материалы и научные работы Института изучения России и Экономического кабинета (позднее Института) С.Н.Прокоповича и сегодня представляют собой большую ценность для исследователя отечественной истории межвоенного периода, а также экономистов и политологов.

При русской народной библиотеке в феврале 1923 г. были основаны два архива - Русской эмиграции и Чехословацкий, которые в сентябре того же года были объединены в одно

учреждение - Русский заграничный исторический архив (РЗИА). Перед архивом стояли задачи по сбору, хранению и научной обработке поступающих материалов по истории Российского государства и входивших в его состав народов. Согласно уставу, архив был призван приобретать в собственность и принимать на хранение различные исторические материалы и документы; сохранять и обрабатывать архивы учреждений и организаций, а также частных лиц; собирать и составлять описания хранящихся в нем архивных фондов и организовывать их научную обработку; проводить научные исследования и специальные социологические обследования; организовывать научные кабинеты по разным направлениям русской исторической науки; формировать фонды библиотеки; издавать научные труды, сборники важнейших документов и материалов архива, а также периодические издания; собирать сведения о материалах по истории России, находящихся в других архивах, книгохранилищах и музеях, составлять соответствующие обзоры и указатели; устраивать доклады, лекции, семинары, собрания по вопросам деятельности архива, а также конференции и съезды специалистов и лиц, заинтересованных в разработке и собирании материалов по истории России; подготавливать архивных работников. Создан был архив на деньги Земгора, вместе с тем являясь автономным учреждением. Руководство осуществлял совет из 11 человек во главе с управляющим, которым стал В.Я.Гуревич. При совете были созданы ученая и хозяйственная комиссии. Контрольно-административные функции исполнял представитель чехословацкого МИД историк Я.Славик[74]. Активное участие в работе архива принимали выдающиеся ученые-историки А.А.Кизеветтер, В.Я.Мякотин*, Е.Ф.Шмурло** и др. К концу 1924 г. архив располагал 14

---

* В.А.Мякотин (1867-1937) - проф. Алексадровского лицея и Петроградского ун-та, лидер партии народных социалистов, эмигрировал в Берлин, с 1923 г. сотрудник Русского заграничного исторического архива в Праге, с 1930 г. проф. Софийского ун-та.

** Е.Ф.Шмурло (1854-1934) - доцент Петербургского, а затем проф. Дерптского ун-та, в 1903 г. командирован Академией наук в Рим, остался за

штатными сотрудниками в таких странах, как Франция, Германия, Югославия, Болгария, Китай и 9 внештатными: в Польше, Эстонии, Финляндии, Турции, Италии, Тунисе и США.

Кроме того, хорошие связи архив наладил с российскими колониями в Бессарабии и Лондоне.

В 1925 г. библиотека архива состояла преимущественно из книг по истории общественных движений в России, агитационно-пропагандистских и идеологических изданий различных политических направлений - всего более 6 тыс. томов, не считая брошюр. Журнальный фонд архива насчитывал 845 наименований. Здесь были представлены все журналы, выходившие в эмиграции, а из дореволюционных и послереволюционных в основном исторические и общественно-политические. Достаточно богатым был и газетный фонд, составлявший 930 наименований. Причем среди газетных подшивок был 121 полный годовой комплект и 88 неполных. В рукописном фонде имелось 39 работ, объемом около 5 тыс. листов. Фонд исторических докуметов и материалов составляли воззвания, плакаты, приказы, распоряжения и т.п., относившиеся к разным этапам российского общественного движения конца XIX - начала XX в. (около 34 тыс. единиц хранения). Большой интерес и огромную ценность представляли собой переданные в архив фонды, например, писателя - публициста, редактора парижской газеты "Общее дело" эсера В.Л.Бурцева, а также архивы различных правительств, существовавших на территории России в годы гражданской войны - Северо-Западного правительства, правительства Петлюры и др., штабов Деникина, Врангеля и т.п. Отдельный фонд образовывали кино- и фотодокументы, среди них фильм "Зверства киевской чрезвычайки", альбомы фотографий из жизни русских беженцев в разные периоды революционного движения, гражданской войны и в эмиграции, диапозитивы и коллекции политических каррикатур. Принадлежавшая архиву коллекция денежных знаков периода революции и

границей, с 1924 г. председатель Русского исторического общества (РИО) и член РЗИА.

гражданской войны насчитывала более 1 тыс. экземпляров, коллекция почтовых марок этого же периода была малочисленнее, но имела редкие экземпляры. Несмотря на то, что ежемесячные расходы МИД ЧСР на архив составляли вначале 40 тыс. кр.ч., а затем даже были увеличены до 60 тыс. кр.ч., работники архива были постоянно озабочены проблемой изыскания средств для своей деятельности. В 1928 г. архив поступил в компетенцию чехословацкого МИД и был преобразован в научный институт истории общественных движений и революциоными партий в России второй половины XIX - начала XX столетия и истории русской эмиграции. В 1945 г. материалы отделения документации были вывезены в Москву и использовались сотрудниками НКВД для проведения репрессий в отношении эмигрантов и членов их семей, несмотря на то, что некоторые из них уже являлись гражданами других государств. Материалы книжного, журнального и газетного отделений поступили в фонды Славянской библиотеки[75].

Весьма недолговечной оказалась деятельность созданных в начале 1922 г. двух органов Земгора - Экономического совета и Муниципальной комиссии. Задачей обоих органов было целесообразно использовать пребывание россиян за границей в интересах расширения будущего сотрудничества России и Чехословакии. Экономический совет был создан вместо упраздненного Торгового отдела Земгора. Кроме членов Объединения, в него входили специалисты, обязанностью которых было изучение состояния экономики и торговли Чехословацкой республики для установления в будущем наиболее тесных чехословацко-российских экономических контактов и торговых связей. Экономический совет планировал обследовать и изучить состояние, виды и формы обрабатывающих отраслей индустрии в Чехословакии, объем организованного спроса и предложения, а также установить постоянные отношения с государственными, общественными и частными учреждениями в Чехословакии, связи с которыми в будущем могли бы способствовать экономическому и финансовому возрождению России.

Муниципальная комиссия в свою очередь должна была

заняться изучением и разработкой вопросов, связанных с ведением земского и городского хозяйства. Комиссия связалась с городским самоуправлением Праги и Союзом чешских местных самоуправлений в целях ознакомления и изучения опыта ведения муниципального и коммунального хозяйства Чехословацкой республики. Однако отсутствие средств и возможностей для широкой постановки дела привели к прекращению деятельности названных организаций буквально через несколько месяцев после их создания[76].

г) Медицинская помощь

Ввиду отсутствия или недостатка средств к существованию у основной массы российских эмигрантов процент заболеваемости среди них превышал все нормы. Этому, безусловно, способствовали нервные потрясения, плохие жилищные и бытовые условия, неполноценное питание, а также смена климата. Особенно свирепствовали среди беженцев туберкулез, брюшной тиф, кишечные заболевания. Главное внимание Земгора было сконцентрировано на оказании амбулаторной помощи. Стационарная помощь в основном оказывалась в Русском и Чехословацком отделениях Красного Креста. Медицинское (включая и стоматологическое) обслуживание было бесплатным и включало в себя: прием больных, отпуск лекарств по рецептам, предоставление усиленного питания (обеспечение продуктами или деньгами для их покупки), выдачу денег туберкулезным больным на проезд в сельскую местность. Если в 1921 г. амбулаторной помощью Земгора пользовались 1008 человек и 723 - стоматологической, то в 1923 г. сосответственно - 6627 и 6389 человек. Расходы Объединения на оказание беженцам медицинской помощи и содержание больных в лечебных заведениях и санаториях составили в 1922 г. более 71 тыс. кр.ч., а в 1923 г. - более 81 тыс. кр.ч.[77]

В 1923 г. Земгором был организован санаторий для больных туберкулезом на 35 мест (в дальнейшем он был расширен до 60 коек). Санаторий располагался в 65 км на юго-восток от

Праги в Будах, гористой местности, поросшей хвойными лесами, на вилле "Виктория" в 7 км от железнодорожной станции Засмуки. Это был мужской санаторий, называвшийся "Здравница Пражского Земгора". Около трети больных составляли студенты. Средний срок пребывания в здравнице равнялся 2,5 месяцам. В 1924 г., например, курс лечения в ней прошли 109 человек. В 1930 г. чехословацкое министерство общего здравохранения и физического воспитания выделило на приобретение недвижимости и расширение санатория 300 тыс. кр.ч.[78]. При этом была достигнута договоренность, что после переоборудования и расширения санаторий будет принимать также и чехословацких граждан, на тех же условиях, что и русских эмигрантов. За это министерство обещало материальную поддержку.

Чаще всего за медицинской помощью к Земгору обращались студенты, они составляли более 59% от общего числа больных, тогда как учащиеся средних учебных заведений лишь 12%, люди, занятые сельскохозяйственным трудом - 17%, интеллигентских профессий - 6%, ремесленники - 6%[79]. Лечение предоставлялось всем без исключения, вне зависимости от национальности и политических убеждений.

д) Юридическая помощь

При создании Земгора в него входил юридический отдел. Однако год спустя он был ликвидирован, а вместо него учреждена должность юристконсульта, который вел текущие дела Земгора и оказывал юридическую помощь частным лицам и учреждениям, обращающимся за ней. Все услуги оказывались бесплатно. Обычно юристконсульт обслуживал от 2 до 10 клиентов в день. Наиболее частными были обращения эмигрантов по вопросам семейного права (брак, развод, усыновление детей, алименты). Кроме того, много обращений поступало по наследственным делам (наследство в России, Чехословакии, в других странах), вопросам предпринимательского характера и

личных прав граждан в иностранных государствах (например, по созданию акционерных обществ и торговых предприятий, авторскому праву, правам личности). Значительным было число обращений и по вопросам налогообложения. Иногда приходилось отвечать на запросы письменно, так как только Земгор оказывал российским беженцам бесплатную юридическую помощь и его услуги распространялись на всю территорию республики.

Особое место занимали арбитражные дела примирительного характера: к юристконсульту обращались обе конфликтующие стороны - супруги, хозяин и работник, или квартиросъемщик, совместные квартиросъемщики, коллеги по работе и т.п. При посредстве юристконсульта все участвовавшие стороны удовлетворяли свои претензии в такого рода делах.

Кроме того, в штате Земгора был и чехословацкий юристконсульт, который занимался делами Объединения в судебных и правительственных учреждениях, консультировал по вопросам оказания помощи беженцам, составления прошений, ходатайств, вел дела, присылаемые к нему комитетом Земгора[80].

В октябре 1926 г. в Праге была открыта юридическая консультация Земгора. Она занималась разработкой вопросов общего правового положения российских эмигрантов и оказания им юридической помощи, научной разработкой вопросов юриспруденции, связанных с положением беженцев за границей, давала заключения Земгору, выдавала справки и составляла рекомендации для судебных и административных учреждений Чехословацкой республики, организовывала дежурства сотрудников для оказания бесплатной юридической помощи отдельным лицам и эмигрантским организациям в виде устных и письменных советов и составления бумаг. Помощь по определенным категориям дел, приносящим личные материальные выгоды, была платной. Кроме того, давались рекомендации по привлечению чехословацких адвокатов для ведения дел эмигрантов, действовал постоянный третейский суд. Консультация ведала сбором и анализом статистических и иных данных о правовом положении эмигрантов и их нуждах в юридической

помощи, организацией справочного фонда по юридическим вопросам, устройством докладов и совещаний по проблемам своей деятельности, установлением контактов с подобными ей эмигрантскими учреждениями для совместной работы и обмена материалами, открывала отделения в других городах. В консультации работали 42 чешских и русских юриста, большинство - лица с высшим юридическим образованием. Решения принимались общим собранием ее членов, управление осуществлялось бюро и юристконсультативным комитетом Земгора. Во главе консультации стоял председатель[81]. За три года своей деятельности она бесплатно обслужила 1 560 клиентов[82].

6. О представительствах Земгора

Будучи достаточно крупной организацией, Земгор имел представительства как в разных частях Чехословакии, так и за рубежом. Цели и виды деятельности представительств Земгора были такими же, как у головной организации в Праге. Достаточно трудным было положение представительства в Белграде. Это объяснялось тем, что в Королевстве СХС были сосредоточены остатки белых армий, находившиеся под сильным влиянием эмигрантских военных организаций, руководство которых пользовалось особым влиянием при дворе, в правящих верхах Королевства.

Основа культурно-просветительской деятельности представительств состояла в создании библиотек и читален. К концу 1924 г. библиотека Братиславского представительства располагала 870 книгами и имела 120 абонентов, Ужгородского - 1900 томов и 620 абонентов[83]. Ужгородское представительство главное внимание обратило на организацию передвижных или так называемых "летучих" библиотек, что в большей степени соответствовало местным условиям. Число таких "летучих" библиотек в 1924 г. достигло 34, в течение года по ним было разослано около 5000 книг и более 7000 экз. газет. Библиотека Белградского представительства насчитывала свыше 2,5 тыс.

книг, а число ее постоянных абонентов достигало 427[84]. Представительства Земгора организовывали также чтения лекций для эмигрантов.

При Братиславском и Ужгородском представительствах были организованы общежития, так как эти города служили пунктами первоначального скопления беженцев. Продовольственная помощь представительств оказывалась лишь в исключительных случаях и не в таких масштабах, как в Праге - крупном центре сосредоточения беженцев. Денежная помощь выдавалась при транзите, на фотографирование при оформлении документов. На вещевую помощь беженцы могли расчитывать, отправляясь на работы. Трудовая помощь представительств Земгора состояла не только в посредничестве между работниками и работодателями, но в создании особых рабочих артелей, в частности на лесозаготовках. При Братиславском и Ужгородском представительствах создавались подобные артели, в среднем по 100 человек. Все представительства могли оказывать медицинскую и юридическую помощь.

Представительства Земгора выдавали нуждающимся ссуды, стипендии, пособия, в том числе на проезд, оплату квартиры, содержание в школе. В 1924 г. в Ужгороде, Кошицах и Стужице были открыты школы для малограмотных, одна из которых - Стужицкая - содержалась Ужгородским представительством Земгора. Белградское представительство предоставляло пособия школе для детей эмигрантов в Херцеґ-Нови. О достаточно плачевном материальном положении отдельных эмигрантов в Словакии говорит такая статья расходов Братиславского представительства, как пособия на баню. Кроме того, постоянным видом деятельности представительств Земгора было исходатайствование виз и паспортов, а также различные поручительства и ходатайства перед чехословацкими правительственными учреждениями[85].

Земгор делал попытку создать свое представительство в Шанхае. По этому вопросу он вел активную переписку, была создана специальная коллегия по организации представительства Земгора в составе В.М.Порватова, А.Н.Васильева-Дубров-

ского и В.И.Несвадбы. В Шанхае существовало общество "Взаимная помощь" во главе с Н.П.Малиновским, опытным общественным деятелем из Петрограда, педагогом, бывшим членом Петроградской городской управы, членом партии народных социалистов, затем партии Крестьянской России. Функции общества были аналогичны функциям Земгора. Однако между этими организациями существовали некоторые расхождения политического характера. Малиновский не хотел иметь дело исключительно с пражским Земгором, в руководстве которого, по его мнению, основную роль играли эсеры, надеясь установить отношения с Земско-городским комитетом в Париже. Но вопрос о средствах был основным в планах создания представительства. Из-за их отсутствия было решено предложить Малиновскому представлять Земгор в Шанхае. В письме, адресованному пражскому Земгору от 3 сентября 1930 г., Малиновский сообщал о новой волне беженцев из СССР в Китай. Об этом же сообщали газеты "Шанхайская заря", "Слово", "Время". После 1922 г. на Дальнем Востоке оказалось около 100 тыс. русских эмигрантов. Среди них было больше, чем в европейских странах, малоимущего городского населения, крестьян и казаков среднего достатка. В конце 20-х - начале 30-х годов именно эта часть беженцев стремительно увеличивалась вследствие массового бегства из СССР в Китай в связи с коллективизацией сельского хозяйства и экспроприацией в городах. С весны 1930 г. Харбин и Мукден буквально тонули в потоке беженцев, который стал докатываться до Шанхая и Тяньзина (в Харбине сосредоточилось около 15 тыс. беженцев). В основном бежали зажиточные крестьяне и баптисты[86]. Малиновский считал, что Китай не может быть местом расселения русских эмигрантов и связывал вопрос об организации представительства Земгора с вопросом о средствах на переселение беженцев в другие страны, а также на организацию учреждений, временно обслуживавших нужды эмигрантов в Шанхае. Он указывал, что благодаря проведению специальных лотерей уже было получено более 100 тыс. мексиканских долларов (около 1250 000 франков) на перемещение двух русских кадетских корпусов в

Сербию. У него имелся план переселения эмигрантов в Южную Америку, на осуществление которого требовалось не менее 200 тыс. мексиканских долларов. Малиновский надеялся на определенную помощь китайских властей и общественности. В одном из писем сообщалось также об опыте переселения эмигрантов из Китая в Канаду, правда не вполне удачном.

В ноябре 1930 г. Н.П.Малиновский начал издавать газету "Голос" республиканско-демократического направления. В ней сообщалось о существовании в Шанхае представительских органов русской эмиграции, а именно о Комитете защиты прав и интересов русских в Шанхае, впоследствии передавшем свои полномочия Совету национальной общины во главе с представителем Лиги Наций в Китае и Японии генералом Хорватом, и Русском эмигрантском комитете[87]. Задачи этих центров русской эмиграции на Дальнем Востоке были очень сходны с задачами Земгора и состояли в заботах об улучшении правового положения эмигрантов, помощи в поисках работы, предоставлении бесплатной или дешевой медицинской помощи, облегчении передвижения из одной страны в другую, обеспечении возможности ученым продолжать научную деятельность и готовить смену, а студентам - получить или закончить образование и противостоять денационализации, предоставлении военным инвалидам постоянного или временного пособия для выживания[88]. Существование центров, сходных с Земгором, и нехватка средств стали причиной того, что вопрос о создании представительства утратил свою актуальность. Необходимость иметь представителя Земгора на Дальнем Востоке объяснялась тем, что среди тамошней эмиграции демократическая интеллигенция была малочисленной, из-за чего демократических учреждений и газет было немного, зато существовало огромное количество крайне правых организаций, в том числе объединение русских фашистов.

7. Ликвидация пражского Земгора.

Начиная с 1924 г. ассигнования чехословацкого правительства на "русскую акцию" стали сокращаться. Год от года отпускаемые на деятельность эмигрантских организаций средства становились все более скромными, в чем была своя логика: эмигранты обустраивались, ассимилировались. С конца 1925 г. Русский народный университет перешел в ведение Чешско-Русского общества народных университетов. В июле 1926 г. Чехословацкому Красному Кресту было передано общежитие Земгора, а в январе 1927 г. стоматологический кабинет[89]. Особенно ухудшилось финансовое положение Земгора и большинства его учреждений в конце 20-х - начале 30-годов в связи с наступлением мирового экономического кризиса, отразившегося и на экономике Чехословакии. В 1928 г. гимназия Земгора в Страшницах поступила под опеку министерства школ и национального просвещения[90]. Несмотря на то, что в 1931 г. штат комитета Земгора и его учреждений составляли всего 56 человек, из которых 16 были служащими комитета, 9 работали в Русской народной библиотеке им. Т.Г.Масарика, 6 являлись сотрудниками экономического кабинета, 8 работали в автомобильно-тракторной школе, 15 входили в персонал Здравницы и 2 человека были сотрудниками кабинета сибиреведения,- средств на его содержание и продолжение деятельности у Земгора не хватало[91]. С 1932 г. началась переписка с правительственными и общественными организациями Чехословакии о порядке ликвидации Земгора. В том же году было принято решение о передаче санатория Земгора Чехословацкому Красному Кресту[92]. Из-за резкого сокращения правительственных дотаций Земгор в 1932 г. не смог даже заплатить налог. Общее собрание Объединения, состоявшееся 14 апреля 1933 г., приняло решение ликвидировать Земгор, для чего был избран комитет и сформирована ликвидационная комиссия в составе: И.М.Брушвит (председатель Земгора), П.И.Нестеров, В.Озерецкий, С.Николаев, В.М.Вершинин. Комиссия (с некоторыми изменениями в составе) работала почти два года, пере-

давая имущество Земгора и улаживая претензии к нему отдельных организаций и частных лиц[94]. Окончательно распалось Объединение в 1935 г.

В период наиболее интенсивной деятельности Земгора до конца 20-х годов только материальная помощь, оказанная им беженцам, выразилась в следующих цифрах: в 200 000 случаев были удовлетворены ходатайства о продовольственной помощи на сумму около 800 тыс. кр.ч., вещевую помощь получили 3300 человек на сумму 310 тыс. кр.ч., свыше 8500 эмигрантам была предоставлена возможность проживания в общежитиях, денежная помощь в виде ссуд и пособий была оказана более 4 500 человек на сумму, превышающую 500 тыс. кр.ч., из этой последней суммы около 200 тыс. кр.ч. пошло на ссуды, выданные окончившим высшие учебные заведения в ЧСР при их выезде за пределы Чехословацкой республики.

Бюро труда предоставило работу 5620 лицам, а на проезд к месту работы было выдано пособий на сумму около 50 тыс. кр.ч. Более 250 человек получили профессию на курсах Земгора. Амбулаторная медицинская помощь, считая повторную, была оказана в 26760 случаях, а стоматологическая - в 45 475 случаях[95].

Основная заслуга Земгора, на наш взгляд, состояла в том, что он смог в определенной степени организовать пеструю массу эмигрантов из России, а также стать тем органом, через который стало возможно оказывать российским беженцам международную помощь по линии Лиги Наций и главную помощь чехословацкого правительства. Земгор, его учреждения и представительства вели активную и разностороннюю работу. В какой-то степени, особенно в самом начале, Объединение брало на себя осуществление консульских функций российского представительного органа (имеется в виду выдача паспортов, виз, поддержка ходатайств о въезде и выезде). Но главными направлениями его деятельности всегда оставались благотворительность и культурно-просветительная работа.

Примечания

1. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.7.
2. Там же. Д.1.Л.17.
3. Там же. Д.87.Л.62-63.
4. Там же. Л.8.
5. Там же.Л.10.
6. Там же. Л.13.
7. Там же. Д.3.Л.136-138.
8. Бюллетень Пражского Земгора. 1929. 1 авг.
9. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.36.Л.30-31.
10. ЗОА. Ф.12.Оп.I. Д.36.Л.20.
11. Там же. Д.51. Л.7-8.
12. Там же.
13. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1977. Т.2.С.43.
14. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.49.
15. Там же. Л.50.
16. Там же.
17. Там же. Л.51.
18. Там же.Л.44-45.
19. Руль. 1928. 1 дек.
20. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.255.Л.71.
21. Документы и материалы по истории ... Т.2.С.119,122.
22. ГАРФ. Ф.5809. Оп.I. Д.134.Л.8.
23. Там же. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.16,18.
24. Там же. Л.67.
25. Naše listy. 1925. 26 VI.
26. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.67.
27. Там же. Л.69.
28. Там же. Л.74.
29. Там же. Л.76-77.
30. Там же. Л.79-81.
31. Русские в Праге. 1918-1928. Прага, 1928. С.250.
32. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.112.
33. Там же. Л.117.
34. Там же.
35. Там же. Д.125.Л.231.
36. Дни.1925.1 мая.
37. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.106.
38. Там же. Ф.5764. Оп.I. Д.258.Л.47.
39. Там же. Л.47 об.
40. Там же. Д.120. Л.48-50.
41. Там же. Д.140. Л.39.

42. Там же. Л.40.
43. Там же. Д.87. Л.123-124.
44. Там же. Л.126-129.
45. Второе поколение. 1931. 25 апр.
46. Время. 1924. 31 июля.
47. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.129-130.
48. Второе поколение. 1931. 25 апр.
49. Там же. 1931. 13 июня, 20 июня.
50. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.135-138.
51. Карпаторуский вестник. 1926. 1 янв.
52. Информационная газета. 1934. 6 янв.
53. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.130.Л.10-11.
54. Там же. Д.4. Л.181-184.
55. Там же. Д.87. Л.138-146.
56. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С.45-46.
57. Информационная газета. 1934. 6 янв.
58. *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русско-эмигрантскую научную библиографию. Прага, 1935. С.11; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze. Katalog výstavy. Pr., 1995. S.17; *Муромцева М.П., Перхавко В.Б.* Из истории культурно-просветительской деятельности российской эмиграции в Чехословакии в 20-30-е годы // Вестник МГУ. 1994. №3. С.17-19.
59. *Пашуто В.Т.* Указ соч. С.47-49.
60. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.147-155.
61. Там же.
62. Там же. Ф.5809. Оп.I. Д.168.Л.120-21.
63. Информационная газета. 1934. 6 янв.
64. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.181-182.
65. Бюллетень Пражского Земгора. 1929. 30 авг.
66. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.157-160.
67. Там же. Д.4. Л.122-141.
68.Там же. Д.87. Л.161-167.
69. Там же. Д.4. Л.83-85.
70. Там же. Д.87. Л.168-170.
71. Там же. Д.4. Л.87.
72. Там же. Д.87. Л.171-172.
73. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С.177.
74. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.4.Л.63-70; Bouček J. Jan Slavík. Bibliografie. Pr. 1994. S.6.
75. Там же. Д.87. Л.173-181; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze. Katalog výstavy. Pr., 1995. S.22-23; Český tydeník. 1995. 25-28 srpna. Č.68.

76. Там же. Л.185.
77. Там же. Л.88.
79. Там же. Д.131. Л.49.
79. Там же. Д.87. Л.98.
80. Там же. Л.184.
81. Там же. Д.5. Л.1-8.
82. Бюллетень Пражского Земгора. 1929. 1 авг.
83. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.87.Л.192.
84. Там же. Л. 193.
85. Там же. Л. 186-193.
86. Там же. Д.137. Л.6, 8 об., 58.
87. Там же. Л.34.
88. Время. 1929. 13 авг.
89. ГАРФ. Ф.5764. Оп.I. Д.258.Л.22.
90. Там же. Д.131. Л.29.
91. Там же. Д.226. Л.10 об.
92. Там же. Д.131. Л. 113, 139.
93. Там же. Л.106.
94. Там же. Л.1, 91.
95. Там же. Д.258. Л.17-18.

Глава III

Объединение русских эмигрантских организаций (ОРЭО) и другие структуры

1. Задачи и основные направления деятельности ОРЭО

В начале января 1927 г. инициативная группа созвала несколько совещаний представителей крупнейших эмигрантских организаций в ЧСР для обсуждения положения русских в связи с резким сокращением кредитов на "русскую акцию". На совещаниях было решено обратиться к чехословацкому правительству и видным чехословацким политическим и общественным деятелям с особым меморандумом о положении русской эмиграции. С целью координации и активизации работы различных эмигрантских организаций бывших российских граждан в июле 1927 г. Совещание представителей русских организаций в ЧСР было превращено в постоянно действовавшую структуру, а в 1931 г. преобразовано в Объединение русских эмигрантских организаций в Чехословацкой республике. Первоначально в работе Совещания участвовало 16 организаций. Его основными задачами были поддержка контактов между эмигрантскими учреждениями, сбор информации об их деятельности и о положении русских за рубежом, а также оказание посильной помощи эмигрантам. Текущей работой занимался Президиум, переизбираемый каждые 3 месяца. В 1928 г. в его состав, например, входили князь П.Д.Долгоруков, один из лидеров партии кадетов, бывший товарищ председателя I Государственной Думы проф. С.А.Муромцев, подписавший Выборгское воззвание с протестом против роспуска Думы и за это лишенный права участвовать в следующих выборах, а также бывший министр путей сообщения в правительстве А.Ф.Керенского П.П.Юренев. Казначеем в этот период был К.П.Федоров., секретарями - И.Т. Воротынцев и Д.И.Мейснер[1].

Роль ОРЭО как объединяющего, координирующего и организующего звена среди русской эмиграции особо усилилась в

30-е годы после ликвидации Земгора. За один лишь 1935 г. в Объединение вступили 14 организаций, а общее количество его членов соответственно возросло с 28 до 42[2]. Членом Объединения, согласно уставу, могла стать любая неполитическая русская организация, находившаяся в ЧСР. Члены могли осуществлять свои права через своего делегата и имели право участвовать в собрании представителей, выступать с предложениями, избирать и быть избранными в органы ОРЭО. В их обязанности входило придерживаться устава, исполнять постановления общих органов Объединения и регулярно вносить членские взносы в размере, установленном общим собранием (но не менее 24 кр.ч. в год). Высшим органом руководства являлось общее собрание делегатов (по одному от организации и их замы). Контроль за деятельностью ОРЭО осуществляла его ревизионная комиссия. Непосредственное управление делами лежало на правлении во главе с председателем[3]. В начале 30-х годов ОРЭО возглавлял глава Союза русских академических организаций за границей, в прошлом проф. Петроградского политехнического института А.С.Лошмаков.

Представители организаций, входивших в ОРЭО, участвовали в ежегодных общих собраниях, на которых рассматривались отчеты правления, решались вопросы приема и исключения из состава Объединения, другие организационные вопросы. Деятельность руководства ОРЭО в основном была направлена на содействие расширению и укреплению самого Объединения, общее представительство российской эмиграции за рубежом и проведение совместных мероприятий по улучшению положения русских в Чехословакии. В составе Объединения действовала так называемая "примирительная камера", призванная разрешать споры и конфликты между эмигрантскими организациями, а также отдельными лицами, так как считалось нежелательным выносить их в чехословацкие суды. Правление Объединения вело подсчет организованной российской колонии в ЧСР, собирало сведения о материальном и правовом положении русских. В середине 30-х годов Объединение открыло бесплатную юридическую консультацию.

Первое время консультантом по юридическим вопросам был Е.В.Тарабрин, затем В.Я.Гуревич.

В задачи правления входило поддерживать постоянную связь с чехословацким правительством. Одновременно с актом признания СССР Чехословакией де-юре в 1934 г. ОРЭО получило заверения чехословацкого правительства в том, что российская эмиграция и впредь будет пользоваться добрым расположением властей республики и "русская акция" будет продолжена[4]. Русские эмигранты нашли активную поддержку со стороны Чехословацкой национально-демократической партии К.Крамаржа и аграриев М.Годжи, А.Швеглы и А.Прокупека[5]. Контакты видных чехословацких политических деятелей с эмиграцией из России стали причиной дипломатической ноты представительства СССР в Чехословакии МИД ЧСР[6].

Благодаря многочисленным обращениям правления ОРЭО к правительству и министерствам ЧСР ему удалось улучшить и облегчить положение отдельных групп эмигрантов. Например, меморандум об отмене ограничений, чинимых российским эмигрантам при получении права на труд, был одновременно направлен министерствам социального обеспечения и иностранных дел. В нем подробно описывалось тяжелое положение русской колонии в ЧСР и перечислялись меры, способные несколько облегчить его. По мнению авторов меморандума, необходимо было: предоставить всем русским эмигрантам вне зависимости от времени их приезда в Чехословакию одинаковое с гражданами республики право на труд и все виды государственной помощи, приравнять всех русских эмигрантов, не имеющих пособий, к гражданам республики в отношении их возможного участия в профсоюзах, социальном страховании на случай болезни и инвалидности, а также в получении государственной помощи по безработице. Высказывалось пожелание в меру сил и возможностей продолжить оказание правительственной поддержки эмигрантским культурно-просветительским, детским и студенческим учреждениям, а также больным, старикам и инвалидам. Рекомендовалось сосредоточить трудовую, социальную, правовую и культурную помощь эмигрантам в рус-

ских общественных организациях[7]. Благодаря ходатайству ОРЭО перед премьер-министром М.Годжей удалось улучшить положение русских иженеров в Словакии. Правление не оставило без внимания и бедственное положение русских учителей в Подкарпатской Руси, направив прошение в министерство народного просвещения[8]. Дело в том, что экономический кризис, охвативший Чехословакию, значительно увеличил число безработных: только за три года - с 1928-го по 1931-й - их число возросло в 6 раз[9]. И конечно же, увольнению в первую очередь подлежали эмигранты, в том числе русские. Среди них появились хронические безработные. ОРЭО наладило тесную связь не только с правительственными, но и с общественными организациями, в том числе с чехословацким Красным Крестом, возглавляемым дочерью президента - А.Масарик. Это дало возможность оказывать некоторую помощь безработным через профсоюзные организации, органы местного самоуправления, благотворительные общества[10].

Деятели ОРЭО принимали активное участие в подготовке и проведении культурно-благотворительных акций, объединявших всю российскую эмиграцию. Русское зарубежье ежегодно проводило "Дни русской культуры", организовывало дни "русской матери", "русского ребенка", "русского инвалида", отмечало юбилеи великих русских писателей, ученых, композиторов, праздновало выдающиеся исторические события, например 75-летие со дня освобождения крестьян от крепостного права в России.

Деятельность ОРЭО была крайне важна и полезна, так как положение российских эмигрантов в 30-е годы резко ухудшилось. В 1935 г. из 28 организаций-членов ОРЭО лишь 11 смогли внести членские взносы, носившие лишь символический характер[11]. На разосланные правлением ОРЭО анкеты многие организации-члены Объединения отвечали, что число безработных в их рядах возросло, а материальное положение ухудшилось. Далеко не все имели юридическое право на труд, получить место, особенно лицам ителлектуальных профессий, можно было лишь при наличии протекции[12]. В среднем около

30% российской интеллигенции было вынуждено в этот период принять чехословацкое гражданство[13]. Однако и это не гарантировало получение работы, а лишь давало возможность удержаться на месте. Среди других категорий российских эмигрантов процент принявших чехословацкое гражданство был незначителен, что, вероятно, и дало основание Совещанию представителей русских эмигрантских организаций утверждать, что "несмотря на усилившееся в последнее время стремление к переходу в чехословацкое подданство, этот переход все же не выходит за пределы индивидуальных случаев и не может рассматриваться как массовое явление, характерное для русских эмигрантов в ЧСР"[14].

В 30-е годы появилась и новая проблема: дети от смешанных браков уже практически не говорили по-русски[15]. Специально поэтому при Русской академической группе были созданы курсы русских национальных предметов для детей из таких семей и обучающихся в иностранных школах. Руководил курсами проф. И.И.Лаппо, затем приват-доцент РСУ в Праге, сотрудник Чешской академии наук С.Г.Пушкарев. Преподавали на курсах русский язык, российскую историю, географию, закон божий и хоровое пение[16].

2. Состав Объединения

С момента образования и вплоть до конца 30-х годов членский состав Объединения постоянно пополнялся и увеличился с 16 до 42 организаций. В ОРЭО входили совершенно различные по численности, целям, характеру деятельности учреждения, союзы, общества. Объединяло их лишь то, что они все были созданы выходцами из России и по уставу не имели права заниматься политической деятельностью. По составу, целям и направлениям работы эти организации условно можно разделить на следующие категории:

I. Общественные и благотворительные организации; II. научные кружки и общества; III. культурно-просветительные учреждения, издательства; IV. профессиональные и корпоративные объединения; V. союзы земледельцев; VI. студенческие организации; VII. союзы военных, казачьи объединения; VIII. медицинские заведения; IX. конфессиональные группы; X. спортивные общества, кружки.

В настоящее время возможно рассмотрение только основных организаций из перечисленных категорий, так как о более мелких эмигрантских объединениях пока нет достаточной информации. К первой категории членов ОРЭО можно отнести учреждения, обслуживающие общие нужды эмиграции, а также детские, молодежные и женские организации. В Чехословакии действовало Общество попечения о русских детях, в составе которого было 68 человек. Возглавляла его А.И.Жекулина[17]. Она происходила из богатой дворянской семьи, когда-то содержала частную гимназию в Киеве, завоевавшую высокую репутацию среди подобных заведений. В дореволюционной России Жекулина стала видным деятелем Союза земств и городов. По свидетельству Д.И.Мейснера, она была исключительно умной и трезвой женщиной[18]. Совместно с педагогическим бюро и другими эмигрантскими общественными организациями Общество попечения о русских детях с конца 20-х годов несколько лет подряд проводило "День русского ребенка", приуроченный к празднику Благовещения (25 марта/7 апреля). Целью этого мероприятия являлся сбор средств на нужды детских организаций. В 1930 г. "День русского ребенка" был организован в 14 странах, где в общей сумме было собрано более 300 тыс. кр.ч. Эти средства были переданы 40 детским организациям на питание, лечение, снабжение одеждой, устройство летних колоний для детей наиболее нуждавшихся российских эмигрантов. Обычно в этот день устраивался благотворительный детский утренник, организовывался уличный сбор пожертвований[19].

Достаточно крупной организацией, также относившейся к этой категории, был и Временный главный комитет Всерос-

сийского союза городов (ВГК ВСГ). Его председателем стал П.П.Юренев, в число членов вошли бывший городской голова Москвы Н.И.Астров*, князь П.Д.Долгоруков, А.В.Жекулина и графиня С.В.Панина, в прошлом богатая аристократка, огромную часть своих доходов ассигновавшая на просвещение российского пролетариата. До революции в Петербурге она на свои средства открыла Народный дом для рабочих с театром, библиотекой, лекционными залами. При нем существовало много курсов, где рабочие обучались грамоте, получали общее и профессиональное образование. В октябре 1917 г. она выступила на стороне Временного правительства, затем стала поборницей Белого движения и эмигрировала в Прагу[21].

В 1922 г. были переведены из Константинополя в ЧСР ВГК ВСГ и гимназия ВСГ. ВГК имел свои представительства в Югославии, Болгарии, Турции и Германии. Его чехословацкое представительство занималось в основном организацией и руководством дошкольными детскими организациями и гимназией, оказывало помощь наиболее нуждавшимся учащимся. Вскоре после переезда в Прагу Всероссийский союз городов открыл в чехословацкой столице детский сад и ясли для детей эмигрантов, а в течение следующих трех лет еще 3 детских сада в пригороде.

В Чехословакии местом расположения гимназии стала Моравская Тршебова, заселенная преимущественно немцами. Учебное заведение было рассчитано на 600 учащихся. Ответственным представителем ВСГ при гимназии была А.В.Жекулина, директорами А.П.Петров, затем В.Н.Светозаров.

---

* В автобиографии, написанной Н.И.Астровым, читаем о нем: "Родился в Москве в 1868 г. Окончил Московский университет по юридическому факультету с дипломом I степени в 1892 г. Мировой судья г.Москвы, Гласный Московской Городской Думы и Московского Земского собрания. Московский городской голова - последний по Городскому положению 1892 г. Член товарищества по изданию "Русских ведомостей". Один из основателей Всероссийского союза городов. Член ЦК партии Народной свободы. Член Особого совещания при ген.Деникине"[20].

Чехословацкий представитель не вмешивался в учебный процесс, а заведовал хозяйственными делами. Педагоги стремились воспитывать учащихся в патриотическом духе, любви к отечеству, России, при этом не придерживаясь никакой определенной политической ориентации. Гимназическая библиотека насчитывала свыше 1 тыс. томов. В гимназии были также оркестр, 2 хора, любительский театр, кружки: математический, шахматный и естествознания. Время от времени для учащихся организовывались экскурсии. В штате состояли 21 учитель и 10 воспитателей, жившие при гимназии. Учащиеся выпускали 3 рукописных журнала: "На чужбине", "В пути", "Богатырь". Было организовано общество "Сокол", существовало 11 футбольных команд, занятия физической культурой были ежедневными. Гимназисты обучались основам ремесленного мастерства в столярной, обувной и деревообрабатывающей мастерских, была оборудована также химическая лаборатория. Неподалеку от гимназии была открыта русская церковь, где хранилась особо ценная икона св. Николая Чудотворца, вывезенная из России[22]. Чехословацкое государство субсидировало и поддерживало гимназистов. Однако в середине 30-х годов в виду резкого сокращения средств на "русскую акцию" эта гимназия, несмотря на протесты родителей, была объединена с Пражской гимназией Земгора[23].

К этой же категории отнесем Союз русской молодежи в ЧСР и общественно-политическую организацию Второе поколение, созданную в начале 30-х годов. Её возглавляли Е.В.Тарабрин и Н.В.Быстров. Члены Второго поколения издавали собственную еженедельную газету под тем же названием. На ее страницах печатались теоретические статьи по национальному вопросу, о взаимоотношениях церкви и государства, задачах русской эмиграции[24]. В редакционных статьях "Второго поколения" высказывалась мысль о том, что эмигранты должны активно участвовать в местной жизни, принимать гражданство стран проживания, стремиться к прочному, материально независимому положению. Сторонники этого направления исповедовали уход от "чистой" политики, выступали за национальное едине-

ние эмигрантов вне зависимости от политической ориентации, оставаясь при этом непримиримыми противниками советского общественного строя. Они отмежевывались от старого поколения эмигрантов, считая, что его представители необоснованно претендуют на руководство эмиграцией. Однако четкой собственной программы действий общество не выработало. Впоследствие движение Второго поколения распалось на три направления: русский фашизм (с руководством в Китае), монархистов и Народно-трудовой союз (НТС)[25].

Из-за трудностей трудоустройства положение женщин в эмиграции было особенно тяжелым. Для защиты своих интересов они создали в Чехословакии Общество взаимопомощи женщин, возглавляемое В.Н.Вергун (в его составе было 137 человек), а также Русскую секцию при ассоциации женщин с высшим образованием в ЧСР.

К общественным организациям русских эмигрантов можно также отнести Русское общественное собрание в Праге (в нем состояло 32 человека) и Русский Красный Крест[26].

Сложно определить точное число ученых, добровольно покинувших родину, или высланных за ее пределы советской властью, так как они были рассеяны по всему миру. Одни работали в иностранных учебных и научных учреждениях, другие организовывали свои русские научные учреждения. В результате анкетирования, проведенного Русским научным институтом в Белграде в 1931 г., удалось установить связь с 472 русскими учеными за границей. Среди них было 5 академиков, около 140 профессоров российских университетов и других высших школ. Кроме того, многие доценты и ассистенты, выехавшие из России, получили профессорские звания уже за границей. В списке, составленном Союзом русских академических организаций, значилось около 500 российских ученых за рубежом[27]. Объединения российских ученых - эмигрантов существовали в Югославии, Германии, Болгарии, Великобритании, Италии, Турции, Франции, Польше, Латвии, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Эстонии и Чехословакии. Позднее образовались русские академические группы в Китае и Северной

Америке. На 1-м съезде русских академических организаций в 1921 г. в Праге эти организации объединились в Союз. Правление Союза, под председательством проф. А.С.Лошмакова, избрало местом своего пребывания г.Прагу. Задачами Союза по уставу являлись: а) согласование деятельности отдельных академических организаций, б) установление связей с иностранными учеными обществами, в) представительство всех русских академических организаций за границей перед правительственными, общественными и научными кругами, 7) содействие членам Союза в проведении научной работы, публиковании трудов, поисках работы по специальности и улучшении материального положения, д) сохранение и дальнейшее развитие сети русских научных и высших учебных заведений за границей, е) попечительство о русских студентах за рубежом, ж) забота об обучении и воспитании детей русских беженцев и, кроме того, з) помощь ученым и студентам, оставшимся в России. Представители Союза осуществляли экзаменационную деятельность, присуждали степени и звания, подтверждали свидетельства и выдавали удостоверения об окончании учебных заведений, стремясь к тому, чтобы уровень образования не снижался.

Союз русских академических организаций проводил научные съезды. Первые два из них носили чисто организационный характер (в 1921 и 1922 гг.). Третий съезд, проходивший осенью 1924 г. в Праге, был посвящен научной работе. Участники съезда были разделены на 4 секции: 1) юридических и экономических наук, 2) наук философских и историко-филологических, 3) естественных наук и медицины и 4) фундаментальной и прикладной математики и технических знаний. В программе съезда значилось 160 научных докладов. Первое и заключительное заседания были посвящены чествованию выдающихся представителей русской науки: были произнесены речи в память о проф.П.И.Новгородцеве и акад.Н.И.Андрусове, доклады о значении трудов Н.П.Кондакова, о деятельности живущего в России физиолога И.П.Павлова (по случаю его 75-летия).

Русские ученые за рубежом, будучи частью мирового научного сообщества, не отделяли себя и от отечественной науки. IV съезд русских академических организаций состоялся в 1928 г. в Белграде. На нем были зачитаны 162 доклада. Заключительное торжественное заседание было посвящено памяти Л.Н.Толстого в 100-летие со дня рождения. V съезд проходил в 1930 г. в Софии. Съезд проводился при поддержке болгарского министра просвещения. Кроме русских ученых активное участие в нем приняли коллеги из Болгарии. Прогрессирующая специализация в области научных знаний отразилась и в возросшем числе секций съезда. Заседания его проходили в 12 секциях: общественно-экономической, юридической, истории литературы и искусства и филологической, биологической, исторической, философской, физико-химической, математической, богословской, агрономической, технологической и медицинской. На заключительном заседании проф. С.В.Завадский произнес юбилейную речь памяти И.С.Тургенева. Большую помощь в организации этого научного форума оказали правительства Чехословакии, Югославии и Болгарии. Со стороны местных научных и общественных кругов был проявлен огромный интерес, работа съезда освещалась в печати[28].

При правлении союза академических организаций создавались учебные и научные учреждения. Одним из первых был организован (18 мая 1922 г.) Юридический факультет, вскоре принятый под протекторат Карлова университета в Праге. Его создателем и первым руководителем был проф. П.И.Новгородцев. После него должность декана занимали: Д.Д.Гримм, Е.В.Спекторский и А.А.Вилков. По своей программе он полностью соответствовал университетским факультетам в дореволюционной России. Его организаторы руководствовались убеждением, что по возвращению России к правовому строю ей понадобятся кадры хорошо подготовленных юристов. Относительно политической направленности этого учебного заведения П.И.Новгородцев высказывался следующим образом: "Наши лекции... не представляют собой ни курсов революции, ни курсов контрреволюции, они будут держаться на почве исто-

рии, на почве науки"[29].

В первое время на факультете преподавали 14 профессоров, в дальнейшем их число увеличилось. Количество студентов в 1922-1924 гг. доходило почти до 500. Поздее оно стало уменьшаться. В 1927 г. на факультете обучалось лишь 132 студента. В конце 20-х годов факультет был вынужден постепенно "свернуть" свою деятельность из-за невостребованности его выпускников: они не могли найти себе места по специальности. Общее количество окончивших факультет равнялось 289 человек[30]. Кроме учебной работы, на факультете велась и научная деятельность. В 1931 г. Русский юридический факультет получил через министерство народного просвещения ЧСР почетный диплом брненской выставки современной культуры за свои экспонаты, т.е. издания сочинений профессоров юридического факультета. Таких изданий с 1922 г. было более 80, среди них и многотомные (по 4 тт.)[31].

Вторым учебным заведением, созданным при правлении Союза стал Русский педагогический институт имени Я.А.Коменского*. Его задачей была подготовка учителей и специалистов по народному образованию для будущей России. В институт принимались лица с законченным высшим образованием и педагогическим стажем. Во главе его стал знаток педагогики, врач проф. С.А.Острогорский. Полный курс института был рассчитан на два года. За несколько лет существования институт произвел несколько выпусков своих слушателей.

Третьим и самым недолговечным учебным учреждением Союза академических организаций были Коммерческо-бухгалтерские курсы, вскоре преобразованные в Институт коммерческих знаний. Он просуществовал лишь два года - с 1923 по 1925 гг.

При правлении Союза академических организаций состоял Русский научный институт (1922-1938 гг.), получая под-

---

* Я.А.Коменский (1592-1670) - выдающийся мыслитель, гуманист, педагог, философ, теолог, социальный реформатор и классик чешской литературы.

держку министерства народного просвещения ЧСР. Возглавляли его в разные годы П.И.Новгородцев, А.С.Лошмаков и В.А.Францев*. Согласно положению об институте, его целью являлось содействие сближению России и Чехословакии, распространение в ЧСР знаний о России, ее культуре и достижениях русских ученых, писателей и деятелей искусства. На лекции и курсы зачислялись слушатели по предварительной записи. Было опубликовано два тома лекций и трудов Института в 1929 и 1932 гг.[32]

Из научных учреждений, существовавших при Союзе академических организаций в ЧСР, отметим также историческое общество, начавшее свою работу 7 апреля 1925 г. Председателем общества был избран известный специалист по истории русско-итальянских отношений, бывший член Российской Академии наук, доктор Падуанского университета, почетный член Восточноевропейского института, пожизненный член Королевского исторического общества в Венеции проф. Е.Ф.Шмурло. Позднее его сменили А.А.Кизеветтер, А.Н.Фатеев, А.В.Флоровский, Е.А.Ляцкий и П.А.Остроухов.Устав Общества при его организации подписали 22 известных ученых. Кроме собственно историков (специалистов по отечественной истории, византинистов, славяноведов, источниковедов и историографов) в Общество входили историки права, церкви, литературы, искусства, языка, философии и экономики. В его составе было 59 действительных членов, 6 членов-сотрудников и 1 почетный член - профессор ректор Карлова университета доктор Л.Г.Нидерле. За первые девять лет работы было прочитано 170 докладов, среди которых преобладали сюжеты русской ис-

---

* В.А.Францев (1867-1942) - член Российской АН до 1927 г., член Чешской академии наук и искусств, доктор славянской филологии Киевского ун-та, проф. Варшавского и Донского ун-тов. Профессор славянской филологии Карлова ун-та, член Русского академического общества в ЧСР и заместитель председателя Союза русских академических организаций за границей. Историк-славист.

тории. Общество исключило из своей программы изучение событий недавнего прошлого, так как, по мнению его членов, им было трудно дать беспристрастную оценку. Более половины докладов, заслушанных на заседаниях Общества, было опубликовано в Записках РИО. Первый том записок вышел в 1927 г., второй и третий сответственно в 1930 и 1937 гг. В годы второй мировой войны Общество продолжало свою деятельность в рамках Русского свободного университета и прекратило свое существование вместе с ликвидацией последнего[33].

Помимо чтения докладов Общество отмечало разнообразные юбилейные даты российских и иностранных ученых, работавших в дореволюционной России, СССР и за границей, писателей (Пушкина, Толстого), выдающихся деятелей российской истории (декабристов), российских царей и императоров. Члены общества принимали участие в международных съездах и конференциях: византийском в Белграде, этнографическом и географическом в Кракове, в конференции историков Восточной Европы и славянского мира в Варшаве, в так называемом "наполеоновском конгрессе", состоявшемся в октябре 1933 г. Общество вошло в состав учредителей Федерации исторических обществ Восточной Европы. В число членов Общества входили и историки, проживавшие вне ЧСР[34].

В Чехословакии, в отличие от Югославии и Болгарии, русские эмигранты были по сути лишены права на свободный труд. Число русских ученых в чехословацких высших школах было невелико, и они, как правило, не занимали самостоятельных кафедр. Чуть более десятка из них работали в учрежденном в конце 20-х годов Славянском институте в Праге, некоторые являлись членами Чешской Академии наук и искусств, Королевского Чешского научного общества и других чехословацких научных объединений. Но большинство из них, благодаря щедрой материальной поддержке чехословацкого правительства в начале 20-х годов, создавали свои общества и объединения для продолжения научной деятельности[35].

Русская академическая группа в Чехословацкой республике, входившая в состав Союза русских академических орга-

низаций за границей, возникла осенью 1921 г. Почетным председателем ее являлся А.С.Лошмаков. Первым председателем группы стал профессор П.И.Новгородцев, затем его сменили П.Б.Струве, Е.В.Спекторский, В.А.Францев. В 1928 г. в ее составе были 97 действительных членов и 27 членов-сотрудников. В 1935 г. их число сократилось соответственно до 53 и 13. Среди них известный византинист, доктор философии Карлова университета, магистр всеобщей истории, приват-доцент и член Славянского института в Праге М.А.Андреева; литературовед, крупнейший знаток творчества Ф.М.Достоевского, бывший библиотекарь Петербургской Академии, доктор философии, профессор русской литературы Карлова Университета, сотрудник института Кондакова А.Л.Бем; известный математик Е.Л.Буницкий; славист, приват-доцент Московского и профессор Иркутского университетов, преподаватель Высшей школы в Праге Д.Н.Вергун; специалист по истории отечественной экономики и финансов, профессор Донского университета, позднее профессор РЮФ в Праге, преподаватель Варшавского университета А.А.Вилков; доктор философии, приват-доцент, затем профессор Карлова университета С.Л.Волкобрун, занимавшийся также военной историей; профессор Варшавского, Ростовского и Томского университетов, этнолог, славист А.Д.Григорьев; ведущий ботаник, специалист в области физиологии растений В.С.Ильин; специалист по технологической химии, проф. В.И.Исаев; бывший профессор петроградской Военно-инженерной академии, известный специалист по строительству мостов, по проекту которого в 1934 г. был возведен мост через Эльбу между Подмоклями и Дечином, Г.Г.Кривошеин; философ, профессор Петроградского университета, затем РЮФ И.И.Лапшин; ботаник, доктор Н.Н.Малышев; историк государства и права, профессор Университета Я.А.Коменского в Братиславе О.О.Марков; ботаник приват-доцент П.Ф.Миловидов, занимавшийся анализом ядра растительной клетки; почвовед, профессор Б.Н.Одинцов; специалист по вопросам грунтовых вод, проф. П.В.Отоцкий; известный математик Н.Е.Подтягин; славячовед, профессор Варшавского и Донского университетов, затем Бра-

тиславского университета им. Я.А.Коменского В.А.Погорелов; специалист по отечественной истории, государственному праву, культуре, приват-доцент РСУ в Праге, сотрудник Чешской Академии наук С.Г.Пушкарев; преподаватель Петербургского университета, затем РНУ, сотрудник РИО, Русского заграничного исторического архива В.В.Саханев; крупный авторитет в области механики, кораблестроения и аэронавтики, профессор петроградского Политехнического института А.П.Фан дер Флит; историк, юрист, преподаватель юридического факультета Петербургского университета, профессор РЮФ в Праге М.В.Шахматов; сотрудник ботанического института Брненского университета, занимавшийся исследованием чехословацкой флоры, Г.И.Ширяев и многие другие[36].

Русская академическая группа в ЧСР организовывала защиту диссертаций на соискание ученых степеней, проводила научные диспуты, принимала экзамены за курс историко-филологических факультетов российских университетов. Члены группы занимались преподаванием, читали лекции[37].

Среди культурных и просветительных учреждений - членов ОРЭО отметим Общестуденческий хор им. А.А.Архангельского как неизменного участника всех крупных культурных мероприятий российской эмиграции в Праге. В его репертуар входили старинные русские народные песни, в большинстве своем забытые на родине, произведения для хора из опер русских композиторов, а также духовная музыка, которая в СССР практически не исполнялась. В программах выступлений хора были церковные произведения А.А.Архангельского, Д.П.Бортнянского, А.Ф.Львова, П.Чеснокова. В начале 20-х годов хоровой коллектив насчитывал 120 человек, в 30-е годы он сократился до 46 хористов. В программке концерта, состоявшегося 6 июня 1930 г. в "Дни русской культуры", обозначены песни: "Как на речке братцы", "Разненастный день суббота", "Пойду ль я, выйду ль я", "Ах ты сердце, мое сердце" из оперы А.С.Даргомыжского "Русалка", "Песня девушек" из оперы П.И.Чайковского "Евгений Онегин", интродукция к опере М.И.Глинки "Жизнь за царя", а также дуэт Лизы и Полины из

оперы П.И.Чайковского "Пиковая дама" в исполнении солисток хора А.Н.Рышковой-Новиковой и Е.Н.Эверт. Хор издавал один из немногих русских музыкальных журналов за границей "Русский хоровой вестник"[38].

К этой же категории организаций относилось созданное С.М.Левицким и графиней С.В.Паниной в октябре 1925 г. Общество друзей "Русский очаг" с библиотекой и клубом-читальней. Деньги на это были специально выделены Т.Г.Масариком. В Обществе состояли 320 человек. Эта организация принимала деятельное участие в таких благотворительных и культурных начинаниях российских эмигрантов, как "Дни русского ребенка", "Дни русской культуры" и др.; в помещении "Русского очага" также проводились учебные занятия, семинары, лекции, музыкальные, литературные вечера, устраивались художественные выставки. Просуществовало общество до 1945 г. Возглавляла его работу С.В.Панина, а после ее отъезда в США в 1938 г. - А.З.Смирнов[39].

В ОРЭО входило издательское общество "Единство" в составе 99 человек. Оно издавало одноименную газету, в которой печатались статьи и материалы на русском и чешском языках[40].

Для защиты своих профессиональных интересов российские эмигранты объединялись в различные союзы и общества. В ОРЭО был включен Союз русских агрономов под председательством С.Е.Борисова, затем В.Э.Брунста и Г.М.Коджаспирова. В нем значилось 152 члена, 127 из которых проживали в ЧСР, а остальные в Парагвае, Прибалтийских государствах, Северной Америке, Германии, Франции, Румынии, Греции, Югославии, Бессарабии и Аргентине. Среди руководителей Союза агрономов были также П.А.Скачков и В.П.Клонов. В 30-е годы экономическое положение агрономов, как и других категорий бывших россиян, сильно ухудшилось. Около 30% из них не имели юридического права на труд. 40% членов Союза были вынуждены принять чехословацкое гражданство[41].

Членом ОРЭО был также Союз русских писателей и журналистов, созданный еще в октябре 1922 г. В списке по состоя-

нию на 1 марта 1939 г. в его составе числилось 76 человек. Возглавляли его П.А.Сорокин, С.В.Завадский, Н.М.Могилянский, Н.И.Астров, В.Ф.Булгаков, а затем С.И.Варшавский. Среди его членов были: профессор философии Карлова университета литературный критик, историк, в 1939-1945 гг. возглавлявший Институт Кондакова в Праге, Н.Е.Андреев (1908-1982), бывший главный инспектор Архивного управления в Москве, с 1925 г. заведующий документальным отделом РЗИА А.Ф.Изюмов, известный казачий деятель, председатель Большого Донского круга, член Государственной Думы 4-х созывов В.А.Харламов, поэт и инженер В.М.Лебедев, романист из Хуста В.Г.Федоров, профессор Петербургского университета, доктор международного права, бывший сенатор и член Государственного совета М.А.Таубе, уже упоминавшиеся А.Л.Бем, Н.В.Быстров, Д.Н.Вергун, С.О.Гессен, Е.Д.Кускова, И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Е.А.Ляцкий, С.С.Маслов, Д.И.Мейснер, М.М.Новиков, С.П.Постников, С.Н.Прокопович, П.Н.Савицкий, В.М.Шахматов и многие другие литераторы. До 1932 г. при Союзе работал и комитет по улучшению быта русских писателей и журналистов в ЧСР. В Праге жил и работал Вас.И.Немирович-Данченко (1844-1936), брат известного режиссера, прозаик, поэт, публицист, своего рода "русский Дюма", оставивший после себя колоссальное наследие - более 250 томов изданных произведений. На кладбище в Ольшанах похоронены писатель-реалист Е.Н.Чириков (1864-1932) и автор отмеченных тонким юмором произведений А.Т.Аверченко (1881-1925). В Праге часто бывали жившие в других странах русские писатели-эмигранты: И.С.Шмелев, А.М.Ремизов, Б.К.Зайцев, В.В.Набоков, М.А.Осоргин, с которыми Союз поддерживал тесные отношения. В октябре 1933 г. И.А.Бунин стал лауреатом Нобелевской премии. На годичном собрании Союза в декабре того же года обсуждался вопрос о приглашении его в Прагу и о чествовании всей русской колонией[42]. Союз устраивал литературные и литературно-музыкальные вечера по случаю юбилейных дат, организовывал совместно с Чешско-русской еднотой авторские литературные вечера, проводил

публичные диспуты, издавал литературный сборник "Ковчег" под редакцией бывшего секретаря Л.Н.Толстого В.Ф.Булгакова, С.В.Завадского и М.И.Цветаевой, одно время жившей в пригородах Праги. Союз взял на себя материальную и практическую помощь своим членам, организовав ссудную кассу, занимаясь охраной авторских прав, исходатайствованием стипендий, виз, льгот. Члены Союза поддерживали тесные связи с чехословацкой общественностью, а также сотрудничали в проведении культурных мероприятий с другими эмигрантскими учреждениями и обществами[43].

Наряду с другими профессиональными союзами в ОРЭО входило Объединение русских юристов, которое в середине 30-х годов насчитывало 93 члена. В то время его секретарем был В.А.Кузнецов, в руководство входили А.А.Вилков, В.Н.Стомпфе и Е.В.Тарабрин. Число безработных среди юристов было велико,экономическое положение - ниже среднего. Это была не единственная организация юристов. Кроме нее существовал Союз бывших российских судебных деятелей и русских юристов им.С.В.Завадского в составе 33 человек. В него входили С.И.Варшавский, В.Я.Гуревич, П.Д.Долгоруков, В.М.Краснов, М.М.Зайцев, С.Н.Николаев, П.И.Прокопович, Н.П.Савицкий, В.В.Сикорский, А.А.Станиславский и др. В 30-е годы около 30% русских юристов приняли чехословацкое гражданство. Юристы-эмигранты участвовали в международных конференциях и съездах, например, в состоявшемся в сентябре 1933 г. съезде славянских юристов в Братиславе и съезде судебных деятелей славянских государств.

В ЧСР существовало несколько профессиональных объединений инженеров. После революции Россию покинуло около 25% русских инженеров. Федерация русских инженеров за границей объединяла до 25 различных союзов русских инженеров, разбросанных по всему миру и вошедших во Всеславянский союз инженеров. Пражская группа Пршибрамского союза русских горных иженеров к 1935 г. насчитывала 14 человек. Старшим группы был К.К.Дорошенко. По сведениям, поступившим в ОРЭО непосредственно из Союза, экономи-

ческое положение русских горных инженеров в 30-е годы, в отличие от других категорий эмигрантов, существенно не изменилось. Около 40% из них не имели постоянной работы, а 25% не имели права на труд. Лишь один из них принял чехословацкое подданство[45].

Общество руских инженеров и техников в Чехословацкой республике существовало с мая 1921 г. Оно имело отделения в Пльзене и Братиславе. С 1923 г. оно входило в состав Общества Чешских иженеров как автономная русская секция. В самом начале общество взяло на себя заботы о получении разрешения от чехословацкого правительства на въезд в страну 250 русских студентов-техников и 700 студентов университетов, зачислении их в учебные заведения и предоставлении им материальной поддержки. Разрешение правительства ЧСР принять в Чехословакии до 1000 русских студентов было получено. На обращение о помощи откликнулись министры А.Швегла, Я.Шрамек, Й.Стржибрны, Г.Габрман и К.Крамарж, а кроме того председатель правления заводов Шкода инж. И.Шомунек, генеральный директор заводов Шкода д-р инж. Ф.И.Гануш, профессора Мареш, Колларж и др. Управление заводов Шкода пожертвовало 100 тыс. кр.ч. на дело помощи русским студентам. Общество поддерживало постоянную связь с чешскими промышленными и техническими кругами при содействии Торговой палаты Славянского Востока и Общества Чехословацких инженеров. Совместно с Земгором открыло училище, которое за 5 лет подготовило около 80 специалистов. Члены Общества изучали состояние экономики и техники в ЧСР, бывая на чехословацких предприятиях, экскурсиях, посещая выставки. Общество занималось поисками работы для своих членов и оказанием помощи безработным. Убедившись, что окончившие высшие учебные заведения русские инженеры не могут в будущем рассчитывать на применение их труда в пределах ЧСР, правление установило контакты с Обществом русских инженеров в США и имело информацию о спросе на технический труд в Америке, а также вошло в лице своих представителей в Объединенное бюро по приисканию работы тех-

никам при Русском Торгово-промышленном комитете в Праге. В 1926 г. из-за резкого сокращения размеров "русской акции" из ЧСР выехало: во Францию - 58 инженеров, в Южную Америку - 8, в Бельгию - 3, Югославию - 3, Канаду - 3, Болгарию - 2, Африку - 1, Грецию - 1, Албанию - 1, Румынию - 1 . Помощь в переезде в другие страны этим людям оказывало Общество. При участии художника Л.О.Трокала члены Общества разработали программу малярных курсов для студентов Русского Юридического факультета и лиц, окончивших этот факультет. Эти курсы при поддержке Земгора были открыты в июле 1925 г. Окончили курсы 64 человека. Многие из них получили удовлетворительный заработок как в ЧСР, так и за рубежом. Общество сотрудничало с Бюро деятелей средней и низшей школы и с комитетом по борьбе с туберкулезом при Обществе Русских врачей в ЧСР. В 1921 г. в Общество входило лишь 19 членов. К середине 20-х годов в нем насчитывалось около 200 человек, а в 1936 г. - уже около 400. По специальностям члены Общества делились на: инженеров-технологов, военных инженеров, инженеров путей сообщения, горных инженеров, инженеров-строителей, инженеров-химиков, архитекторов, электротехников и специалистов других профилей. При Обществе были открыты курсы чешского и английского языков, создана комиссия по исследованию вопроса "О влиянии НЭПА на промышленность России". Русские инженеры и техники участвовали в международном конгрессе по научной организации труда, проходившем в Праге в 1924 г., где проф. И.И.Лапшин делал доклад на тему "Философия изобретений", а также в состоявшемся в Варшаве в 1926 г. конгрессе Славянских инженеров. При обществе был создан радио-технический отдел. На регулярно проводившихся заседаниях делались научные доклады. От 5 до 15 стипендий в год от МИД ЧСР получали члены Общества, желавшие досконально изучить ту или иную отрасль чехословацкой промышленности. Председателем правления в середине 20-х годов являлся А.С.Лошмаков. О достаточно стесненном финансовом положении членов Общества в середине 30-х годов говорит поступившее от них предложение снизить

годовой взнос с 60 до 30 кр.ч.[46].

Отдельно существовало Объединение инженеров и абсольвентов электро-механического отделения. Вступить в Объединение мог любой русский эмигрант, имевший соответствующий образовательный ценз и получавший основные средства к существованию от преподавания в высших учебных заведениях. В середине 30-х годов в Праге проживало около 18 членов Объединения. Их экономическое положение по сравнению с предыдущим периодом в эти годы даже улучшилось в связи с возросшим спросом на инженерный труд, но все же оставалось неустойчивым из-за отсутствия общеэмигрантской благотворительной организации, которая могла бы оказывать материальную помощь временно потерявшим работу или трудоспособность[47].

Актеры-любители, полупрофессионалы и профессионалы различных трупп были объединены в Союз русских артистов, который в 1937 г. насчитывал 60 человек. Его секретарем был К.А.Арбатов, а среди членов такие извесные в эмиграции артисты, как Е.В.Кубаркина, П.С.Федоров, А.С.Федоров и др. Кроме того, в качестве самостоятельного члена в ОРЭО входила русская драматическая труппа в составе 11 человек, чреди них чета Макаевых С.С. и К.П., Л.Я.Сеттгофер (Аркадина), Т.Д.Шмидт (Попова), Н.В.Коренева, В.Е.Балдин, И.Л.Новосильцев, Ю.Д.Значковский, Н.Н.Дрейер, П.Е.Горянский и Л.Д.Яссирский[48].

Членами ОРЭО были также Союз русских педагогов средней и низшей школы, Педагогическое бюро и Объединение русских учительских организаций за границей с центром в Моравской Тршебове. Целью Союза было сплочение учительских сил, оказание моральной и материальной поддержки учителям, содействие в устройстве безработных на педагогическую службу, привлечение учителей к разработке теоретических проблем русской, и в частности, эмигрантской школы, установление тесных связей с чешскими учителями и правительственными учреждениями, а также контактов с русскими учителями в других странах. Председателем правления Союза был

В.Н.Светозаров, его заместителем - В.Т.Гонтарь. Просуществовал Союз с 1920 по 1935 гг. Членами союза могли стать лица, имевшие документы о педагогической деятельности и состоявшие на службе, не состоявшие на службе, но имевшие документы о педагогической деятельности в течение 3-х лет, а также люди, известные своей деятельностью по просвещению. Педагогическое бюро было создано несколько позже - в апреле 1923 г. для единого руководства воспитанием подрастающего поколения эмигрантов. Во главе его президиума стоял В.В.Зеньковский. В бюро входили представители эмигрантских школ Чехословакии, Англии, Франции, Бельгии, Болгарии, Германии и т.д. Оно вело активную деятельность. В 20-е годы при его участии были организованы и проведены два общепедагогических съезда, международный съезд по внешкольному образованию, а также совещание по борьбе с денационализацией детей. Представители бюро всегда оказывались среди организаторов "Дней русской культуры", "Дней русского ребенка", издавали отчеты об этих праздниках. Издательскую деятельность бюро с уверенностью можно назвать обширной: опубликована книга "Дети эмиграции", вышли в свет 11 номеров "Бюллетеня Педагогического бюро" и 42 номера "Информационного бюллетеня", регулярно (раз в две недели) выходил "Вестник Педагогического бюро", издано более 30 отдельных брошюр на педагогические темы. В 1933 г. бюро прекратило свое существование. Одновременно с педагогическим бюро на 1-м педагогическом съезде в Праге было создано и Объединение русских учительских организаций за границей. В задачи Объединения входили организация и учет педагогических кадров за границей, изучение условий жизни учителей и проведение мероприятий по их улучшению, ознакомление с постановкой учебного дела за рубежом и в России. При Объединении существовала касса взаимопомощи. Членами Объединения были учительские союзы, общества, группы (в каждой насчитывалось не менее 10 человек). К концу 1927 г. в Объединение входили русские учительские организации Англии, Болгарии, Германии, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии и Эстонии. В том же году

была издана книга "Русский учитель в эмиграции" с отчетом о деятельности Объединения за четыре года. Просуществовало оно до 1931 г., участвуя в международных педагогических конгрессах, осуществляя объединение местных учительских сил для трудоустройства по специальности безработных, а также занимаясь рассылкой журналов "Русская школа за рубежом" и "Бюллетеня Педагогического бюро"[49].

В 1923 г. в Чехословацкой республике было основано Общество русских врачей. Во главе Общества стояли знаток в области хирургии Ф.Ф.Никишин, Г.Я.Трошин, чьи научные статьи по вопросам невропатологии были хорошо известны специалистам, а также С.А.Острогорский. Секретарем правления был К.Г.Кухлинский. Общество издавало специальный журнал "Русский врач в ЧСР" и объединяло около 70 врачей. На заседаниях общества, проходивших ежемесячно, заслушивались научные доклады практически по всем медицинским специальностям. Члены Общества изучали состояние медицины в Советской России, собирали сведения о вакантных местах по странам, помогали переезжающим с визами и рекомендациями. Кроме того, Общество оказывало материальную поддержку нуждающимся членам, поддерживало контакты с медиками в других странах. В 1927 г. Общество вошло в Общеславянский союз врачей, а в мае следующего года приняло активное участие в общеэмигрантском съезде русских врачей[50].

Интересам и нуждам людей, связанных с сельскохозяйственным трудом, служила так называемая Административная комиссия русских земледельцев при Чехословацком земледельческом союзе (едноте). Председателем едноты являлся депутат А.Прокупек, а Административную комиссию возглавлял генерал Г.И.Долгопятов, секретарем был И.И.Золотарев. Разрешение на ее создание было дано чехословацким правительством в феврале 1922 г. Комиссия занималась расселением и устройством на работу в сельском хозяйстве вновь прибывших эмигрантов, в основном казаков. Кроме того, беженцам из России предоставлялась возможность получить сельскохозяйственное или иное профессиональное образование. Специаль-

но для этого комиссией были созданы сельскохозяйственные курсы машиноведения. К концу 20-х годов два выпуска, по 65 человек в каждом, окончили их. Только в Подкарпатской Руси в 1931 г. существовало 168 русских сельскохозяйственных школ[51]. Административная комиссия осуществляла издание специального журнала "Хутор" (затем - "Хозяин"), проводила ежегодные съезды русских земледельцев, организовывала экскурсии, выставки, лекции. На местах работали районные доверенные Административной комиссии, которые поддерживали тесные контакты с центром и окрестными филиалами Земледельческой едноты[52]. Комиссия просуществовала до 1942 г., с ней сотрудничали многие русские земледельческие организации. Среди них Союз русских агрономов, лесоводов и ветеринаров, с 1925 г. руководимый В.Э.Брунстом, Российская земледельческая группа во главе с проф. И.В.Емельяновым, Союз земледельческой молодежи, возглавляемый инженером С.И.Ершовым. В ОРЭО также входили организация Русский земледелец в составе 180 человек и Русский крестьянский союз во главе с Донченко и Магеровским. С 18 по 24 апреля 1924 г. в Праге проходил съезд деятелей сельского хозяйства, подготовленный и созванный специальным организационным бюро[53].

Членами ОРЭО являлся и ряд студенческих организаций, существовавших в ЧСР и создавших на 1-м общестуденческом эмигрантском съезде в Праге в октябре 1921 г. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО). Позднее ОРЭСО провело еще два студенческих съезда в Праге и один - в Париже. В него входили 37 студенческих союзов из различных стран. В течение нескольких лет в его руководство входил Д.И.Мейснер[54]. Первым председателем ОРЭСО был П.В.Врезков, затем - Б.Н.Неандер[54]. Объединение занималось выяснением числа бывших студентов российских вузов за границей, перемещением студентов из мало культурных стран в места, дающие возможность закончить образование или найти оплачиваемую работу, изыскиванием средств для помощи учащимся, улучшением правового

положения студентов, культурно-просветительной деятельностью и организацией взаимопомощи в их среде, сближением с иностранным студенчеством, сбором информации по истории эмигрантского студенчества, а также представительствовало в общеэмигрантских оранизациях. Большая часть русских студентов-эмигрантов была сосредоточена в Чехословакии, Франции, Сербии и США. К началу 30-х годов около 8 тыс. из них закончили образование. ОРЭСО вело работу по нострификации дипломов, издавало журнал "Студенческие года" (позже "Годы"), свой информационный бюллетень, рассылавшийся бесплатно, снабжало студентов литературой. В 1923 г. ОРЭСО стало свободным членом Совета международной студенческой конференции (СМСК), участвуя в международных студенческих форумах, съездах международной студенческой взаимопомощи, а также во Всеславянском студенческом съезде в Праге. С 1927 г. русский язык стал 4-м среди употребляемых в СМСК языков. В конце 20-х годов в состав ОРЭСО входили: 1) Союз русских студентов (СРС), имевший филиалы в Брно и Пршибраме и объединявший в основном студентов-галлиполийцев; 2) Русский студенческий союз (РСС), выделившийся из СРС в 1922 г. и имевшй в своих рядах большинство демократически настроенной молодежи; 3) Русский демократический студенческий союз республиканско-демократического направления, в свою очередь выделившися из РСС и издававший ежемесячник "Своими путями"; 4) Общеказачья студенческая станица с филиалами в Брно, Пршибраме и Братиславе; 5) Русский демократический студенческий союз в Брно и 6) Союз студентов русской национальности из Галичины и Буковины "Червонная Русь"[55].

ОРЭСО действовало до конца 1934 г. Кроме него в ОРЭО входил Главный совет русского эмигрантского студенчества во главе с А.А.Хитьковым и Бюро студенческих секций (БСС). Последнее представляло собой профессиональное объединение студентов: в нем было деление на секции по специальностям, старосты которых составляли Бюро с президиумом из 3-4 человек. БСС объединяло всех студентов-стипен-

диатов и старалось оказывать поддержку нестипендиатам, добившись для них в 1926-1927 гг. ежемесячного пособия в 200 кр.ч. Студенческая стипендия в этот период составляла 450 кр.ч, тогда как прожиточный минимум в ЧСР равнялся 700 кр.ч. Именно поэтому около 1 тыс. студентов находились на иждивении Комитета помощи студентам. Так как средства, отпускаемые чехословацким правительством в конце 20 - начале 30-х годов, резко сократились, налицо тенденция к объединению разрозненных студенческих организаций эмигрантов: в 1927 г. РСР объединился с БСС, а в 1931 г. - с РДСС[56]. В 1928 г. был создан Особый фонд помощи русским студентам под председательством В.Сазонова. Однако через полгода фонд располагал всего лишь 17200 кр.ч. Крайне ухудшилась обстановка летом 1931 г., когда большинство студентов разъехались на летние работы, и было объявлено о полном прекращении выплаты стипендий студентам-эмигрантам. В этот момент лишь 250 студентов оставались на иждивении чехословацкого правительства, из них 167 - в Праге, 48 - в Брно, 30 - в Пршибраме и 5 - в Братиславе. Студенческие организации совместно с ОРЭО обратились к президенту ЧСР Т.Г.Масарику, его жене, правительству, общественным организациям с просьбой поддержать студентов. Через МИД ЧСР были выделены средства, достаточные для того, чтобы 75 наиболее талантливых студентов смогли закончить образование[57].

Трудным было и положение уже окончивших вузы в Чехословакии. Для защиты своих интересов они образовали Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР (ОРОВУЗ). В состав первого правления входили Б.И.Виницкий, И.Т.Воротынцев, А.А.Старов, А.А.Змиев, Н.Н.Лазаревский, П.В.Гончаров и К.П.Никитин. Позднее председателем правления был избран В.А.Кузнецов. Объединение занималось поисками работы по специальности в ЧСР и за ее пределами, а также любого посильного труда для безработных, оказывало им материальную поддержку. Кроме того, оно способствовало получению права на въезд в страны с лучшей конъюнктурой рынка труда, обучало лиц с гуманитарным образованием при-

кладным знаниям и ремеслам, на которые имелся спрос, предоставляло правовую помощь членам ОРОВУЗа. Работало Объединение, тесно сотрудничая с Чехословацким Красным Крестом и Земгором. В 1925 г. в списке Объединения было 1 346 докторов и инженеров, 734 из которых выехали в другие страны, 382 нашли работу по специальности. 80% лиц с гуманитарным дипломом обучились ремеслу на различных курсах Земгора: малярных, электромонтажных, водительских, кройки и шитья, переплетных и др. В Объединение входили женский, казачий и юридический отделы[58]. В начале 30-х годов в связи с сильным увеличением безработицы возникло стремление к переселению в далекие экзотические страны: был создан специальный Союз русских эмигрантов по переселению в Южную Америку. В апреле 1931 г. правление ОРОВУЗа устраивало на работу в Сирии инженеров-землемеров и специалистов по лесному хозяйству[59]. Бюро по трудоустройству Объединения не отказывалось от попыток трудоустроить своих членов в Чехословакии: через эмигрантские издания на работу в этот период приглашались в Подкарпатскую Русь инженеры, агрономы, архитекторы[60].

В ОРЭО входило и несколько организаций, созданных бывшими военными и казаками. К их числу относилось Галлиполийское землячество, учрежденное в Праге в 1921 г. Ее первыми председателями были генералы В.Харжевский и Н.А.Ходорович. В 30-е годы в Чехословакии проживало около 200 его членов. В этот период его возглавлял Г.А.Орлов. Костяк землячества составляли бывшие офицеры и солдаты армии Врангеля, эвакуированные в 1920 г. из Крыма в Галлиполи. (В 1934 г. организация была формально распущена и вскоре восстановлена под названием Галлиполийский союз). Личное покровительство этой организации оказывала чета Крамарж[61]. Второй крупной организацией военных, входивших в ОРЭО, был Общевоинский союз во главе с полковником Н.А.Бигаевым. В 30-е годы его списочный состав состоял из 78 человек. Общее руководство этими организациями осуществлялось из Парижа. По разным странам в их рядах состояли тысячи людей.

Правда, как замечал в своих воспоминаниях Д.И.Мейснер, далеко не все члены этих объединений интересовались вопросами политики и были готовы к борьбе с советским строем. Большая часть этих людей жила повседневными заботами, исправно внося лишь членские взносы[62]. Членом ОРЭО с 1932 по 1935 гг. был Русский союз участников Великой войны (в составе 134 человек) во главе с полковником Д.Л.Черкесом и его заместителями подполковником В.Ф.Бутенко и полковником А.А.Хитьковым. При Союзе существовал Дамский кружок участниц Великой войны. Членом Объединения стало и Общество взаимопомощи участников 1-го Кубанского похода. В него входило 47 человек, возлавлял его С.Федоров. ОРЭО включало в себя также Русский воинский союз под началом В.Ф.Бутенко, существовавший с 1932 по 1944 г. и насчитывавший в своих рядах 74 человека (высшее его руководство находилось в Берлине); Кают-кампанию, объединявшую морских офицеров во главе с М.С.Стахевичем и А.А.Станиславским (28 человек), в 1928-1942 гг. общество издавало "Морской журнал". С 1925 по 1929 г. в ЧСР действовал Брненский отдел морского кружка "Звено", имевший центр в Нью-Йорке. Кроме того, в Объединение русских эмигрантских организаций входили группа инвалидов-комбатантов, среди членов которой были генерал-лейтенант Чумаков, генерал-майор Абрамов, полковники Н.А.Бигаев и М.А.Ковалев; Русский союз военных инвалидов, во главе которого стояли генералы М.Г.Михеев, затем Шиллинг. К началу 30-х годов по всем странам насчитывалось более 6 тыс. русских инвалидов войны, влачивших полунищенское существование. Казачьи организации в ОРЭО были представлены весьма широко. Назовем некоторые из них - Общеказачью станицу в ЧСР (115 человек), атаманом которой был Ф.И.Бардин; Союз возрождения казачества, просуществовавший до 1940 г.; Общеказачий сельскохозяйственный союз, возникший в Праге в 1923 г. под руководством В.И. Сидорина, В.А.Харламова, ведавший проблемами расселения казаков на отведенных землях и распределением среди них материальной помощи чехословацкого правительства; чехословацкий отдел Казачьего союза;

Союз кубанцев; Донскую казачью станицу имени атамана графа М.Н.Грабье, под руководством есаула Д.А.Попкова; Общеказачью студенческую станицу; Донской казачий хор имени атамана Платова и Донской казачий архив. В нем хранились материалы, относившиеся к истории казаков Войска Донского по преимуществу времен революции и гражданской войны 1917-1919 гг. В декабре 1919 г. архив был эвакуирован из Новочеркасска в Екатеринодар, оттуда его вывезли в Константинополь, затем в Белград. В 1925 г. Донской архив был переведен в Прагу, а в следующем году к нему присоединили архив Штаба Донского корпуса, сохраненный его командиром генералом Абрамовым. Заведовал архивом П.А.Скачков. Большую помощь архивохранилищу оказал директор Национального музея в Праге доктор Т.А.Сатурник. На архивных материалах были изданы сборники "Донская летопись", книга С.Г.Сватикова "Россия и Дон" и "Казаки в Чаталдисе и на Лемносе"[63]. Казачьи организации имели свои печатные органы: Общеказацкий сельскохозяйственный союз издавал журнал под редакцией В.А.Харламова "Казачий путь" (с 1927 г. "Путь казачества"), Совет казачьего центра Союза младороссов - независимую ежемесячную газету "Казачий набат" под редакцией полковника Г.И.Чапчикова, органом казачьего национального центра была газета "Казачье единство", а органом ЦК Союза возрождения казачества - издаваемая Б.Н.Улановым газета "Казачья лава". Кроме того выходили бюллетени: временного правления Общеказацкого сельскохозяйственного союза, временного центрального правления Большого казачества (в Братиславе), Союза единства казачества, центрального правления казаков-националистов (Братислава), литературно-политический журнал "Вольное казачество" (1927-1933 гг.) - орган движения "Вольное казачество", выступавшего за независимое казацкое государство, "Вестник Общеказацкого сельскохозяйственного союза в ЧСР" и др.

"Русский Красный Крест", кроме благотворительной помощи, предоставлял эмигрантам медицинское обслуживание. Членом ОРЭО стал Комитет по борьбе с туберкулезом, бичом

малоимущих студентов. С конца 20-х годов Комитет занимался утройством ежегодной летней колонии отдыха для больных студентов на Шумаве в Чахрове. Комитет изыскивал средства, чтобы нуждавшиеся могли провести 2 месяца в амбулаторных условиях и поддержать свое здоровье.

Православные службы проходили в храме св. Николая в Праге. В приходской совет храма в 1939 г. входил 21 человек. Председателем его был епископ Сергей. Среди членов совета - архимандрит Исаакий, священник М.Васнецов, иеродьякон о.Прокопий, псаломщик Н.М.Масальский, церковный староста и представитель совета в ОРЭО А.П.Волоцкой, а также профессора Д.Н.Вергун, А.С.Лошмаков и Н.О.Лосский, инженер А.Ф.Новицкий, В.Т.Рафальский и др. По инициативе приходского совета устраивались благотворительные концерты для сбора средств на оказание помощи больным и бедным прихожанам.

Братство по погребению православных русских граждан и охране их могил в Чехословакии включало в себя в марте 1939 г. 230 человек. Его секретарь М.С.Стахевич представлял эту организацию в ОРЭО.

При Объединении русских эмигрантских студенческих организаций было образовано общественно-спортивное общество Русский сокол. Традиции сокольства в ЧСР были очень сильны. Создателями сокольской идеи считаются два выдающихся человека: доктор философии М.Тырш и И.Фюгнер, сформировавшие первую организацию Сокол в 1862 г. Сокольская идея означала телесное и нравственное совершенствование человека во имя достижения истинной свободы и вольности, проявления своеобразия национального характера. Для достижения этого сокольство проповедовало отказ от грубого эгоизма, подчинение интересов меньшинства интересам большинства, стремление к прогрессу и усовершенствованию, провозглашало добродетелью активность, заботу о здоровье, умеренность, силу, самообразование, благородство и самопожертвование, точность, придерживалось принципов равенства, братства, любви к родине. Средством к осуществлению

заявленных целей считались занятия спортом, в частности гимнастикой, ведение нравственной организованной жизни, соблюдение дисциплины, создание объединений единомышленников[64]. В ОРЭО входил в середине 30-х годов Русский Сокол "Прага 1", состоявший из 110 человек, и Русская Сокольская Матица в составе 50 человек. На торжественном собрании по случаю 10-летнего юбилея Русского Сокола выступили его староста Л.Ф.Магеровский и секретарь Общества Н.Ф.Монвиж-Монтвид. Во время празднества новые "соколы" и "соколки" приняли присягу. Состоялся показ занятий в гимнастическом зале под руководством А.И.Ефанова и Я.В.Амброж[65]. В мае 1931 г. состоялся съезд русского сокольства в ЧСР под председательством А.А.Хитькова, на котором был принят устав для краевых сокольских союзов в Чехословакии.

Как видно из приведенных выше материалов, деятельность самого ОРЭО и входивших в него организаций была весьма разнообразна и многопланова. Благодаря ей удовлетворялись материальные и духовные запросы россиян, проживавших в Чехословацкой республике, поддерживались научные и профессиональные связи, осуществлялось воспитание и обучение подрастающего поколения эмигрантов, ширились культурные контакты с народами Чехословакии и других стран. Тем не менее ОРЭО не смогло объединить всю российскую эмиграцию, время от времени слышались жалобы на ее распыленность. Всего в начале 30-х годов в ЧСР существовало 67 русских эмигрантских организаций, и лишь 28 из них в то время входили в состав Объединения.

2. Эмигрантские организации, не входившие в ОРЭО

К сожалению, о более мелких кружках и союзах, непосредственно не входивших в ОРЭО, сохранилось не так много сведений. Из научных учреждений прежде всего назовем Философское общество, которое вело в ЧСР активную

деятельность. Возникло оно в конце 1924 г. как отделение Общества русской философии, основанного в 1922 г. в Берлине. В 1926 г. оно слилось с РНУ. Его задачей было способствовать научному общению философов различных специальностей и популяризировать философские знания. К 1928 г. в Обществе состояли 29 действительных членов, из которых 17 жили в Чехословакии, остальные - в других странах. В его правление входили Н.О.Лосский, С.И.Гессен*, Д.И.Чижевский, И.И.Лапшин, Г.В.Флоровский. За первые три с половиной года работы Общества состоялось 52 заседания, на которых заслушано 65 научных докладов по истории философских течений, проблемам теории философии, логике, научной методологии, этике, психологии, педагогике. Было опубликовано 19 работ. С начала 1930-х годов Общество собиралось на заседания практически еженедельно. Так, 11 мая 1931 г. состоялся доклад доктора Р.Плетнева "Философские предпосылки в истории литературы", а 18 мая выступление приват-доцента Д.И.Чижевского на тему "Из истории мистической символики"[66].

При Институте изучения России был создан Сибирский отдел Общества сибиряков в ЧСР. Само общество возникло в 1926 г. по инициативе выходцев из Сибири, проживавших в Чехословакии, и чешских легионеров. Целью его было их объединение, обслуживание материальных и культурных запросов, а также распространение среди чехословацкой общественности знаний о Сибири, ее природных богатствах, состоянии экономики, истории. Задачей отдела была систематизация и обработка информации о Сибири, комплектование библиотеки по сибиреведению, организация лекторской работы, издание научных трудов, консультации по вопросам хозяйства и быта народов Сибири. Выпускался бюллетень и общественно-экономический сборник под названием "Вольная Сибирь". Первый выпуск сборника был посвящен памяти известного исследователя Центральной Азии и Сибири Г.Н.Потанина, его политическим взглядам, научной и общественной

---

* С.И.Гессен (1887-1950) - философ, педагог.

деятельности. Второй - Февральской революции в Сибири. Руководил Сибирским отделом член правления Общества сибиряков И.А.Якушев.

В 1927 г. в ЧСР было создано Общество участников волжского движения 1918 г. Его целью помимо оказания всякого рода помощи бывшим участникам было собирание и издание работ и материалов о движении. Членами его являлись как русские эмигранты, так и чехословацкие легионеры. Руководили Обществом генерал С.Чечек, И.М.Брушвит, полковник Р.Медек, И.П.Нестеров и П.Д.Климушкин. К 10-летию совместной борьбы русских и чехов на Волге Обществом организовывались доклады, завершено описание архива Комуча и составлена библиография о движении, в журнале "Воля России" печатались статьи о нем.

В 1923 г. в Чехословацкой республике возник Комитет русской книги. Он занимался устройством в Праге книжных выставок русской книги и литературы о России на различных европейских языках, прежде всего чешском, и русскоязычной книжной продукции, переведенной на чешский язык, а также разработкой библиографических материалов о книгах на русском языке, вышедших после 1914 г. в России и за ее пределами. Органами комитета были: общее собрание, состоявшее из представителей всех культурно-просветительских эмигрантских организаций, интересующихся русской книгой, президиум и комиссии. На первом заседании комитета собрались представители около 40 таких организаций. В состав президиума входили проф. Й.Поливка и А.В.Флоровский. В комитете работали две комиссии: выставочная и библиографическая. Несмотря на то, что комитет просуществовал всего около двух лет, он проделал немало: в июле 1924 г. в Праге прошла выставка русской книги, изданной за рубежом, в которой приняли участие почти все зарубежные русские издательства. Было выставлено около 3000 книг и около 600 периодических изданий - газет и журналов. Ко дню открытия выставки вышли в свет "Труды комитета русской книги" с обзором русской литературы, опубликованной за границей в 1918-1924 гг.

В 1923 г. в Праге был создан Русский теософический кружок, который проповедовал идею братства всех людей и полную свободу религиозных убеждений. Его задачей было изучение и сравнительный анализ религий мира с целью доказательства их единства, а также познание скрытых сил человеческой природы для достижения идеала - самосовершенствования во имя любви и служения всему живому. Заседания кружка проходили по пятницам в помещении Русского очага. Председательницей кружка была П.В.Азанчевская.

В начале 20-х годов в Чехословакии возник Русский христианский студенческий кружок. В 1923 г. в Пршерове прошел русский зарубежный религиозный студенческий съезд, который знаменовал организационное начало Русского христианского студенческого движения (РХСД). Общее руководство движением осуществлялось постоянно действовавшим секретариатом из Парижа, а в Чехословакии проводились ежегодные летние съезды его участников, и в 1923-1924 гг. выходил журнал "Духовный мир студенчества", где сотрудничали выдающиеся религиозные мыслители эмиграции Н.А.Бердяев и С.Н.Булгаков. РХСД устраивало богослужения, организовывало занятия с детьми в детских садах и воскресных школах, посещения больных, лекции, беседы, а также распространяло религиозную литературу. К концу 20-х годов в движении активно участвовало около 150 человек, живших в ЧСР.

Касаясь истории образовательных эмигрантских учреждений в Чехословакии, необходимо остановиться на работе Комитета по обеспечению образования русских и украинских студентов, оказавшихся в республике. Комитет организовывал общежития, канцелярию, склады, кухни. Через него поступала основная помощь студентам. Кроме обеспечения жильем Комитет брал на себя выдачу стипендий, учебных пособий, продуктов питания и одежды. Так, на год студенту выдавался полный комплект одежды: пальто, костюм, шляпа, пара ботинок, 6 пар носков и 6 носовых платков. Комитет контролировал и стимулировал учебные успехи студентов - 3 раза в год собиралась

специальная комиссия, которая штрафовала неуспевающих снижением стипендии. Существовала комитетская библиотека учебников и пособий, включавшая около 300 тыс. томов для русской секции и около 7 тыс. книг - для украинской. Комитет заботился и о так называемых "инородцах", т.е. студентах грузинской, армянской, калмыцкой и других национальностей. Он предоставлял студентам медицинскую помощь, оказывал содействие туберкулезным больным в прохождении курса лечения в санаториях, организовывал летние колонии отдыха в лесных и горных районах Чехословакии. При комитете существовал Совет профессоров, который оказывал материальную помощь российским ученым и научным работникам. Причем размер регулярной государственной помощи российским профессорам и членам Российской Академии наук равнялся окладам гос.чиновников 6-го и 7-го класса, внештатным профессорам и доцентам - 8 класса, а научным работникам и аспирантам - окладу чиновников 9-го класса. Кроме того, Совет занимался изданием трудов ученых, подготовкой научных кадров и осуществлял педагогическую деятельность среди студентов. К концу 20-х годов Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов прекратил свою деятельность, а профессора вследствие закрытия многих русских учебных заведений перешли в чехословацкие вузы: в Пражском Карловом университете стали преподавать В.А.Францев, Н.Л.Окунев и В.С.Ильин, в Горном институте в Пшибраме - А.И.Глазунов и А.У.Митинский, проф.А.С.Лошмаков - в Пражском политехникуме, проф. Погорелов - в Университете имени Коменского в Братиславе, проф.С.Г.Вилинский в Масариковом университете в Брно[67].

Кроме упоминавшихся выше учебных заведений, в ЧСР действовал Русский институт сельскохозяйственной кооперации. Он был создан в 1922 г. на базе русских кооперативных и сельскохозяйственных курсов в Праге. Средства на содержание иститута поступали сначала от русских кооперативных организаций за границей, а затем от Министерства иностранных дел Чехословацкой республики. До 1927 г. в институте было

лишь одно кооперативное отделение. Затем правление вуза получило разрешение правительства на расширение деятельности: были открыты два новых отделения - коммерческое и сельскохозяйственное. Это вызвало необходимость приглашения в состав учебной коллегии специалистов и профессоров из Русской академической группы в Праге. Директором института был С.В.Маракуев. В институте преподавали В.Э.Брунст, В.П.Родионов. В начале 30-х годов в связи с уменьшением субсидий был сокращен, а затем полностью прекращен прием новых слушателей. В конце 1935 г. по распоряжению министерства земледелия ЧСР Русский институт сельскохозяйственной кооперации был закрыт[68]. Вместо него были созданы заочные кооперативные курсы.

В 20-е годы выходили научные записки института под названием "Кооперация и сельское хозяйство". Всего вышло 6 книг, общим объемом более 30 печатных листов. Институт опубликовал "Труды" 1-го съезда русских деятелей сельского хозяйства, состоявшегося в Праге в апреле 1924 г. Были изданы следующие книги: А.Н.Анциферов. Кооперативный кредит и кооперативные банки; В.Бензем. Сельское хозяйство и кооперация в Северной Америке; С.В.Бородаевский. История кооперативных кредитов; И.В.Емельянов. Кооперативные организации среди земледельцев; В.И.Исаев, Сельскохозяйственная психология и товароведение; Н.П.Малицкий. Кооперативное законодательство; В.Ф.Тотолшанц. Теория кооперации и др.[69].

В рассказе о культурно-просветительных организациях и кружках, безусловно, следует упомянуть активную деятельность Чешско-русского общества (Чешско-Русской едноты), особенно в самом начале 20-х годов, еще до создания большинства русских эмигрантских культурных учреждений. Общество было основано в апреле 1919 г. с целью развития чехословацко-русской взаимности, изучения российской жизни во всех ее появлениях и углубления знаний о ней в чехословацком народе, ознакомления русской колонии с жизнью чехов и словаков"[70]. С 1923 г. чехословацкое правительство оказывало Обществу материальную поддержку. Ежегодно избираемое

правление работало безвозмездно. В 1920 г. при Чешско-русском обществе была открыта Русская библиотека, которую можно было посещать по средам и пятницам, а читальню при ней - ежедневно. В библиотеке, укомплектованной книгами из лагерей военнопленных, в 1928 г. насчитывалось около 6 тыс. томов и были собраны все выходившие за рубежом русские газеты. Первым председателем правления был Р.Таборский, после него - Й.Поливка, заместителями - А.Курц и Е.А.Ляцкий. В 20-е годы Обществом было организовано свыше 600 вечеров (литературных и музыкальных), лекций, докладов и диспутов. Публичные лекции читались (на русском языке) по истории литературы, философии, социологии, педагогике, истории, народному хозяйству, религии, филологии, искусству. Каждый вторник устраивались "Русские вечера". В программе вечеров были любительские спектакли, концерты, чаепития, танцы. Литературные вечера были посвящены русским и чешским писателям. Многие из них устраивались совместно с Союзом русских писателей и журналистов и РНУ. В музыкальных вечерах участвовали оперные артисты М.Вронская, Э.Брокешова, Е.де-Волько, Н.Ф.Вирен-Райманова, Н.Л.Варенова, К.Весела, К.Воронцев, М.Градцова, М.Германова, И.Давид, а также Чешская филармония, ансамбль балалаечников, русский хор. В 1926 г. при Едноте образовалась Педагогическая секция под председательством проф. Ф.Ф.Лакомого. Ее целью была пропаганда введения русского языка в средних школах, помощь русским педагогам, организация и руководство курсами русского и чешского языков, забота о нуждах русской молодежи. Благодаря активной деятельности секции, обучение русскому языку было введено в 17 средних учебных заведениях Чехословакии, были созданы курсы русского языка и литературы для чехов (для начинающих и продолжающих изучение) и курсы чешского языка для русских. При Обществе работал театральный кружок. Еднота имела отделения в Брно, Кладно, Ческом Болеславе, Будеевицах, Колине. По пятницам в Японском зале отеля Беранек собирался клуб Чешско-русской едноты.

С 1920 по 1937 г. в Праге под руководством Л.Ф.Меге-

ровского действовало телеграфное агентство "Руссунион", поддерживая чешско-русские связи[71].

В 30-е годы в Праге развернуло свою деятельность и Чешско-русское общество "Мир" под председательством И.И.Золотарева. Общество опекало детей эмигрантов: в 1933 г. при содействии министерства здравоохранения им были организованы три детские летние колонии, в которых отдохнули 78 детей. Оно регулярно проводило музыкальные вечера с участием оперных певцов В.Левицкого, Я.Тетеревятникова, танцоров И. и М.Бондаренко, а также чешских исполнителей[72]. В середине 30-х годов при Обществе возникла Оперная труппа.

Музыкально-театральная жизнь Праги и провинции была необычайно богата. На пражских сценах танцевали О.Преображенская, М.Ксешинская, Т.Карсавина. На гастроли в ЧСР приезжали коллективы "Романтический балет" и "Русский балет" С.П.Дягилева. Наряду с прославленными исполнителями (музыканты, певцы, танцоры, актеры) и режиссерами в театральных и концертных афишах того времени находим имена, совершенно теперь нам не известные, но, по отзывам в прессе, очень популярные у эмигрантов и имевшие громкий успех у публики. Е.Никольская и Р.Ремиславский основали в Праге балетную школу. На концертах и музыкальных вечерах нередким гостем был чешско-русский квартет Н.Е.Штейна. В Чехословакии жили и работали два ученика М.А.Балакирева Ф.С.Акименко и С.А.Траилин. Свои произведения исполняли на концертах молодые композиторы А.И.Подашевский и А.П.Ваулин. В Праге гастролировали солистки Парижской (О.П.Германова) и Миланской (А.П.Свечинская) оперы. Певица Е.де-Волько создала в Чехословакии собственную школу и выступала вместе со своими учениками[73]. Бывший артист Императорской Петербургской оперы А.Д.Александрович, приезжая из Парижа, концертировал с оркестром Чешской филармонии под управлением В.Талиха. Кроме уже упоминавшихся хоров А.А.Архангельского и Донского казачьего имени атамана Платова, большим успехом пользовались хоры А.Т.Гречанинова, В.Ф.Кибальчича, Вебера и Н.Л.Вареновой[74]. Прага рукоплескала

талантливым актерам Е.А.Полевицкой, Е.Н.Рощиной-Инсаровой, Ю.П.Загребальскому, А.А.Мурскому. Режиссер Г.В.Серов на сценах чешских театров поставил спектакли "Ревизор" и "Горячее сердце". В народном театре режиссером Савостьяновым была осуществлена постановка оперы "Садко". Певец и режиссер Л.Лабер работал на сцене Немецкого театра в Праге[75].

Жившие в Праге и ее окрестностях русские художники и графики принимали участие в экспозициях чешских коллег и организовывали собственные. Несколько раз гостил в Чехословакии И.Е.Репин, выставки произведений которого (совместно с работами его сына Ю.Репина и В.Леви) проходили в Праге в 1923, 1925 и 1928 гг. На выставке, устроенной в 1924 г. известным искусствоведом С.К.Маковским в помещении Художественно-промышленного музея, экспонировались рисунки А.Бенуа, И.Я.Билибина, Л.Бакста, М.Добужинского, С.Чехонина, Е.Нарбута. Пражане и гости чехословацкой столицы имели возможность посетить персональные выставки графика Н.В.Зарецкого и пейзажиста В.Григорьева. В 1927 г. внимание знатоков и ценителей изобразительного искусства было привлечено к экспозиции произведений Г.А.Мусатова и И.Я.Билибина. В Чехословацкой республике жили и работали художники различной специализации: театральные костюмеры и декораторы, книжные иллюстраторы, каррикатуристы, мастера иконописи. В художественных выставках участвовал скульптор А.Головин. Большую помощь в организации выставок художникам и скульпторам оказывали такие объединения, как Общество славянских художников "Скифы", пражская организация обществ Русский кустарь, Умелецка беседа, Манес и др. Архитектором В.А.Брандтом и его помощниками Н.П.Пашковским и С.Г.Клодтом был разработан и осуществлен проект часовни-усыпальницы на Ольшанском кладбище. Они же являлись авторами проектов строительства барского дома со службами К.Крамаржа в Высоке-над-езеро, а также архитектурной обработки набережной водохранилища в Индржиховицах. Известен также проект храма в Ужгороде К.М.Каткова[76].

Во второй половине 20-х годов активную деятельность

развернули литературные объединения и кружки. Одним из них был так называемый "Скит поэтов", образованный молодыми поэтами под руководством А.Л.Бема в 1922 г. Совместно с Союзом русских писателей и журналистов им регулярно устраивались вечера, где с чтением стихов и прозы выступали В.М.Лебедев, А.С.Головина, С.М.Рафальский, А.А.Туринцев, А.В.Эйснер, А.А.Воеводин, В.В.Морковин, Б.К.Семенов, В.Г.Федоров, Д.Ю.Кубяков, Т.Д.Ратгауз, Э.К.Чегринцева, И.И.Тидеман, Н.Болесцис, Е.Цегоева, Н.Е.Андреев, В.Мансветов и др.[77]. Несколько позднее, в 1924 г., появился литературный кружок "Далиборка", получивший свое название от кафе на Летне, где первое время проходили встречи участников кружка. Основали его четверо писателей: С.К.Маковский, Д.Н.Крачковский, В.А.Амфитеатров-Кадашев и П.А.Кожевников. Во время встреч литераторов читались новые художественные произведения, переводы чешской литературы на русский язык и доклады на литературные темы. В работе кружка принимали участие М.В.Гримм, В.Г.Ергушов, К.А.Чхеидзе, А.В.Эйснер, Г.Н.Гарин-Михайловский. Члены "Скита поэтов" и "Далиборки" встречались на вечерах, устраиваемых обычно по вторникам несколько раз в месяц редакцией "Воли России". Широкой популярностью в середине 20-х годов пользовались литературно-музыкальные собрания эмигрантов в живописном городке Збраславе близ Праги, так называемые "Збраславские пятницы". В окрестностях Праги, где жили многие эмигранты, действовали также Вшенорско-мокропсинский русский клуб, кружок в Черношице, установивший дружеские отношения с аналогичным украинским кружком, и кружок в Ржевнице, где русские успешно сотрудничали с армянами и калмыками[78].

В Чехословацкой республике работала Калмыцкая комиссия культурных работников. Ее руководителем являлся бывший член учредительного собрания и Донского круга Б.Н.Уланов. Комиссия оказала помощь 67 студентам-калмыкам при поступлении в учебные заведения Чехословакии, вела запись калмыцких песен, сказок, пословиц, которые издала в пяти томах на калмыцком языке, организовала библиотеку кал-

мыцкой литературы и книг, рассказывающих о калмыках. Для учащихся калмыков в Пражской гимназии был введен калмыцкий язык и изучение буддизма. С 1927 г. начал издаваться национально-культурный журнал "Улан Залат"[79].

Наряду с Парижем и Берлином Прага была одним из центров издательского дела русской эмиграции. Еще в 1919 г. лектором Карлова университета Б.В.Морковиным было основано издательство "Наша речь", в котором увидела свет первая русская книга - букварь. Издательская деятельность осуществлялась совместно с Чешско-русской еднотой. Вскоре издательство открыло книжный магазин на Катержинской улице и киоск на Вацлавской площади. Оно имело отделения в Мукачево и Ужгороде, ему удалось напечатать серию книг - художественных, публицистических, научных. Затем Б.В.Морковин переехал в Берлин, а на базе чехословацкого отделения возникло новое издательство "Пламя" под руководством проф. Е.А.Ляцкого, ставшее одним из наиболее крупных в эмиграции, выпустив за 3 года свыше 100 наименований книг. Оно имело отделения в Варшаве и Пряшеве, представительства в Харбине, Лондоне, Риге, Париже и агентства во многих странах мира. Еженедельная газета "Огни" рекламировала издательскую продукцию, а в 1925 г. был издан библиографический журнал "Славянская книга". С 1928 г. работа издательства стала ограничиваться оптово-розничной продажей русских книг. Недолгой оказалась деятельность Славянского издательства Г.О.Тилля (одновременно являвшегося издателем газеты "Русское дело"). Его издательство начинало в 1920 г. с публикации книг русских классиков, затем перешло к изданию переводов на русский язык классиков иностранной литературы. Не выдержав конкуренции с берлинскими издательствами, оно было вынуждено закрыться в 1923 г. Русское издательство "Кремль" действовало в начале 20-х годов и выпускало литературу для молодых читателей. Основанное в 1922 г. издательство "Хутор" первоначально выпускало литературу по вопросам сельского хозяйства, постепенно расширив публикаторскую деятельность и издавая избранные сочинения русских классиков. Редактором

издательства являлся А.Г.Винничук.Это издательство просуществовало еще в течение нескольких лет после окончания второй мировой войны. Издательство "Крестьянская Россия", руководимое Центральным бюро заграничных групп Крестьянской России, а с 1927 г. - ЦК Трудовой крестьянской партии, выпускало сборники статей, вестник и бюллетень под одноименным названием. Кроме того, в этом издательстве вышло в свет несколько брошюр. Также несколько книг и брошюр о революционных событиях и гражданской войне в России выпустило наряду с изданием газеты и журнала издательство "Воля России". Что касается эмигрантской периодики, то в ЧСР она насчитывала более 120 наименований газет и журналов. Осенью 1920 г. начала выходить ежедневная газета левых эсеров "Воля России", с 1922 г. превратившаяся в еженедельник, который затем стал двухмесячником, в конце 20-х годов являясь единственным в эмиграции регулярно выходившим "толстым" (около 300 с.) журналом. В нем печатались А.Франс, Р.Ролан, Т.Манн, А.Тома[80]., а также М.Цветаева, А.М.Ремизов, Б.Зайцев, К.Бальмонт[81]. В его редколлегию входили В.И.Лебедев, М.Л.Слоним, Е.А.Сталинский, В.В.Сухомлин. В 20-е годы выходил орган русской социалистической мысли - газета "Голос народа" . В 30-е годы начала печататься уже цитировавшаяся выше газета "Второе поколение" под редакцией Н.В.Быстрова. Издателем В.Колесниковым и редактором В.Анталовским выпускалась газета "Дневник" - информационный листок русской колонии в Праге. Такие же функции выполняла и "Информационная газета" под редакцией В.И.Ильинского, издателем ее являлся И.Бандуренко. С 1934 г. в ней печатались статьи и на чешском языке. В газете существовала постоянная рубрика "С биржи труда". Сначала дважды в неделю, а затем ежемесячно выходила газета "Зарница" под редакцией В.К.Новака, издатель - проф. В.В.Стратонов. Русско-чешская редакционная коллегия в 30-е годы издавала независимую русскую еженедельную газету "Единство". Существовали также газеты-однодневки, посвященные какому-нибудь событию, например, "День русского инвалида", и проч. В ЧСР выходили несколько казачьих изданий, а

также газеты Подкарпатской Руси: "Карпаторусский голос" (независимая ежедневная газета, редактор А.Фенцик, издатель И.В.Каминский); "Карпаторусский земледелец" (шеф-редактор агроном И.Э.Лоскот, редактор М.И.Микита), выходившая в Мукачево центральная иллюстрированная газета по всем вопросам земледелия; "Карпаторусское слово" (ответственный редактор О.Линек издатель К.Ильма), выходившая дважды в месяц. Однако, надо заметить, что в Праге не было крупной ежедневной популярной газеты. Газеты "Огни", "Неделя", "Новости" в основном информировали читателей о местных событиях в эмигрантской жизни. Существование многочисленных мелких газет обычно длилось недолго. Весьма популярны среди русских в Чехословакии были и такие газеты, как "Накануне", "Дни", "Социал-демократ", "Заря", "Современные записки", "Русская мысль", "Голос России", издававшиеся эмигрантами в других странах. Помимо газет в Чехословакии существовало множество журналов, бюллетеней, записок, вестников как социально-политического и литературно-художественного характера, так и специальных, рассчитанных на определенную группу читателей или определенный регион, в том числе и научных (тщательное изучение и анализ выходившей в ЧСР российской перидики уже становится отдельной темой исследований)[82]. В специализировавшихся на русской литературе книжных магазинах всегда был богатый выбор поэзии, детских книг, учебников, географических карт, словарей, нот, художественных открыток[83].

В 1921 г. в ЧСР возник Русский торгово-промышленный комитет. Он объединял торговцев и промышленников из числа русских эмигрантов и представлял их интересы в Центральном русском торгово-промышленном и финансовом союзе в Париже. Комитет ставил своей целью детальное изучение чехословацкой промышленности и содействие экспорту ее продукции . При комитете было организовано бюро труда для учащейся молодежи, выдавались ссуды на переезд в другие страны. В конце 20-х годов председателем правления был В.С.Рябов. В 30-е годы в Чехословакии существовало Объединение Россий-

ских кооператоров. Его деятельность заключалась в регистрации всех российских кооператоров в Чехословакии, оказании им трудовой, материальной и моральной помощи, изучении кооперативного движения в Чехословакии и других славянских странах, распространении сведений о русской кооперации среди русских эмигрантов и чехословацкой общественности, содействии в организации кооперативов, проведении консультаций, обследовании рынков в Чехословакии и других странах. Членами Объединения могли быть лица, работавшие в кооперации на территории бывшего Российского государства или оказавшие российской кооперации существенные услуги. В объединение входили действительные члены и соискатели ("соревнователи" - так в документе). Соискателями или кандидатами в члены Объединения могли стать лица, интересовавшиеся кооперацией и своими теоретическими и практическими знаниями в области народного хозяйства, могущие оказаться полезными для его деятельности. Членский взнос составлял 10 кр.ч. ежемесячно. Руководили работой Объединения общее собрание и правление, избиравшееся в составе не менее 3-х человек на срок 6 месяцев. С 1926 г. существовала ссудо-сберегательная касса "Славянская взаимность", председателем правления которой стал Ф.С.Мансветов. Первоначально ее членами были 144 человека с 275 паями на сумму в 13 750 кр.ч. Уже через 3 года членов стало втрое больше, а количество пайщиков и сумма вкладов увеличилась почти в 5 раз. Вырос и объем кредитных операций кассы, ее филиалы появились во Франции, Сербии, Болгарии, а также на территории Чехословакии. Русское студенческое и профессорское потребительское и производственное товарищество с ограниченной ответственностью, под названием Русский студенческий кооператив, возникло в 1923 г. В состав его учредителей входили 45 человек. Его задача состояла в снабжении студентов и профессоров качественными продуктами по доступным ценам. Во дворе студенческого общежития в Худобинце кооператив открыл лавку, а позднее в течение первого полугодия были открыты еще две лавки, прачечная, сапожная

мастерская и парикмахерская. К 1925 г. в нем состояло уже около 500 человек. Бойко шла торговля продуктами, предметами одежды и обуви в центральном магазине на Ечной улице. При кооперативе имелись театральная и сберегательная кассы. Торговля в кредит составляла около 24% общего оборота. Планировалось открыть столовую для студентов[84]. В конце 1922 г. было создано общество по строительству профессорского дома на 42 квартиры. В него вошли 80 профессоров во главе с инициативной группой в составе Г.Г.Кривошеина, В.А.Брандта и В.И.Исаева. Деньги на строительство были получены в долг от Государственного Земельного банка, а частично, от будущих жильцов. Погашение долга планировалось с рассрочкой в течение 60 лет. К весне 1925 г. в одном из лучших районов Праги дом был выстроен. Столь положительный опыт привел к возникновению весной 1927 г. строительного товарищества "Сполечны домов". Его целью стала постройка многоквартирных домов и домиков для отдельных семей, с тем, чтобы на льготных условиях предоставлять эмигрантам дешевое и удобное жилье. Снимать жилплощадь в Праге и других крупных городах Чехословакии было крайне дорого, на квартплату уходило 40% бюджета эмигрантов. В начале 30-х годов товарищество, членами которого были 125 человек, возглавлял генерал Н.А.Ходорович, секретарем был инженер Г.А.Губин, в правление входили консулы МИД И.Гайны и З.Завазал. Было приобретено два участка в Праге под строительство двух больших домов на 44 квартиры. Так как переговоры об участках под маленькие дома несколько затянулись, было решено строить дома с небольшими квартирами и отдельными комнатами со всеми удобствами[85]. Эмигрантские газеты пестрели объявлениями с предложением товаров и услуг. Так торгово-промышленная и техническая контора А.Френкеля под названием "Русский экспорт и импорт" усиленно рекламировала со складов сельскохозяйственную технику, сепараторы, семена, бумагу, стекло, хрусталь, эмалированные изделия, а также давала бесплатные справки по всем отраслям чехословацкой промышленности[86].

Таким образом деятельность руских эмигрантских структур в Чехословакии охватывала практически все стороны жизни: науку, культуру, образование, литературу, искусство, финансы, торговлю, промышленность, сельское хозяйство, спорт.

Примечания

1. Русские в Праге 1918-1928 (Ред.-изд. С.П.Постников). Прага, 1928. С.35.

2. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.42.Л.18.

3. Там же. Д.132. Л.174-177.

4. Там же. Д.3.Л.20.

5. *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Сов. славяноведения. 1991. №6.С.30.

6. См.: Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.,1977. Т.2.С.320.

7. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.132.Л.58.

8. Там же. Д.42.Л.1-26.

9. Второе поколение. 1931. 6 июня.

10. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.3.Л.23.

11. Там же. Д.42.Л.27.

12. Там же. Д.65.Л.1-9.

13. Там же. Д.42.Л.22.

14. Там же. Л.24.

15. Там же.

16. Информационная газета. 1933. 30 сент.

17. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.72.Л.3.

18. *Мейснер Д.И.* Указ. соч.С.207.

19. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.132.Л.140.

20. Там же. Л.133 об.

21. *Мейснер Д.И.* Указ. соч.С.169-170.

22. ГАРФ. Ф.5809. Оп.I.Д.218.Л.1-2; Новое время. 1923. 31 янв.; Дни.1923.4 июля; Второе поколение. 1931. 13 июня; Venkov.1922. 19.VI; Narodní listý. 1922. 20.VI; Lidové noviny. 1922. 19.VI.

23. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.132.Л.158; *Чиняева Е.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "руской акции" // Славяноведения. 1993. №4.С.36.

24. Второе поколение. 1931. 4 апр., 2 мая, 16 мая.

25. Устное свидетельство певца-эмигранта Б.Миллера на концерте белогвардейской песни в Театре эстрады в Москве. Январь 1994 г.

26. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.3.Л.1-3.

27. *Новиков М.М.* Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Опыт введения в русскую эмигрантскую

библиографию. Прага, 1935.С.4.

28. Там же. С.5-7; SUA.f.RUESO fascikl 271, č.krabice 43. S.1-10.

29. Цит по: *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Пашуто В.Т.* Указ.соч. С.217.

30. Подробнее о юридическом факультете см.: *Пашуто В.Т.* Указ.соч. С.64-68, 213-224.

31. Второе поколение. 1931. 2 мая.

32. *Пашуто В.Т.* Указ.соч. С.60-64.

33. Там же. С.54-60.

34. Русские в Праге... С.36-40.

35. *Новиков М.М.* Указ.соч. С.19.

36. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.72.Л.1-2.

37. *Новиков М.М.* Указ.соч. С.7.

38. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.132.Л.216; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace v Praze. Pr.,1995. S.35.

39. Русские в Праге... С.122-125; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace... S.16.

40. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.3.Л.1-3; Единство. 1931. №1-43; 1932. №1-40; 1933. №1-22. 1934. №1-23.

41. Русские в Праге... С.160-162; ГАРФ. Ф.6348. Оп.I.Д.915.

42. Информационная газета. 1934. 6 янв.; ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.72.Л.10 об.

43. Русские в Праге... С.149-152.

44. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.72.Л.13-14, 31.

45. Там же. Л.20; SUA.f.RUESO fascikl 168, č.krabice 22.

46. Русские в Праге... С.159;

47. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.72.Л.30.

48. Там же. Л.21, 29.

49. Русские в Праге... С.153-155; Подробнее см.: ГАРФ. Ф.5772. Оп.I.Д.1-180; Там же. Ф.5900. Оп.I.Д.1-301 Там же.Ф.5785. Оп.I.Д.1-211; SUA.f.RUESO fascikl 272, č.krabice 43.

50. *Новиков М.М.* Указ.соч. С.31; Русские в Праге... С.157-159.

51. Второе поколение. 1931. 6 июня.

52. ГАРФ. Ф.6348. Оп.I.Д.1.Л.2-6; Д.2.Л.1-5; Д.54.Л.1-37; Д.1012.Л.80-81; Оп.3.Д.54, Д.58; *Правдин П.* Жизнь русской земледельческой эмиграции, находящейся под протекторатом Земледельческой Едноты ЧСР. Прага, 1924. С.1-27.

53. ГАРФ. Ф.5937. Оп.I.Д.2.Л.1-70; Д.13. Л.210-283; См.также: *Борисенок Е.Ю.* Русское земледельческое движение в Чехословакии в 1920-е годы // Славяноведение. 1992. №4. С.45-56.

54. *Мейснер Д.И.* Указ.соч. С.142, 146.

55. Русские в Праге... С.166-167.

56. Второе поколение. 1931. 2 мая.

57. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I.Д.132.Л.156, 186-188.

58. Русские в Праге... С.171-174.
59. Второе поколение. 1931. 4 апр.
60. Там же. 25 апр.
61. Информационная газета. 1934. 13 янв; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace... S.40.
62. *Мейснер Д.И.* Указ.соч. С.153.
63. Русские в Праге... С.178-194; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace... S.42.
64. *Пеликанова А.* Идеология сокольства. Прага, 1924. С.6, 9.
65. Второе поколение. 1931. 30 мая.
66. Второе поколение. 1931. 9 мая, 16 мая.
67. Русские в Праге... С.62-83, 146, 176.
68. ГАРФ. Ф.5938. Оп.1.Д.1.Л.1-19.
69. Там же. Оп.2.Д.1,3,5,7,8,10,112.
70. Русские в Праге... С.117.
71. *Tejchmanová S.* Rusko v Československu...S.44; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace... S.8.
72. Информационная газета. 1933. 16 сент
73. *Лапшин И.И.* Чешско-русское сближение в области музыки // Русские в Праге... С.311-321.
74. Второе поколение. 1931. 16 мая.
75. *Брей А.* Русский театр в Праге // Русские в Праге... С.322-329.
76. *Еленев Н.* Русское изобразительносе искусство в Праге // Русские в Праге... С.284-310.
77. Второе поколение. 1931. 2 мая, 9 мая; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace... S.27.
78. Русские в Праге... С.135-146.
79. Там же. С.132-135.
80. Там же. С.194-205; Ruská, ukrajinská a běloruská emigrace... S.46
81. *Tejchmanová S.* Op.cit. S.45-47.
82. *Podhájecká T.* Ruský periodický tisk vycházející v Praze v meziválečném období // Slovanský přehled. 1993. N1. S.75-83.
83. Воля России. 1920. 14 сент.
84. SUA.f.RUESO fascikl 131, č.krabice 16; Русский студенческий кооператив. 1923-1925. Прага. 1925.
85. Второе поколение. 1931. 2 мая.
86. Воля России. 1920. 17 сент.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материалы, изученные в процессе работы над книгой, позволили расширить представление о российской эмиграции в ЧСР , в определенной степени преодолеть стереотипы ее восприятия.

Быть может, это парадоксально, но россияне, эмигрировавшие по политическим мотивам, не занимались по преимуществу политической деятельностью, как это принято было считать. Большинство эмигрантов в новых для них условиях жили каждодневными заботами и нуждами, нередко вели поистине борьбу за существование. В своей массе российские беженцы были бедны, иногда отчаянно: крайняя нужда стала причиной самоубийства крупнейшего русского ученого-статистика В.В.Водовозова[1]. Однако среди них были и люди вполне обеспеченные, имевшие в Чехословакии свое дело, некоторые из которых объединялись Русским торгово-промышленным комитетом.

Чехословацкое правительство оказывало россиянам огромную материльную помощь, особенно в первой половине 20-х годов, временами превышающую ту, которую российские эмигранты получали от всех европейских государств. Но нелишне заметить, что подавляющая часть эмиграции из России была трудовой, самостоятельно зарабатывающей на свой хлеб и вносившей свою лепту в благосостояние молодого чехословацкого государства. В 30-е годы в нем на иждивении у правительства остались лишь считанные лица.

Соотношение между политической и другими видами деятельности эмигрантских организаций в ЧСР (как-то: благотворительная, культурно-просветительная, научно-образовательная и др.) было явно не в пользу первой, что прослежи-

вается на примере крупнейшей эмигрантской организации в Чехословакии - Земгора. К политической в определенной мере можно отнести лишь консульскую и представительскую работу Объединения в самом начале 20-х годов. По законам Чехословацкой республики, эмигранты вообще не имели права заниматься политикой. В уставах практически всех эмигрантских организаций, даже объединений бывших военных и казаков, например таких, как Чехословацкий отдел Казачьего союза, Союз кубанцев и др., было записано, что они не являются политическими. Но политикой эмигранты, конечно же, занимались. Правда, их деятельность в большинстве случаев не была направлена на организацию вооруженной борьбы с Советами, как это представлялось раньше. Наоборот, вопрос об интервенции, "крестовом походе на Русь" очень скоро отпал. Ставка делалась на разоблачение сути политики большевиков, ее отрицательных последствий, с тем, чтобы пробудить протест в самой России. Так, эсеровское издание "Воля России" ставило своей целью "вернуть сознание народных масс России к правильному пониманию основных путей и принципов государственного и социалистического строительства февральской революции 1917 г."[2]. Газета писала: "Только внутренние силы самого русского народа выведут Россию на верный путь. Мы будем работать над тем, чтобы сблизить европейскую демократию с демократией русской"[3]. Эмигрантская печать вела антикоммунистическую пропагандистскую работу. Но если прежде она однозначно трактовалась как "клеветническая", то сейчас можно с уверенностью сказать, что большая часть эмигрантских периодических изданий в изображении советской действительности старались точно придерживаться фактов, оценивая их, безусловно, со своей точки зрения.

То же относится к научным учреждениям, занимавшимся изучением современного социально-экономического, политического и культурного развития Советской России (таким, как Институт изучения России, Экономический кабинет профессора С.Н.Прокоповича и др.). Их задачей являлось объективное изображение советской действительности, освещение всех

успехов и просчетов российской политики в экономике и культуре, ее сильных и слабых сторон. В этом смысле изучение эмигрантских трудов, посвященных истории СССР межвоенного периода, оказалось бы полезным для специалистов по отечественной истории и в настоящее время. Внимания заслуживают неоспоримые достижения ученых-эмигрантов в различных областях научного знания, а также творческое наследие литераторов и людей искусства.

Эмигрантская общественность устраивала также политические собрания и митинги, проводила съезды, на которых велись споры о будущем России и путях борьбы с большевизмом. К числу политических мероприятий отнесем и ежегодные траурные собрания в день поминовения жертв большевистского режима. В них принимали участие и выступали с речами старейший русский писатель Вас. И.Немирович-Данченко, профессор А.А.Кизеветтер, князь П.Д.Долгоруков. Хор исполнял "Вечную память", звучали и другие траурно-торжественные музыкальные произведения. После собраний обычно проходила панихида по усопшим в храме Св.Николая[4]. Организовывались также митинги по поводу отдельных событий. Так, пражская колония эмигрантов собиралась на митинг протеста против разрушения храма Христа Спасителя в Москве и уничтожения других исторических и религиозных памятников[5].

Вполне естественно, что люди, вынужденные покинуть родину, лишенные дома, оторванные от друзей, а нередко и родственников, не испытывали симпатии к ее новым властям. Вместе с тем ни в коем случае нельзя понимать их антисоветскую настроенность как антироссийскую. Почти все они оставались горячими патриотами России и родного народа. Имеются неоспоримые доказательства этого. Эмигранты, несмотря на экстравертный национальный характер русских, продолжали жить внутренней жизнью своей колонии, собираясь на "Русские вечера", посещая русский театр, читая русскую литературу, тесно общаясь друг с другом на русском языке. В "Информационной газете" читаем шутливые заповеди беженца: "Помни, что ты беженец, и ничто беженское тебе не чуждо. Тер-

пи, надейся, работай, ходи на благотворительные концерты, жертвуй, танцуй, рассуждай, заседай, но не забывай, что ты русский человек. И пусть не будет у тебя иного подданства, кроме российского"[6]. Многие общеобразовательные и профессионально-технические учебные заведения ставили своей целью сохранение и подготовку высокообразованных квалифицированных кадров для будущей России. Ученые, музыканты, писатели, художники, скульпторы, архитекторы, внося свой посильный вклад в сокровищницу мировой науки и искусства, прежде всего стремились обогатить отечественную культуру. В "День русской культуры" газета "Второе поколение" писала: "Нет двух русских культур - здесь и там, а есть единая русская культура, созданная и создаваемая русскими людьми, где бы они ни находились. Русская культура для нас не только предмет юбилейных воспоминаний и традиций: она есть прежде всего живая творимая реальность. Наш долг - поскольку мы считаем себя людьми русской культуры - эту реальность изучать, за ней следить и с нею, пользуясь обстановкой полной возможности для культурной работы, творить, чтобы не обратиться в "живой архив русской эмиграции"[7].

Общественные круги эмиграции стремились установить тесные контакты с чехословацкой общественностью и официальными властями с тем, чтобы способствовать сближению двух соседних стран в дальнейшем. Представители эмиграции изучали передовой чехословацкий опыт, мечтая использовать его на родине. Вместе с тем они демонстрировали и свои достижения в ЧСР. Так, на пражской осенней выставке-ярмарке 1933 г. инженер Песков представлял новые образцы стиральных машин, а химик Липов показывал новинки парфюмерной продукции[8]. Эмигранты немало сделали для распространения среди чехов и словаков знаний о России, ее народах, истории, природе, культуре, языке.

С большим интересом выходцы из России читали современную литературу, газеты, журналы, посещали лекции о положении в СССР. На сценах эмигрантских театров ставились пьесы советских авторов - М.Зощенко, М.Булгакова и др.

Свою любовь к России и ее народу эмигранты не раз проявляли наглядно, оказывая своим соотечественникам практическую помощь в трудную минуту. В 1921-1922 была организована кампания помощи голодающим Поволжья, ряда губерний и уездов Украины, Северного Кавказа и Центральной России. Эмигранты из тех небольших средств, которыми располагали, отправляли переводы и посылки в Россию. Активно включился в эту работу Земгор, взяв на себя пересылку отправлений частных лиц из разных стран в адрес отдельных российских ученых, художников, артистов, писателей. Посылки с продовольствием, одеждой, обувью и прочими предметами, такими как материя, нитки, иголки, бумага, мыло, отправлялись как через Финляндский академический комитет помощи русским ученым в Гельсингфорсе, так и непосредственно с делегацией чешских профессоров, выезжавших в Петроград и Москву в октябре 1921 г. Использовались и дипломатические каналы Чехословацкого комитета помощи русским ученым, который подготовил к отправке в Россию пять вагонов пожертвований. В числе получателей посылок значились В.Н.Фигнер, А.А.Ахматова, В.А.Сологуб и многие другие[9]. В связи с разразившимся на юге СССР голодом 1933 г. в чехословацкой и эмигрантской печати было опубликовано воззвание русских о помощи, в котором говорилось: "Русские трудящиеся христиане в ЧСР обращаются к чехословацкой общественности с призывом организовать международную помощь голодающим Малороссии и Северного Кавказа"[10].

В связи с началом Великой Отечественной войны большинство эмигрантов выступило за победу СССР, против Гитлера. И лишь представители немногих организаций ориентировались на поражение Советов с тем, чтобы с помощью немцев свергнуть ненавистный режим. Как бы нам не было трудно понять и объяснить действия последних, не надо забывать, что их позиция мало чем отличалась от лозунга большевиков, призывавших в свое время к поражению собственного правительства в первой мировой войне. Некоторые эмигранты проявили истинный патриотизм и героизм в борьбе с нацистами[11]. Ос-

тавшиеся к концу войны в Чехословакии гражданские лица, как принявшие чехословацкое гражданство, так и сохранившие нансеновские паспорта, ни в коей мере не замешанные в сотрудничестве с нацистами, после освобождения республики были арестованы, депортированы. Многие из них погибли в советских лагерях лишь за сам факт принадлежности к эмиграции[12].

Эмигранты - люди сложных судеб. Рассказ о них, их организациях, жизни и деятельности - своеобразный долг российских историков перед этими людьми.

Примечания

1. Информационная газета. 1933. 14 окт.
2. Воля России. 1920. 12 сент.
3. Там же.
4. ГАРФ. Ф.5888. Оп.I. Д.132.Л.137.
5. Там же. Ф.5764.Оп.I. Д.131. Л.46-а.
6. Информационная газета. 1933. 30 сент.
7. Второе поколение. 1931. 6 июня.
8. Информационная газета. 1933. 16 сент.
9. ГАРФ.Ф.5764.Оп.I. Д.253. Л.1-3, 5, 44,63,72,75,193-а,193-б,193-в,370.
10. Информационная газета. 1933.16 сент.
11. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.,1987.С.200; *Мейснер Д.И.* Указ.соч. С.238-240, 258-261.
12. *Kopřivová-Vukolová A.* Osudy ruské emigrace v ČSR po r.1945 // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-1). Pr.,1993. S.80-94; См. также *Рейзер Т.* (Бем) Украденное счастье // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918-1945 (sborník studií-2). Pr.,1994. S.105-124.

Список российских эмигрантских организаций и движений в ЧСР

1. Автомобильно-тракторная школа
2. Административная комиссия русских земледельцев при Чехословацком земледельческом союзе (едноте)
3. "Активизм"
4. Библиотека Земгора (позднее Русская народная библиотека им.Масарика)
5. Братство по погребению православных русских граждан и охране их могил
6. Брненский отдел морского кружка "Звено"
7. Временный главный комитет Всероссийского союза городов (ВГК ВСГ)
8. Вшенорско-мокропсинский русский клуб
9. Галлиполийское землячество
10. Движение "Второе поколение"
11. Движение младороссов
12. Движение "Смена вех"
13. Донская казачья станица им. атамана графа М.Н.Грабье
14. Донской казачий архив
15. Донской казачий хор им. атамана Платова
16. Евразийство
17. "Збраславские пятницы"
18. Здравница Пражского Земгора
19. Издательское общество "Единство"
20. Издательство "Воля России"
21. Издательство "Кремль"
22. Издательство "Крестьянская Россия"
23. Издательство "Наша речь"
24. Издательство "Пламя"
25. Казачий центральный союз младороссов
26. Калмыцкая комиссия культурных работников
27. Кают-кампания
28. Комитет русской книги
29. Комитет по борьбе с туберкулезом
30. Комитет по обеспечению образования русских и украинских студентов

31. Коммерческо-бухгалтерские курсы (позднее Институт коммерческих знаний)
32. Конституционно-демократическая партия
33.Концертно-театральное агентство "АМЕ"
34. Крестьянская Россия (позднее Трудовая крестьянская партия)
35. Кружок в Ржевнице
36. Кружок в Черношице
37. Крымский вспомогательный комитет
38. Литературный кружок "Далиборка"
39. Монархисты
40. Муниципальная комиссия
41. Национально-трудовой союз
42. Оборонцы и пораженцы
43. Общевоинский союз
44. Общеказачья станица
45. Общеказачья студенческая станица
46. Общеказачий сельскохозяйственный союз
47. Общерусский земледельческий союз
48. Общестуденческий хор им. А.А.Архангельского
49. Общество взаимопомощи русских женщин
50. Общество взаимопомощи участников 1-го Кубанского похода
51. Общество попечения о русских детях
52. Общество по строительству профессорского дома
53. Общество русских врачей
54. Общество русских инженеров и техников
55. Общество сибиряков
56. Общество участников волжского движения
57. Объединение инженеров и абсольвентов электро-механического отделения
58. Объединение российских кооператоров
59. Объединение русских земских и городских деятелей (Земгор)
60. Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР (ОРОВУЗ)

61. Объединение русских учительских организаций за границей
62. Объединение русских эмигрантских организаций (ОРЭО)
63. Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО)
64. Объединеие русских юристов
65. Партия меньшевиков
66. Партия народных социалистов
67. Партия социалистов-революционеров
68. Педагогическое бюро
69. Пражская группа Пршибрамского союза руских горных инженеров
70. Пражская организация "Русский кустарь"
71. Представительства Земгора
72. Приходской совет храма св.Николая в Праге
73. Прогимназия Земгора
74. Российская земледельческая партия (РЗП)
75. Русская академическая группа
76. Русская гимназия в Моравской Тршебове
77. Русская секция при ассоциации женщин с высшим образованием в ЧСР
78. Русская смешанная реформированная реальная гимназия
79. Русская сокольская матица
80. Русский воинский союз
81. Русский вспомогательный комитет
82. Русский демократический студенческий союз (РДСС)
83. Русский демократический студенческитй союз в г.Брно
84. Русский заграничный исторический архив (РЗИА)
85. Русский институт сельскохозяйственной кооперации
86. Русский камерный театр
87. Русский красный крест
88. Русский культурно-исторический музей
89. Русский народный университет (позднее Свободный) (РНУ/РСУ)
90. Русский научный институт
91. Русский научный институт сельской культуры (позднее Институт изучения России)

92. Русский национальный союз
93. "Русский очаг"
94. Русский педагогический институт им. Я.А.Коменского
95. Русский сокол
96. Русский сокол "Прага1"
97. Русский союз военных инвалидов
98. Русский союз участников Великой войны
99. Русский студенческий кооператив
100. Русский театр
101. Русский студенческий союз (РСС)
102. Русский теософический кружок
103. Русский торгово-промышленный комитет
104. Русский христианский студенческий кружок
105. Руское высшее училище техников путей сообщения
106. Русское историческое общество (РИО)
107. Руское общественное собрание
108. Русское трудовое общество
109. Русское христианское студенческое движение
110. Семинар Н.П.Кондакова (позднее Институт)
111. Скит поэтов
112. Славянское издательство
113. Совещание представителей русских организаций в ЧСР
114. Социалистическая лига нового востока
115. Социалистический клуб
116. Союз возрождения казачества
117. Союз городов (Согор)
118. Союз единства казачества
119. Союз кубанцев
120. Союз русских агрономов
121. Союз русских академических организаций
122. Союз русских артистов
123. Союз русской молодежи
123. Союз русских педагогов средней и низшей школы
124. Союз русских писателей и журналистов
125. Союз русских студентов (СРС)
126. Союз студентов русской национальности из Галичины и

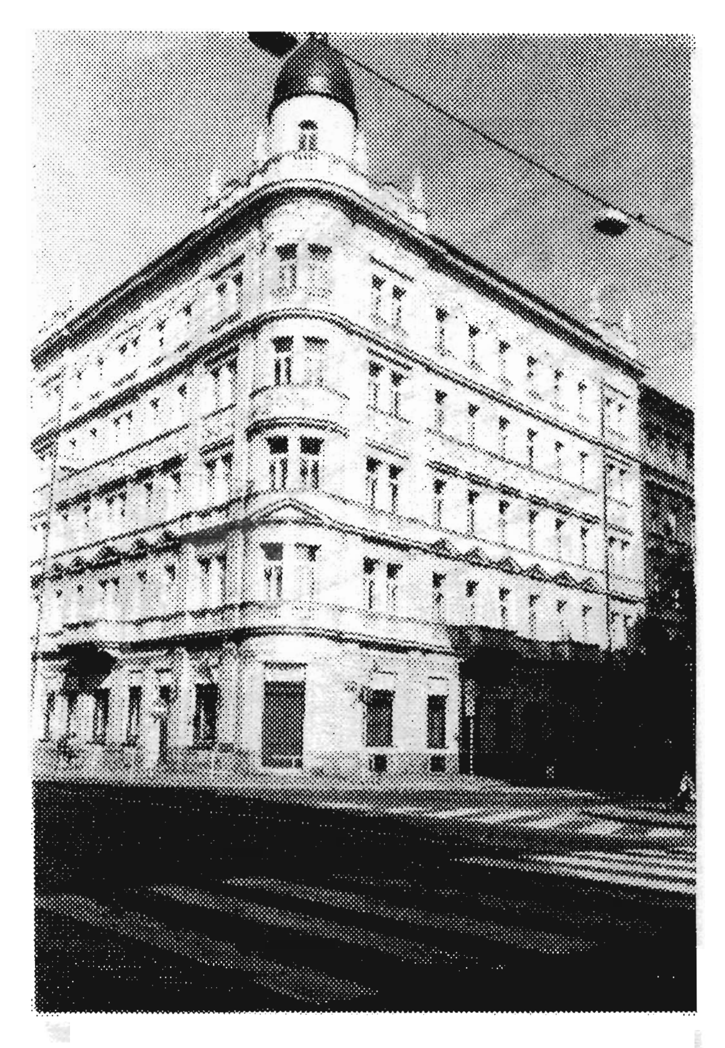
Буковины "Червонная Русь"
127. Союз русских шоферов
128. Строительное товарищество "Сполечны домов"
129. Ссудо-сберегательная касса "Славянская взаимность"
130. Телеграфное агентство "Руссунион"
131. Философское общество
132. Хор Н.Л.Вареновой
133. Хор Вебера
134. Хор А.Т.Гречанинова
135. Хор В.Ф.Кибальчича
136. Чехословацкий отдел Казачьего союза
137. Чешско-русская еднота
138. Чешско-русское общество "Мир"
139. Экономический кабинет С.Н.Прокоповича
140. Экономический совет
141. Юридическая консультация Земгора
142. Юридический факультет

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ИЛЛЮСТРАЦИИ

В этом здании на ул. Wenzigova, 17 (Praha II - Nové Město) в в 20- нач. 30-х гг. располагалась Кают-компания - объединение офицеров флота, в 1925 - нач. 30-х гг. – Русский заграничный исторический архив (РЗИА).

На улице Rumunská (Praha XII- Vinohrady) в доме № 1 в нач. 20-х гг. находились студенческая столовая Земгора, Общество участников Волжского движения 1918 г.,Комитет по обеспечению образования русских студентов ЧСР, в. сер. 20-х гг. – Земгор, Экономический кабинет С.Н.Прокоповича, и ОРОВУЗ.

Церковь св. Николая Чудотворца, где проходили православные службы (1920-1945 гг.) (Praha I - Staré Město U radnice).

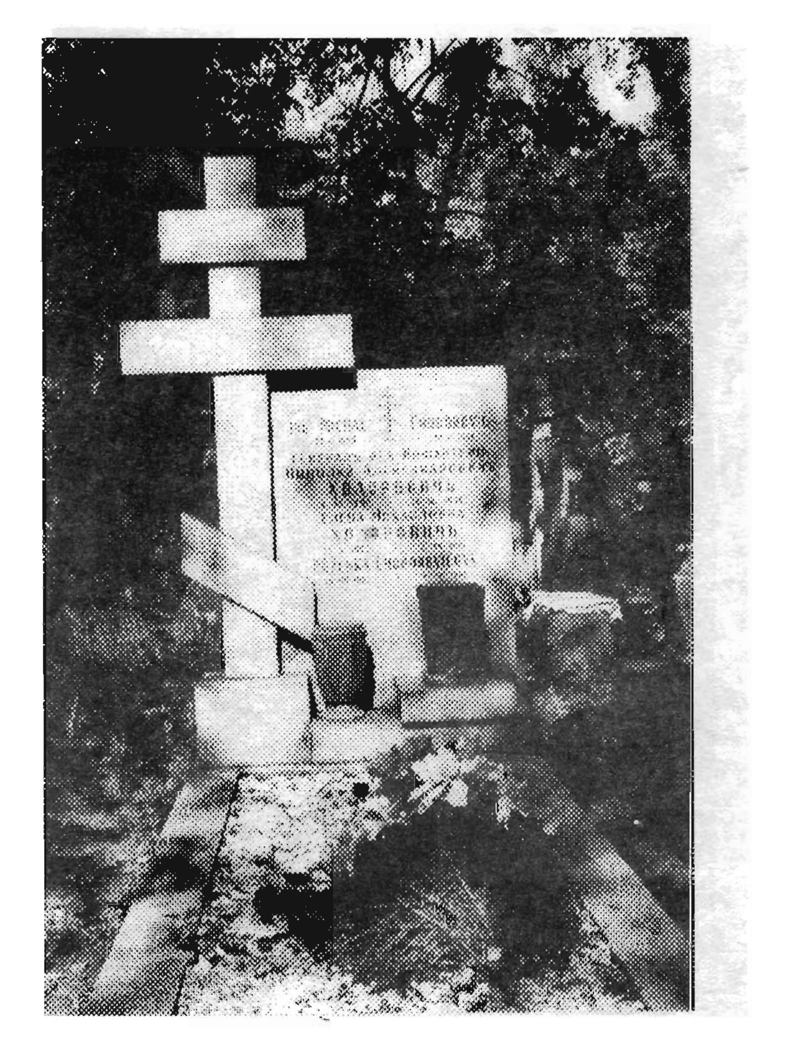
Общежитие Худобинец в нач. 20-х гг. помещалось на улице Vyšehradská, 16 (Praha II - Nové Město). Здесь же в сер. 20-х гг. находился Комитет по обеспечению образования русских студентов в ЧСР.

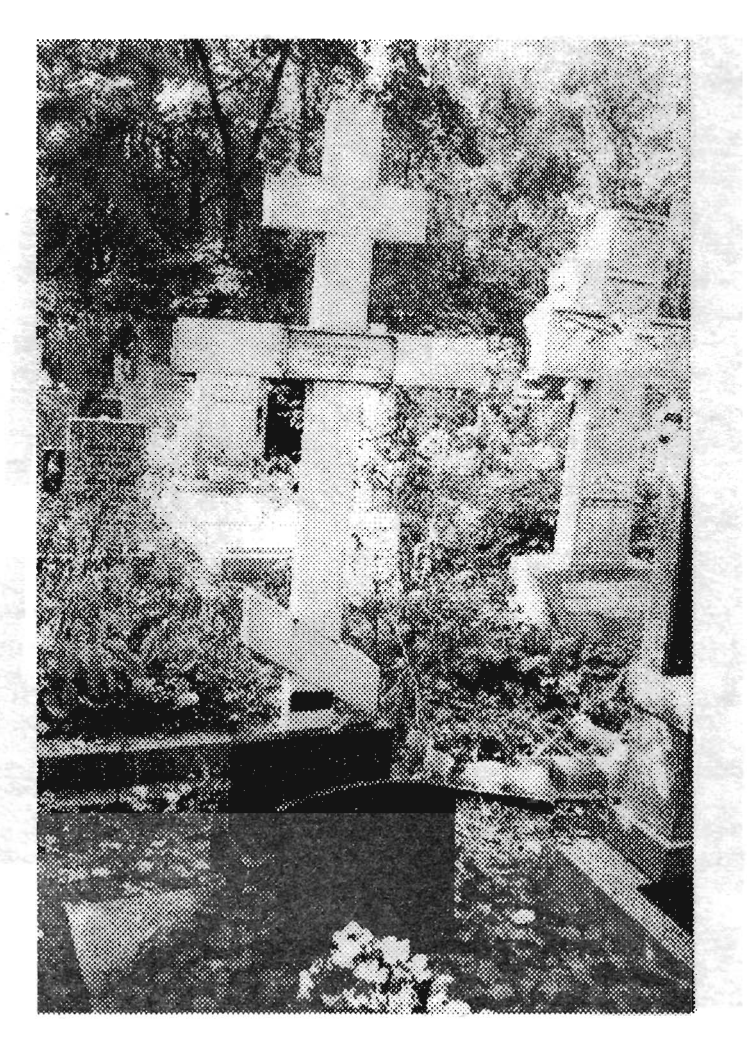
На Vaclavském nám. , 60 в 30-е гг. были расположены Экономический кабинет С.Н.Прокоповича, Общество сибиряков в ЧСР и Земгор.

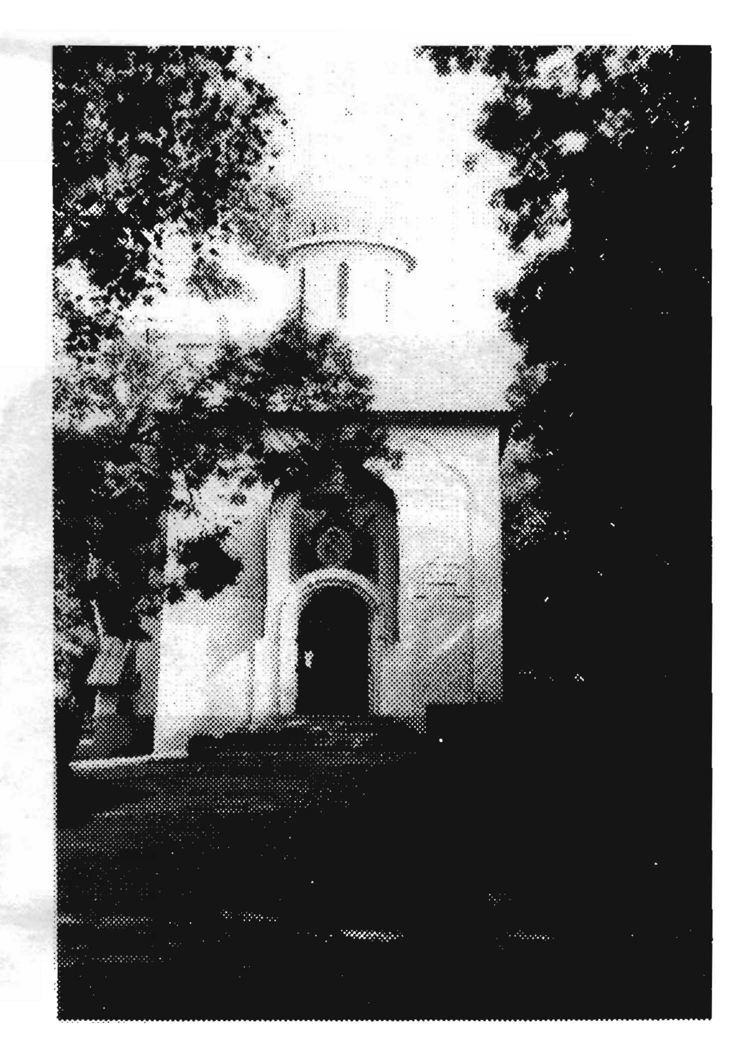
В доме 8 по Krakovské улице (Praha II - Nové Město) в нач. 30-х гг. размещались ссудо-сберегательная касса "Славянская взаимность", Строительное товарищество "Сполечны домов", а также в 30-е гг. – Русский народный университет (РНУ), Русское философское общество.

Надгробие ген. Н.А.Ходоровичу на Ольшанском кладбище.

Крест на могиле И.П.Нестерова. Ольшанское кладбище.

Храм Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище.

Фреска на храме Пресвятой Богородицы

СОДЕРЖАНИЕ

Глава III
ОРЭО и другие структуры

Е.П.Серапионова

Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы)

Монография

Рукопись книги подготовлена к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Компьютерный набор О.С.Стыкалиной
Оригинал-макет и обложка М.Н. Леньшиной
Фото M.Hlavačky

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 13.12.1995. 10,0 печ.л.
Тираж 300 экз. Заказ № [illegible]. Цена договорная

Типография ШТК "Логос" ВОС 129164 Москва, Маломосковская, 8

